ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Герой Советского Союза Е.И. Михайлова-Дёмина
Художник А.М. Шилов, 2010 г.

3/2021

Военно-исторический журнал 2021 № 3 март

ISSN-0321-0626

ГЕРОИЧЕСКАЯ ПАНОРАМА «ШТУРМ ПЕРЕКОПА»

Бой 1-й Конной в с. Отрада
Фрагменты эскизов к панораме 1937—1940 гг.

Фрагмент эскиза «Бой у Ишуньских позиций»

После завершения Гражданской войны в России молодым советским правительством была проделана большая работа, целью которой стала героизация бойцов и командиров Красной армии. Одним из элементов крупномасштабного политического и пропагандистского характера этой деятельности стала реализация проекта панорамы «Штурм Перекопа», к которому были привлечены все лучшие специалисты того времени.

Панорама должна была наглядно показать героический подвиг советских войск Южного фронта под командованием М.В. Фрунзе в годы Гражданской войны.

Перекопско-Чонгарская операция проходила с 7 по 17 ноября 1920 года. Основной её целью было завершение разгрома войск П.Н. Врангеля и освобождение Крыма. Войска Южного фронта прорвали сильно укреплённую глубоко эшелонированную оборону врангелевских войск на Перекопском перешейке и Чонгарском полуострове, форсировали залив Сиваш и при содействии крымских партизан полностью освободили Крым.

Панорама «Штурм Перекопа», рассказывавшая о завершающих боях на европейской территории нашей страны, стала самым грандиозным довоенным художественным проектом.

Специально для создания творческой атмосферы в ноябре 1935 года была проведена реконструкция событий взятия Перекопа 1920 года с участием пехоты и кавалерии. Художники смогли писать этюды практически «с натуры». Панорама и диорамы «Штурм Перекопа» создавались в течение нескольких лет группой художников, состав которой постоянно менялся. Начались работы по созданию панорамы под руководством М.Б. Грекова, а после его смерти коллектив художников возглавил Г.К. Савицкий, достойный продолжатель дела мастера-баталиста.

Панорама «Штурм Перекопа» — самый масштабный художественный проект в Советской России до 1941 года. В годы Великой Отечественной войны пропал завершённый макет панорамы, состоявший из эскизов панорамы и четырёх диорам.

О создании и судьбе уникальной панорамы подробно читайте в статье И.В. Островской «Первая советская панорама: раритеты фондовой коллекции. Из фондов Севастопольского военно-исторического музея-заповедника».

Диорама «Штурм Перекопа»
Художники М.И. Самсонов, М.А. Ананьев, В.П. Фельдман, 1959–1962 гг.
Центральный музей Вооружённых Сил Российской Федерации

Фрагмент эскиза «Бой у Чонгарского моста»

Фрагмент эскиза «Переход Красной Армии через Сиваш»

Фрагмент эскиза «Штурм Перекопского вала»

Этюды художников к панораме

Участники памятных мероприятий, посвящённых 90-летию исхода Русской армии под командованием П. Врангеля из Крыма, во время торжественного построения на Графской пристани. 14 ноября 2010 г. Севастополь

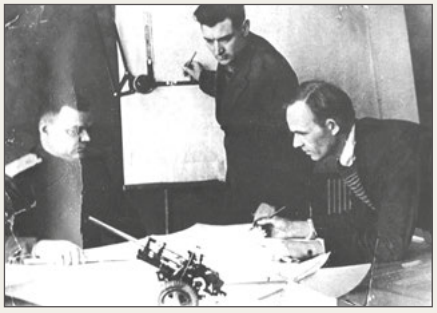

ВСЯ ЖИЗНЬ — СЛУЖЕНИЕ РОДИНЕ

Герой Социалистического Труда В.Г. Грабин

В.Г. Грабин, 1940 г.

Обсуждение проектных предложений

76-мм дивизионная пушка ЗИС-3 в бою

Здание Центрального артиллерийского конструкторского бюро (ЦАКБ), 1943 г.

В ГОДЫ Великой Отечественной войны остро встал вопрос об объединении организаций, занимавшихся разработкой артиллерийских систем. 5 ноября 1942 года вышел приказ о создании в городе Калининграде Московской области (в настоящее время — город Королёв) Центрального артиллерийского конструкторского бюро (ЦАКБ), начальником которого был назначен Василий Гаврилович Грабин — человек, обладавший к тому времени большим опытом конструктора-изобретателя и проявивший организаторский талант.

С 1933 по 1942 год он занимал должность главного конструктора на артиллерийском заводе № 92 им. Сталина в г. Горьком (в настоящее время — Нижний Новгород). Примечательно, что именно В.Г. Грабин создал конструкторское бюро при заводе, прежде отсутствовавшее. Здесь под его руководством была разработана и выпущена легендарная пушка ЗИС-3 — первое в мире артиллерийское орудие, которое собиралось на конвейере, и самая массовая пушка Великой Отечественной войны.

Кроме того, В.Г. Грабину принадлежит разработка нововведения, коренным образом изменившего производство артиллерийских орудий, — метод скоростного проектирования, позволявший в кратчайшие сроки (чуть более двух месяцев) полностью создавать пушку — от идеи до готового изделия.

ЦАКБ в городе Калининграде, которое возглавил В.Г. Грабин, стало самостоятельной организацией по проектно-конструкторским работам в области артиллерии: полевым артсистемам, орудиям для танков, зенитным и авиационным пушкам. Для осуществления своей деятельности конструкторскому бюро была выделена часть помещений бывшего завода № 8 им. М.И. Калинина, эвакуированного на Урал.

В 1945 году ЦАКБ было преобразовано в Центральный научно-исследовательский институт артиллерийского вооружения (ЦНИИАВ), а в 1955 году — в ЦНИИ-58, возглавляемый В.Г. Грабиным.

До 1959 года специалисты этого ЦНИИ спроектировали более 100 артиллерийских систем, семь из которых были приняты на вооружение Советской армии. После присоединения ЦНИИ-58 к ОКБ-1, которым руководил конструктор ракетно-космических систем Сергей Павлович Королёв, Василий Гаврилович перешёл на преподавательскую работу в МВТУ им. Н.Э. Баумана.

В Калининграде В.Г. Грабин жил с 5 января 1943 года после переезда из Москвы. В этом подмосковном городе конструктору с семьёй для проживания предоставили помещение в заводской пожарной части. Первым собственным жильём В.Г. Грабина стала находившаяся в Завокзальном районе города дача, переданная ему в собственность в 1951 году по указанию И.В. Сталина.

Несмотря на сильную занятость, конструктор не стоял в стороне от проблем развивающегося города. Связывая перспективы городского поселения с закреплением в нём молодежи, он, как руководитель предприятия, помогал решать вопросы создания инфраструктурной и социальной молодёжной среды: в 1950—1960-х годах в Калининграде были построены первый комсомольский дом и спортзал.

За высокие достижения в развитии военной науки генерал-полковнику технических войск В.Г. Грабину были присвоены учёная степень доктора технических наук, а позднее — учёное звание профессора и звание Героя Социалистического Труда.

Василий Гаврилович скончался в 1980 году в своём доме в дачном посёлке Валентиновка (в настоящее время — район Королёва). Именем четырежды лауреата Сталинской премии (1941, 1943, 1946, 1950 гг.) названа городская улица, ведущая к предприятию, которое возглавлял В.Г. Грабин. На фасаде проходной бывшего ЦНИИ-58 (в настоящее время — Ракетно-космическая корпорация «Энергия» им. С.П. Королёва) установлена памятная доска конструктору артиллерийских систем.

Тема жизни и деятельности этого уникального человека не могла не отразиться в экспозиции созданного в 2005 году Королёвского исторического музея (в настоящее время — отдел «Новейшая история города» Музейного объединения «Музеи наукограда Королёв»). В сентябре 2005 года вдова конструктора Анна Павловна передала в музейный фонд личные вещи мужа, его архив (фотографии, документы, открытки), предметы мебели. Этот фонд вместе с орудием ЗИС-3, поступившим в собрание музея из Центрального музея Вооружённых Сил, составил основу экспозиции, посвящённой деятельности ЦАКБ и его руководителю. В таком виде экспозиция просуществовала 13 лет.

МОСКВА, КРЕМЛЬ
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
СОЮЗА ССР МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ ИОСИФУ ВИССАРИОНОВИЧУ

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Выражаем глубокую признательность за присуждение нам премии Вашего имени, за Вашу отеческую заботу о конструкторах. Желание у нас одно — оправдать доверие.

Весь коллектив конструкторов Центрального артиллерийского конструкторского бюро упорно работает над изучением артиллерии в бою и готов по первому Вашему требованию создать любую артиллерийскую систему, которая пополнит славные ряды грозной сталинской артиллерии, громящей заклятого врага. Этому отдадим наши знания, наш опыт, наши силы. Для усиления мощи нашей доблестной Красной Армии полностью вносим полученные нами премии на строительство сталинской артиллерии.

Желаем Вам, Иосиф Виссарионович, много лет здоровья и сил на радость трудящихся и на страх врагам.

Лауреаты Сталинской премии Центрального артиллерийского конструкторского бюро:
В. ГРАБИН, И. ИВАНОВ, Д. ШЕФФЕР, П. НАЗАРОВ, М. РОЗЕНБЕРГ, К. РЕННЕ, П. МУРАВЬЁВ, Е. СИНИЛЬЩИКОВ, В. МЕЩАНИНОВ, С. ПЕРЕРУШЕВ.

Центральное артиллерийское конструкторское бюро товарищам Герою Социалистического Труда В. Г. ГРАБИНУ, Герою Социалистического Труда И. И. ИВАНОВУ, Д. И. ШЕФФЕРУ, П. М. НАЗАРОВУ, М. М. РОЗЕНБЕРГУ, К. К. РЕННЕ, П. Ф. МУРАВЬЕВУ, Е. В. СИНИЛЬЩИКОВУ, В. Д. МЕЩАНИНОВУ, С. Г. ПЕРЕРУШЕВУ

Примите мой привет и благодарность Красной Армии, товарищи Грабин, Иванов, Шеффер, Назаров, Розенберг, Ренне, Муравьев, Синильщиков, Мещанинов и Перерушев, за вашу заботу об артиллерии Красной Армии.

И. СТАЛИН

Переписка лауреатов Сталинской премии с И.В. Сталиным, 1943 г.

В.Г. Грабин на лекции кафедры № 8 МВТУ им. Н.Э. Баумана, 1963 г.

Посещение ЦАКБ адмиралом Л.М. Галлером, 1945 г.

Личные вещи В.Г. Грабина

В 2019 году от внука В.Г. Грабина Василия поступило предложение о передаче в музей предметов интерьера и мебели из дома конструктора, который подлежал сносу по решению нового собственника. Музеем была проведена экспедиция, позволившая демонтировать часть элементов помещения, а затем разработан проект нового музейного раздела, посвящённого В.Г. Грабину (куратор — директор Музейного объединения Е.В. Куценко). В ходе реэкспозиции из подлинных элементов интерьера (паркет, обои, двери, ламбрекен) и мебели (шкаф, стол) был воссоздан фрагмент домашнего кабинета выдающегося учёного. Основанием для воссоздания кабинетной обстановки стала фотография, найденная в фондах музея. Также, благодаря этой фотографии, было определено место хранения грабинского архива — при жизни Василия Гавриловича он располагался на полках кабинетного шкафа.

В настоящее время реконструированный фрагмент домашнего кабинета В.Г. Грабина отражает рабочую атмосферу начала 1970-х годов, которую дополняет рукопись книги мемуаров В.Г. Грабина «Оружие победы», отрывки из которой вышли в журнале «Октябрь» в 1973—1974 гг., вызвавшие острую критику. Полный вариант воспоминаний увидел свет только после смерти В.Г. Грабина — в 1989 году.

За неоценимые заслуги в деле укрепления обороноспособности страны администрацией г. Королёва было принято решение об установке памятника В.Г. Грабину на городском Мемориале Славы.

Могила Героя Социалистического Труда В.Г. Грабина на Новодевичьем кладбище Москвы

М.А. Лазарева
Сведения об авторе. Лазарева Марина Алексеевна — ведущий методист МБУК «Музейное объединение «Музеи наукограда Королёв»
(г. Королёв. E-mail: lazarevam-a@mail.ru)

ДЕНЬ МОРЯКА-ПОДВОДНИКА

И.Г. Бубнов и макет первой российской подводной лодки «Дельфин», 1903—1909 гг.

Советская ПЛ проекта Б-59 в Карибском море, 1962 г.

Атомная ПЛ второго поколения проекта 671 «Малахит», 1960-е гг.

Торжественная церемония спуска на воду пятой ПЛ проекта 636.3 «Великий Новгород», 2016 г.

15 июня 1996 года главнокомандующий Военно-морским флотом Российской Федерации адмирал флота Ф.Н. Громов подписал приказ № 253, в соответствии с которым учреждался профессиональный праздник — День моряка-подводника. В качестве даты праздника было выбрано 19 (6 по ст. ст.) марта 1906 года, потому что в этот день император Николай II ввёл в состав российского военно-морского флота подводные лодки, которые были выделены в самостоятельный класс боевых кораблей. Об этом свидетельствует приказ по Морскому ведомству № 52 от 24 (11) марта 1906 года, подписанный морским министром.

Этот день считается официальной датой рождения подводных сил российского флота.

Впервые подводная лодка документально упоминается в российских источниках в 1718 году как «потаённое судно» Е.П. Никонова. В 1834 году была построена подводная лодка по проекту российского военного инженера-фортификатора К.А. Шильдера. Затем по проекту инженера С.К. Джевецкого была создана первая серийная подводная лодка.

До 1900 года в России было построено свыше 60 подводных лодок. Все они предназначались для обороны морских крепостей и прикрепления мин к стоящим на якорях кораблям противника.

В конце XIX века командование военно-морского флота России пришло к выводу о необходимости создания нового класса кораблей, способных наносить удары по кораблям противника из подводного положения. Такие корабли были названы миноносцами, или полуподводными судами. Название «подводная лодка» было установлено только в 1906 году.

4 января 1901 года (22 декабря 1900 г.) Морское министерство создало комиссию под руководством военного инженера И.Г. Бубнова для проектирования подводных судов, и в 1903 году была построена первая русская боевая подводная лодка «Дельфин» («Миноносец № 113»).

Русско-японская война 1904—1905 гг. стала первой в мировой истории, в которой приняли участие подводные лодки.

В 1906 году с изменением официальной классификации кораблей Императорского российского флота от 1891 года подводные лодки были отнесены к кораблям 3—4 ранга, перестав именоваться миноносцами.

Первая бригада подводных лодок была сформирована в 1911 году в составе Балтийского флота и базировалась в Либаве. Бригада включала в себя 11 подводных лодок, плавучие базы «Европа» и «Хабаровск».

К началу Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. в составе четырёх флотов имелось 212 подводных лодок. За годы войны от ударов советских субмарин фашисты потеряли на море 35 проц. всех своих боевых кораблей и транспортов.

В результате осуществления послевоенных судостроительных программ в период с 1946 по 1954 гг. началось расширенное строительство судов и было построено 260 подводных лодок по новым проектам. В 1958 году в боевой состав флота вошла первая советская атомная подводная лодка проекта 627 «К-3» («Ленинский комсомол»). Уже к 1961 году Военно-морской флот СССР имел девять атомных лодок — четыре ракетные и пять торпедных.

Сегодня основу подводных сил российских ВМФ, которые входят в триаду стратегических ядерных сил государства, составляют современные атомные стратегические и многоцелевые подводные ракетоносцы, имеющие на вооружении баллистические ракеты морского базирования и крылатые ракеты.

Основан
в августе 1939 года

УЧРЕДИТЕЛЬ

Министерство
обороны
Российской
Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Март
№3 (731)
2021

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор
ЧАЧУХ
Игорь Мадинович,
полковник запаса

Заместитель главного редактора
КИКНАДЗЕ
Владимир Георгиевич,
доктор исторических наук,
доцент,
полковник запаса

Научные редакторы
П.А. АФАНАСЬЕВ,
полковник в отставке;
А.Л. БОЧАРОВА;
Е.В. ДОБЫЧИНА,
кандидат исторических наук;
В.А. ЕВДОКИМОВ,
подполковник запаса;
Н.Ф. КОВАЛЕВСКИЙ,
полковник запаса,
кандидат философских
наук, старший научный
сотрудник;
С.В. МАНЮКОВ,
полковник запаса;
А.Н. ОВЧИННИКОВ,
подполковник запаса;
А.В. ПЕТРОЧИНИН;
А.А. ПИМЕНОВ,
полковник в отставке;
О.А. ТВИРОВА

Ответственный секретарь
М.В. ЗАБРОДИНА

Секретариат
А.А. ЛАНЦОВА
(заместитель
ответственного секретаря);
Ю.В. СНЕГОВА

Литературная редакция
Н.И. ВАХРОМЕЕВА;
А.И. ПАВЕЛКОВСКАЯ;
А.М. ПЕТРОВ,
полковник запаса

Художественный редактор
Л.П. ДЕМАХИНА

Заведующая редакцией
М.П. МОИСЕЕВА
Перевод
А.М. БОРОВИК

Компьютерная вёрстка
Е.Н. КУЗНЕЦОВА

Адрес для переписки:
119160, Москва, Хорошёвское
шоссе, 38 Д, редакция
«Военно-исторического
журнала».
Тел.: (495) 941-26-50,
(495) 941-26-12.
Электронная версия
«Военно-исторического
журнала» — на сайте
www.history.milportal.ru,
на сайте Министерства
обороны РФ **www.mil.ru** и на
сайте Научной электронной
библиотеки **www.elibrary.ru**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Н.М. БАРИНОВА — директор Историко-документального департамента Министерства иностранных дел РФ (Москва)

N.M. BARINOVA — the Director of Historical Documents Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow)

И.И. БАСИК — начальник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, полковник запаса, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)

I.I. BASIK — the Chief of the Research Institute (of Military History) of the Military Academy of the General Staff of the RF Armed Forces, Colonel (res.), Cand. Sc. (History), Senior Researcher (Moscow)

А.А. БУДКО — директор Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы запаса, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ (Санкт-Петербург)

A.A. BUDKO — the Director of the Military Medical Museum of the Russian Defence Ministry, Colonel (med. service, res.), D. Sc. (Medicine), Professor, Honoured Doctor of Russia (St. Petersburg)

Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

Ye.Yu. GUSKOVA — the Director of the Centre for the Studying the Balkans crisis of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (History) (Moscow)

А.А. ЗДАНОВИЧ — советник Генерального директора Всероссийской государственной телерадиокомпании, генерал-лейтенант запаса, доктор исторических наук (Москва)

A.A. ZDANOVICH — the Adviser to the General Director of the All-Russian State TV and Radio Broadcasting Company, Lieutenant-General (res.), D. Sc. (History) (Moscow)

А.В. КИРИЛИН — референт заместителя министра обороны Российской Федерации, генерал-майор запаса, кандидат исторических наук (Москва)

A.V. KIRILIN — Assistant to the Deputy Minister of Defence of the Russian Federation, Major-General (res.), Cand. Sc. (History) (Moscow)

В.М. КРЫЛОВ — директор Федерального государственного бюджетного учреждения культуры и искусства «Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи», полковник запаса, доктор исторических наук, профессор, действительный член РАРАН, заслуженный работник культуры РФ (Санкт-Петербург)

V.M. KRYLOV — the Director of the Federal State Budgetary Establishment of Culture and Art «Military Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Communications Troops», Colonel (res.), D. Sc. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Missile-and-Artillery Sciences (RAMAS), RF Honoured Worker of Culture (St. Petersburg)

В.Н. КУЗЕЛЕНКОВ — заместитель директора Российского государственного военного архива (Москва)

V.N. KUZELENKOV — the Deputy Director of the Russian State Military Archives (Moscow)

В.Н. ЛОБОВ — генеральный инспектор Министерства обороны РФ, генерал армии, доктор военных наук, кандидат исторических наук, профессор (Москва)

V.N. LOBOV — General Inspector of the Ministry of Defence of the Russian Federation, General of the Army, D. Sc. (Mil.), Cand. Sc. (Hist.), Professor (Moscow)

С.В. МИРОНЕНКО — научный руководитель Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

S.V. MIRONENKO — Scientific leader of the State Archives of the Russian Federation, D. Sc. (History), Corresponding Member of the RAS (Moscow)

Н.И. НИКИФОРОВ — заместитель начальника Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ по научной работе, полковник запаса, кандидат исторических наук (Москва)

N.I. NIKIFOROV — the Deputy Chief of the Research Institute (of Military History) of the Military Academy of the RF Armed Forces' General Staff for Research, Colonel (res.), Cand. Sc. (Moscow)

А.К. НИКОНОВ — директор Центрального музея Вооружённых сил, полковник запаса, кандидат исторических наук (Москва)

A.K. NIKONOV — the Director of the Central Museum of the Armed Forces, Colonel (res.), Cand. Sc. (Moscow)

Э.А. ПАДЕРИН — начальник Архивной службы Вооружённых сил Российской Федерации, полковник (Москва)

E.A. PADERIN — Head of the Archival service of the Russian Armed Forces, Colonel (Moscow)

И.А. ПЕРМЯКОВ — директор Российского государственного архива новейшей истории, полковник запаса, кандидат исторических наук (Москва)

I.A. PERMYAKOV — The Director of the Russian State archive of Modern History, Colonel (res.), Cand. Sc. (History) (Moscow)

Ю.А. ПЕТРОВ — директор Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

Yu.A. PETROV — the Director of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (History) (Moscow)

В.С. ХРИСТОФОРОВ — генерал-лейтенант, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

V.S. KHRISTOFOROV — Lieutenant-General, D. Sc. (Law), Corresponding Member of the RAS (Moscow)

А.О. ЧУБАРЬЯН — научный руководитель Института всеобщей истории Российской академии наук, академик РАН, профессор (Москва)

A.O. CHUBARYAN — Scientific leader of the Institute of Global History of the Russian Academy of Sciences, Academician of the RAS, Professor (Moscow)

В.Е. ЧУРОВ — председатель Научного совета Российского военно-исторического общества (Москва)

V.Ye. CHUROV — Chairman of the Scientific Council of the Russian Military-Historical Society (Moscow)

‹‹Военно-исторический журнал›› включён в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

	АРМИЯ И ОБЩЕСТВО
2-я стр. обл.	Героическая панорама «Штурм Перекопа»
	ИМЕНА И СУДЬБЫ
2-я стр. цв. вкл.	**М.А. ЛАЗАРЕВА** — Вся жизнь — служение Родине. Герой Социалистического Труда В.Г. Грабин
	ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ
4-я стр. цв. вкл.	День моряка-подводника
	ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО
4	**А.Ю. ЛАШКОВ** — Организация воздушной обороны в годы Гражданской войны в России. 1919 год
	ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА
13	**А.В. ЛОСИК, А.Н. ЩЕРБА** — «Служба мечом считалась честнее службы пером». Оборонные проблемы Русского государства первой половины XVII века в «Истории России с древнейших времён» С.М. Соловьёва
	ИСТОРИЯ ВОЙН
22	**Б.В. НОРИК** — Англо-иранская война 1856—1857 гг.: штурм крепости Бахмани
	ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.
28	**А.В. КОРНИС, В.Ф. КОРНИС, А.А. ЗУБАРЕВ** — Минные заграждения у Диксона
37	**П.П. ЛАВРУК** — «Лживая фашистская пресса объявила нас погибшими…». Перлюстрация корреспонденции гитлеровских военнопленных
	ЖЕНЩИНЫ В АРМИИ
45	**О.В. ФАЛЛЕР, О.Л. МАЛЬЦЕВА** — «Женщина была душой госпиталя…». Первые женские медицинские формирования на театре военных действий
	НА РУБЕЖАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
55	**А.Е. ПОТАПОВ, С.В. ЯНУШ** — Вторая Ахалтекинская экспедиция 1880—1881 гг. (к 140-летию окончания Ахалтекинских походов 1879—1881 гг.)
	ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. СУЖДЕНИЯ. ВЕРСИИ
63	**И.А. ЧЕКМАСОВ** — Нераскрытые тайны «Майнильского инцидента»
	ЛОКАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ И ВООРУЖЁННЫЕ КОНФЛИКТЫ XX—XXI вв.
71	**М.В. УЛЬЯНОВА** — «К нам относятся, как к родным братьям…». Медицинская помощь китайским военнопленным на КВЖД (1929 г.)
	ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ
75	**А.В. ЧЕРЕПАНОВ** — Генерал армии Иван Черняховский: семь колен прославленного рода
	ВОЕННЫЕ МУЗЕИ МИРА
79	**И.В. ОСТРОВСКАЯ** — Первая советская панорама: раритеты фондовой коллекции. Из фондов Севастопольского военно-исторического музея-заповедника
	ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
83	**М.А. ОРЕШИНА** — В поисках вакцины от нацизма. К 75-летию окончания Нюрнбергского процесса
	ИМЕНА И СУДЬБЫ
88	**И.М. ЗАХАРОВА** — Семья Лефортов по материалам Государственного Эрмитажа
	ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ
3-я стр. обл.	Рождение российской ракетной техники. К 100-летию создания Газодинамической лаборатории
4-я стр. обл.	Первая в мире радиограмма

CONTENTS

ARMY AND SOCIETY	
The heroic panoramic painting Siege of Perekop	**p. 2 of the cover**
NAMES AND DESTINIES	
M.A. LAZAREVA — One's entire life is service to the country. Hero of Socialist Labor V.G. Grabin	**p. 2 of the col. inset**
MEMORABLE DATES	
Submariner Day	**p. 4 of the col. inset**
MILITARY CONSTRUCTION	
A.Yu. LASHKOV — Organizing air defense during the Civil War in Russia. The year 1919	**4**
MILITARY CHRONICLE OF HOMELAND	
A.V. LOSIK, A.N. SHCHERBA — «Service with sword was taken to be more honest than service with pen». The defense problems of the Russian State of the first half of the 17th century in A History of Russia from the Earliest Times by S.M. Solovyev	**13**
HISTORY OF WARS	
B.V. NORIK — The Anglo-Persian War of 1856—1857: storming the Bahmani Fort	**22**
GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941—1945	
A.V. KORNIS, V.F. KORNIS, A.A. ZUBAREV — Mine obstacles by Dikson Island	**28**
P.P. LAVRUK — «The false fascist press declared us dead…». Perlustrated letters by German POWs	**37**
WOMEN IN THE ARMY	
O.V. FALLER, O.L. MALTSEVA — «Women were the soul of the hospital…». The first female medical formations at the theater of operations	**45**
AT THE FRONTIERS OF THE RUSSIAN EMPIRE	
A.Ye. POTAPOV, S.V. YANUSH — The second Akhalteke campaign of 1880—1881 (on the 140th anniversary of the end of the 1879—1881 Akhalteke campaigns)	**55**
VIEWPOINTS. JUDGMENTS. VERSIONS	
I.A. CHEKMASOV — Undisclosed secrets of the Mainila Incident	**63**
LOCAL WARS AND ARMED CONFLICTS IN 20th — 21st CENTURIES	
M.V. ULYANOVA — «We are treated like members of the family.…». Medical assistance for Chinese POWs at the East Chinese Railroad (1929)	**71**
MILITARY LEADERS AND COMMANDERS	
A.V. CHEREPANOV — General of the Army Ivan Chernyakhovsky: seven generations of the illustrious family	**75**
MILITARY MUSEUMS OF THE WORLD	
I.V. OSTROVSKAYA — The first Soviet panorama: rarities in the stock collection. From the stock of the Sevastopol Military History Museum Preserve	**79**
HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES	
M.A. ORESHINA — In search of a vaccine against Nazism. To the 75th anniversary of the end of the Nuremberg trials	**83**
NAMES AND DESTINIES	
I.M. ZAKHAROVA — The Lefort family after the State Hermitage materials	**88**
FROM THE HISTORY OF ARMAMENTS AND EQUIPMENT	
The birth of Russian missiles. On the centenary of the Gas Dynamics Laboratory	**p. 3 of the cover**
The world's first radiogram	**p. 4 of the cover**

А.Ю. ЛАШКОВ A.Yu. LASHKOV

ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЗДУШНОЙ ОБОРОНЫ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ. 1919 ГОД

ORGANIZING AIR DEFENSE DURING THE CIVIL WAR IN RUSSIA. THE YEAR 1919

Сведения об авторе. *Лашков Алексей Юрьевич — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации, полковник запаса, кандидат исторических наук, доцент (Москва. E-mail: lashkov3@yandex.ru).*

Аннотация. *В статье рассказывается об организации воздушной обороны нашего государства в Гражданской войне (1919 г.) на примере крупных административных центров и отдельных приморских районов.*

Ключевые слова: *Россия; Гражданская война; 1919 год; воздушная оборона; зенитная артиллерия; истребительная авиация; орудие; самолёт.*

Information about author. *Aleksei Lashkov — Senior Researcher at the Military History Research Institute of the RF AF General Staff Military Academy, Colonel (res.), Cand. Sc. (Hist.), Assistant Professor (Moscow. E-mail: lashkov3@yandex.ru).*

Summary. *The paper describes the organization of air defense of our state during the Civil War (1919) as exemplified by major administrative centers and individual maritime areas.*

Keywords: *Russia; Civil War; the year 1919; air defense; anti-aircraft artillery; fighter aircraft; gun; aircraft.*

В НАЧАЛЕ 1919 года основные события Гражданской войны в России развернулись в Северной области и в районе Финского залива. Рост воздушной группировки противника в восточной части Балтийского моря потребовал корректировки плана организации воздушной обороны (ВоздО) в рамках 7-й армии (А). Штаты зенитных дивизионов и батарей ВоздО Петрограда были пересмотрены. Для воздушного прикрытия города на Неве выделены 15 самолётов-истребителей (19-й и 32-й авиаотряды (АО)), подчинявшиеся помощнику начальника воздушной обороны Петрограда по авиации. Придание Управлению ВоздО Петрограда «центральной станции предупреждений от налётов неприятельских аэропланов» позволило наладить устойчивую связь со всеми элементами воздушной обороны (авиаотрядами, зенитными батареями, прожекторными и пулемётными командами, вахтами воздушного наблюдения).

Тем временем кампания 1919 года на Северном фронте (СФ) началась со структурных изменений в составе воздушных группировок противоборствующих сторон. Решением начальника Полевого управления авиации и воздухоплавания (ПУАВ) СФ было предложено изъять из состава ВФ 6-й отдельной армии (ОА) все небоеспособные подразделения. Основные воздушные силы армии оказались сосредоточенными в Архангельском и Котласском районах.

В течение января—февраля бело-союзническая авиация вследствие крайней изношенности самолётного парка совершала лишь одиночные полёты в тылу частей РККА.

В феврале 1919 года 7 А перешла в подчинение командующему войсками Западного фронта (ЗФ), которому главком ВС Республики поставил задачу — в кратчайший срок организовать воздушную оборону морской крепости (м/к) Кронштадт на базе зенитно-артиллерийской обороны самой крепости и форта «Красная Горка». Предложенные меры были связаны с планами правительства Финляндии по созданию «Великой Карелии» (с включением в зону своих интересов и Кольского полуострова). За этим последовала концентрация финских войск вблизи государственной границы с РСФСР с усилением их воздушной группировки.

Для обороны города на Неве на северном направлении был создан Карельский участок Петроградского фронта. В конце февраля туда из состава ВоздО Петрограда переброшены 3 зенитно-артиллерийских дивизиона (8 батарей)[1]. Также были приняты неотложные меры по формированию воздушной обороны Кронштадтского района путём командирования в м/к Кронштадт 1-й Особой автомобильной зенитной батареи (командир — В.К. Прокофьев).

К весне 1919 года заметно возросло воздушное противоборство в небе Северной области. Для наращивания зенитных средств 6 ОА ещё в начале января в состав 18-й стрелковой дивизии (Архангельский район) был включён Путиловский железнодорожный зенитный дивизион (4-батарейного состава)[2]. Также для решения задач 3А в районе Архангельска были задей-

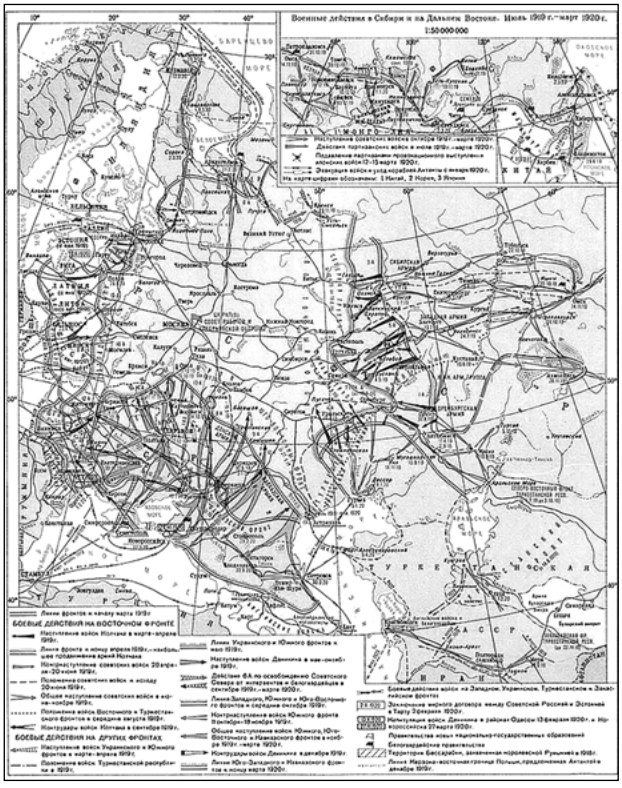
ствованы несколько бронепоездов: № 20, 37, «Зенитка» и «Красный моряк».

С поступлением новой техники к маю значительно обновился самолётный парк белосоюзнической авиации. Это обстоятельство позволило сформировать три дивизиона двухотрядного состава (один русский и два английских). Одновременно была усовершенствована система воздушной обороны. Вследствие отсутствия в войсках Северной области штатных зенитных структур основная нагрузка легла на полевую артиллерию, пулемётные команды (сухопутные, морские и речные) и пехотные подразделения. В результате периодических обстрелов с земли красных лётчиков отдельные командиры авиаотрядов 6 ОА выступали с предложением не совершать полёты во вражеский тыл далее 11 км (от передовой линии) и не опускаться ниже высоты 1,5—1 км (за исключением особо важных случаев)[3].

В апреле 1919 года воздушная оборона города на Неве приобрела законченный структурный вид. Основная задача ЗА и ИА заключалась «в недопущении самолётов и дирижаблей противника до кольцевой вокруг г. Петроград воздушной зоны, поражаемой артиллерийским огнём; в недопущении с целью разведки, обстрела или бросания бомб снижаться аппаратам противника, вошедшим в кольцевую зону поражения, то есть над самым городом»[4]. Основу охранной авиации составлял 4-й авиационный дивизион (командир — военлёт Е.С. Студзинский, 10, 11 и 12 АО) с численностью самолётного парка 22 боевые машины.

Тем временем англичане по согласованию с финской стороной приступили к оборудованию сети своих аэродромов на северном побережье Финского залива. С них планировалось совершать воздушные налёты на Петроград, укрепления и форты Кронштадтского района с северо-западного направления. Уже 28 мая английские гидросамолёты впервые подвергли бомбардировке форт «Красная Горка»[5]. В июне 1919 года к воздушным налётам подключилась финская авиация. Помимо ведения воздушной разведки её лётчики (в т.ч. русские пилоты) периодически бомбили военные морские и сухопутные объекты в приморских районах северной столицы, а также отдельные форты Кронштадта. 10 июля, воспользовавшись слабой организацией воздушной обороны г. Сестрорецка, финские самолёты сбросили несколько бомб на территорию патронного завода[6].

В целом активизация деятельности авиации северного соседа потребовала дальнейшего совершенствования системы ВоздО Петрограда и Кронштадтского района. К этому времени зенитная артиллерия, прикрывавшая небо города на Неве, имела в своём составе 4 (включая технический) дивизиона и 3 авто-пушечные батареи (уровень боеготовности составлял

Карта Гражданской войны в России (март 1919 г. — март 1920 г.)

86 проц.)[7]. Им были приданы 11 зенитных прожекторов.

В конце мая 1919 года была учреждена должность начальника ВоздО Кронштадтского района (т. Мироненко) с приданием ему управления (штаба)[8] и подчинением всех противосамолётных подразделений морской крепости Кронштадт.

В указанный период командование 6 ОА на «речном» фронте оборудовало два новых аэродрома (в районе рек Северная Двина и Вага), что позволило создать надёжный воздушный заслон относительно тихоходным бело-союзным самолётам. Тем не менее период с 31 мая по 17 июня был отмечен их повышенной активностью. В результате заметно увеличился процент боевых вылетов красных лётчиков на перехват авиации противника.

С целью завоевания оперативного господства в воздухе противоборствующие стороны предприняли попытки ослабить воздушную группировку друг друга. По инициативе подполковника А.А. Козакова (Казакова), выдающегося русского лётчика-аса Первой мировой войны, руководство Славяно-британского авиационного корпуса (СБАК) спланировало воздушный налёт на гидроаэродром красных на ст. Пучуга (Северная Двина) с высадкой десанта. Его итогом стали повреждённые и уничтоженные 11 гидросамолётов, а также сожжённые все походные ангары[9]. В качестве ответа красные лётчики совершили групповой налёт на аэродром и речные суда противника[10].

Командир 4-го авиационного дивизиона Е.С. Студзинский
Петроград

Одновременно английская и белая авиация заметно активизировала свою деятельность в Нижнем Поволжье. С захватом к весне 1919 года войсками Добровольческой армии Северного Кавказа, Кубани и Донской области г. Астрахань превратился в важнейший советский форпост на Каспийском море и в устье р. Волги. Организация обороны города была возложена на командование 11-й отдельной армии[11] (командующий — Н.А. Жданов). Общее руководство обороной Астраханского края осуществлял член РВС армии С.М. Киров.

Первый воздушный налёт авиации противника на Астрахань состоялся 21 апреля 1919 года[12]. На следующий день по указанию Кирова началось создание воздушной обороны города. Её основу составили 47-й разведывательный авиационный отряд (РАО), несколько 76,2-мм полевых орудий (переоборудованных для ведения зенитной стрельбы) и посты воздушного наблюдения и оповещения, расположенные на подступах к Астрахани. Для воздушного прикрытия города и ближайшего района был задействован также истребительный авиаотряд Каспийского воздушного дивизиона[13].

Сообщения о замеченных неприятельских самолётах с мест, не оборудованных телефонной связью, передавались с помощью сигнальных ракет и огнями костров (по заранее оговорённой схеме). Сигналом воздушной тревоги для населения и гарнизона Астрахани служили два выстрела из пушки, установленной в центре города, в старой астраханской крепости.

Белая авиация совершала преимущественно групповые полёты (3—4 самолёта) на высоте более 1,5 км (вне зоны поражения ЗА), проводя бомбардировку отдельных военных объектов.

Для борьбы с воздушным противником из состава 47 РАО ежедневно выделялось дежурное звено, находившееся в светлое время суток на аэродроме в постоянной готовности к взлёту. По опыту организации воздушной обороны крупного населённого пункта были предварительно определены зоны действия активных (авиация) и пассивных (зенитная артиллерия и пулемётные команды) сил и средств. Истребители работали на ближних подступах к Астрахани на высотах более 1,5 км, зенитно-пулемётная стрельба велась непосредственно над городом в установленных секторах с целью не допустить снижения неприятельских самолётов для бомбометания и штурмовых атак.

Вскоре к воздушным налётам на Астрахань подключилась английская авиация. Весной 1919 года в г. Порт-Петровске была создана одна из первых на Юге России английских гидробаз, на которой разместились боевые звенья 221-го и 266-го дивизионов RAF[14]. В качестве промежуточного аэродрома использовался о. Чечень в северо-западной части Каспийского моря. Первый воздушный (демонстративный) налёт на город английская авиация (3 самолёта) совершила 31 мая 1919 года[15]. Далее бомбардировки города продолжились. Для эффективной борьбы с воздушным противником в состав авиации ВоздО Астрахани были дополнительно включены истребители. Первые их победы в небе заставили англичан летать в районе города на больших высотах, что заметно снижало эффективность бомбардировок. Вследствие изношенности самолётного парка 47 РАО РВС Республики усилил воздушную оборону г. Астрахань за счёт выделения 33-го авиаотряда (5 самолётов). Помимо английской авиации лётному составу отряда пришлось столкнуться также с лётчиками 5 АО Добровольческой армии, успешно действовавшего ранее в составе Грозненской группы войск[16].

В тот же период продолжались упорные бои за г. Царицын. В марте 1919 года по указанию главнокомандующего Вооружёнными силами Юга России (ВСЮР) генерал-лейтенанта А.И. Деникина создана резервная Кавказская армия[17] (командующий — генерал-лейтенант П.Н. Врангель), которой была поставлена задача разгромить 10-ю советскую армию и в короткие сроки овладеть Царицыном. Придание Кавказской армии британского авиационного 47-го дивизиона RAF (отряд № 47[18], командир — майор Р. Коллишоу), прибывшего в мае 1919 года в Россию с бывшего Македонского фронта, значительно усилило воздушные силы армии. В следующем месяце авиационные зве-

нья отряда перебазировались на Царицынский участок фронта. 23 июня английские лётчики впервые появились в небе города, нанеся бомбоштурмовой удар по железнодорожному вокзалу, городскому порту и баржам на Волге[19]. В течение последующей недели английская авиация совершила 32 самолёто-вылета, сбросив на объекты города, его ближайшего района, группировки советских войск и красной Волжской военной флотилии более 1,3 т бомб различных типов, израсходовав 9250 патронов[20].

Одновременно с англичанами в воздушных налётах на Царицын участвовали лётчики белого 1-го Кубанского казачьего авиаотряда (командир — генерал-майор В.М. Ткачёв[21]), переброшенные туда ещё в мае 1919 года после успешных боёв под станицей Великокняжеской.

Для защиты города от воздушных налётов английской и белой авиации на короткий срок была организована его воздушная оборона. С конца мая воздушное прикрытие осуществлял 7-й истребительный АО 10-й армии (5 самолётов). Аэродром отряда находился в г. Камышине. В ходе своих воздушных налётов на город авиация противника стремилась летать на больших высотах, на которых красные лётчики не могли действовать. Подводила и старая изношенная техника, на которой перехват вражеских самолётов был довольно рискованным занятием. Позднее по причине постоянного выхода из строя боевой техники авиационный отряд был передислоцирован в г. Саратов. 24 июня его сменил 4-й истребительный авиаотряд (4 самолёта), прибывший из Моршанска[22]. Однако его в срочном порядке эвакуировали в тыл, а 30 июня Царицын был занят передовыми частями белой Кавказской армии.

Тем временем усиление активности английской, финской и белой авиации в восточной части Финского залива привело к дальнейшему совершенствованию системы воздушной обороны Петрограда и его ближайших окрестностей. К июлю 1919 года в её составе числились 13 зенитных батарей, из них 5 (3-орудийного состава), вооружённых 76,2-мм орудиями образца 1900 года. Остальные (8 батарей 2-орудийного состава) имели на вооружении орудия образца 1914 года, из них 50 проц. подвижного состава[23]. Зенитные батареи располагались преимущественно за городской чертой (по кольцу) с таким расчётом, чтобы обеспечить охрану всего города и пригорода в момент «нахождения [вражеского] аппарата в “мёртвой воронке” [не обстреливаемом пространстве над орудием] одной из батарей… [и] могли поражать огнём соседние с ним 2 батареи»[24].

Воздушное прикрытие северной столицы продолжал обеспечивать 4-й истребительный авиационный дивизион. Основу его самолётного парка составляли аппараты истребительного типа: «Ньюпор», «Спад» и «Сопвич». Помимо организации воздушной обороны экипажи дивизиона также задействовались для решения бомбардировочных задач. Взаимодействуя с морскими лётчиками Воздушной бригады особого назначения (ВБОН)[25] Балтийского флота, они участвовали в бомбардировании укреплений восставшего форта «Красная Горка» (13—16 июня 1919 г.), захваченной белыми войсками железнодорожной станции Вруды (18 мая 1919 г.).

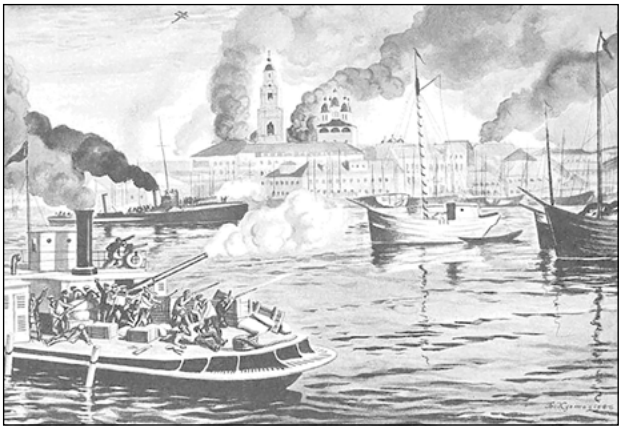

Лётчики Славяно-Британского авиационного корпуса
Северная обл.

К середине июля с разгромом основных сил противника на юго-западном направлении и «в связи с назревающей более длительной угрозой городу со стороны Финляндии»[26] было сформировано управление начальника Петроградского укреплённого района (ПУР). В его пределы были включены: побережье Ладожского озера, Карельский перешеек, Балтийский флот с Кронштадтской крепостью и район (по усмотрению командования Западного фронта)[27]. Воссозданный укрепрайон был подчинён Реввоенсовету (РВС) 7 А[28].

Кронштадтский сектор (район) подчинялся коменданту Петроградского УР только в оперативном отношении. В соответствии с приказом по Кронкрепости от 1 июня 1919 года № 12 начальник ВоздО м/к Кронштадт был оперативно подчинён начальнику штаба крепости, во всех остальных отношениях — начальнику артил-

Красная флотилия под Астраханью
Художник Б. Кустодиев, 1920-е гг.

Лётчики-герои астраханцы Д.В. Щёкин и А.С. Коротков на моторе сбитого ими английского самолёта

лерии Кронштадтской крепости[29]. Приказом командующего 7 А № 204 воздушная оборона Петрограда подчинялась коменданту Петроградского укреплённого района[30]. 13 августа РВС армии временно утвердил новый штат управления ВоздО города на Неве. Начальник управления наделялся правами начальника стрелковой дивизии. Также вводился новый штат подразделений ЗА: технического дивизиона, управления артиллерийских дивизионов, зенитных батарей, а также прикомандированных: отдельных авто-пушечных батарей и 3-й особой железнодорожной батареи[31]. Последняя ранее прибыла с Северного фронта (из состава 6 ОА).

Первые налёты неприятельской авиации потребовали приступить к укрупнению зенитных подразделений Кронкрепости. Предполагалось создать шесть батарей 4-орудийного состава, одну 3-орудийного состава и две батареи 2-орудийного состава[32]. Однако вследствие острой нехватки лёгкой полевой артиллерии в Красной армии полностью завершить реорганизацию ВоздО морской крепости не удавалось. Для защиты отдельных объектов Кронштадтского района пришлось задействовать подвижные зенитные батареи воздушной обороны Петрограда, в том числе 1-е отдельное авто-зенитное подразделение[33], направленное на охрану аэростатов 20-го воздухоплавательного отряда (мыс Лебяжье), корректировавших огонь тяжёлой артиллерии фортов «Красная Горка» и «Серая Лошадь».

Самолёт типа «Сопвич» 1-го Кубанского авиационного дивизиона

К середине лета 1919 года в районе Финского залива с прибытием авианесущего крейсера «Виндиктив» начала активно действовать английская морская авиация. С 26 июля почти ежедневно осуществлялись воздушные налёты на объекты Кронштадтского района. До конца октября 1919 года английские самолёты совершили их не менее 90 с участием в общей сложности до 130 летательных аппаратов. За этот период противник сбросил на корабли Балтийского флота, объекты морской крепости и её форты до 255 бомб зажигательного и фугасного типа[34]. Действия английской авиации напрямую были связаны с «петроградскими» операциями белой Северной (Северо-Западной) армии. Британские воздушные силы стремились максимально ослабить огневую мощь кораблей Балтфлота, оказывавших частям 7 А значительную поддержку в приморском районе.

К этому времени заметно обострилась военная обстановка в южной части Центрального промышленного района страны. 3 июля 1919 года главнокомандующий ВСЮР генерал-лейтенант А.И. Деникин подписал специальную директиву («Московскую») о наступательных действиях с целью захвата столицы РСФСР — Москвы. Главная роль отводилась Добровольческой и Донской армиям. Реально в воздушных налётах на Москву, Тулу и другие объекты центральной области страны могли участвовать лишь 17 проц. всего состава боевой авиации белых.

С приближением частей ВСЮР к границам Тульской губернии специальным постановлением РВСР от 22 июля 1919 года № 1181/220 был образован Тульский укреплённый район (ТУР), прикрывавший советскую столицу с юго-западного направления. В его составе с 1 июля началось формирование воздушной обороны (руководитель — военлёт М.П. Строев[35])[36]. Основными объектами защиты от нападения с воздуха стали Тульский оружейный и патронный заводы, снабжавшие Красную армию стрелковым оружием и боеприпасами. Основу воздушных сил ВоздО района составили 8 АО истребителей Южного фронта, 36 АО и воздухоплавательная группа (9-й и 30-й воздухоотряды). В составе ЗА имелись стационарные и мобильные подразделения. В их числе: 1-я авто-пушечная зенитная батарея, бронепоезд № 51, противосамолётный артиллерийский дивизион[37].

С целью раннего обнаружения неприятельской авиации в пунктах, удалённых на 20 км от Тулы (на воздухоопасных направлениях), была развёрнута дальняя линия постов воздушного наблюдения. Ближняя линия постов создавалась на базе зенитных подразделений Тульского УРа. Одновременно проводилась аэросъёмка местности силами 36-го авиаотряда.

5 сентября 1919 года под председательством Ф.Э. Дзержинского (наркома внутренних дел РСФСР) был образован Комитет обороны Москвы с одновременной организацией её воздушной обороны (руководитель — военлёт Б.Ф. Гончаров)[38]. При организации защиты столицы РСФСР от воздушного нападения активно использовался тульский опыт. В состав авиационной группы ВоздО были выделены до 50 самолётов-истребителей. Основу ЗА обороны составили 10 зенитных батарей.

Тем временем в связи с ухудшением обстановки на фронте в составе ТУРа была сформирована специальная авиагруппа особого назначения (АГОН) Южного фронта под командованием М.П. Строева, находившаяся в оперативном подчинении начальника воздушной обороны укрепрайона.

Приказом РВСР № 1550/310 от 22 сентября 1919 года Тульский УР был подчинён Московскому сектору обороны. Наметилось определённое взаимодействие и в структуре воздушной обороны Москвы и Тулы, в первую очередь в системе воздушного наблюдения и оповещения. Этому вопросу было посвящено (в рамках общей организации ВоздО столицы) очередное заседание (2 октября) Московского городского комитета обороны[39]. Вокруг Москвы на расстоянии 100—120 км от границ города в начале ноября (на непродолжительный срок) была развёрнута дальняя линия наблюдательных постов (в г. Калуга, Юхнов, Серпухов, Кашира, Михайлов, Рязань, Луховицы, Воскресенск)[40].

С отступлением белых Добровольческой и Донской армий на юг вопросы организации защиты Москвы от внешней угрозы были сняты. Решением РСВР (протокол № 69 от 19 ноября 1919 г.) Московский сектор обороны был упразднён, Тульский укрепрайон напрямую подчинён РВС Республики. Вскоре он был окончательно расформирован. Все зенитные батареи оказались сконцентрированы в составе 1-й Тульской стрелковой дивизии.

5 декабря 1919 года Всероссийский Полевой штаб распорядился срочно отправить из Москвы на Туркестанский фронт до 50 проц. зенитных батарей, переформировав их в полевые подразделения[41]. Это привело к последующему расформированию управления ВоздО г. Москвы. В конце того же года АГОН перешла в подчинение 1-й Конной армии[42].

С захватом г. Царицына войсками белой Кавказской армии возникла необходимость организовать воздушные атаки на город. Советское командование задействовало в налётах значительные воздушные силы, в первую очередь Волжский (Самарский) воздушный дивизион (с августа 1919 г. — воздушная бригада Волжско-Каспийской военной флотилии, до 18 боевых и учебных аппаратов) и 7-й авиаотряд Особой группы Южного фронта.

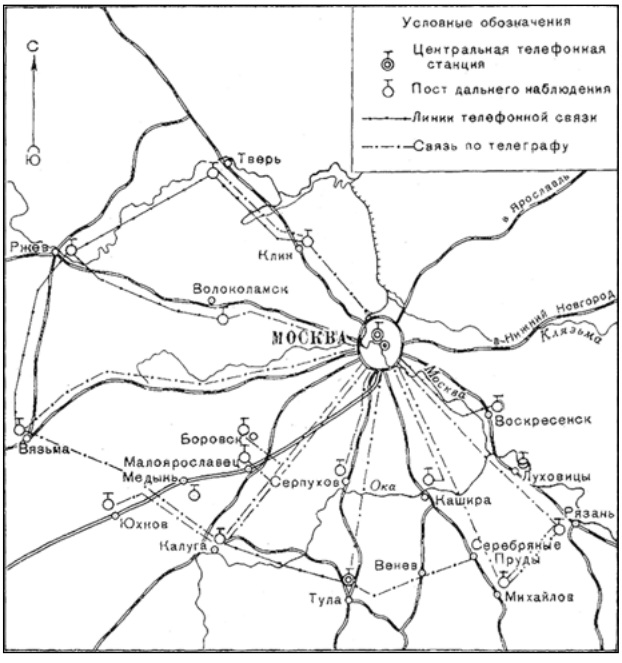
Воздушная охрана Царицына возлагалась на одно из звеньев (до 7 самолётов) 47-го дивизиона RAF, действовавшего севернее и южнее города против частей советских 10-й и 11-й армий и судов Волжско-Каспийской военной флотилии. Частично к воздушной обороне города привлекался русский авиаотряд (10 самолётов), приданный стрелковому Кавказскому корпусу[43], а также артиллерийские части, расквартированные в Царицыне.

Отражение атаки английских торпедных катеров эсминцем «Гавриил» на Кронштадтском рейде
Художник Н.Е. Бубликов

В конце осени 1919 года для завоевания превосходства в воздухе в районе города командование советского Юго-Западного фронта планировало задействовать дополнительные силы, включая 5-й, 9-й истребительные и 14-й разведывательный авиаотряды[44]. Но поспешное отступление белых войск после поражения под Москвой коренным образом изменило расстановку на Царицынском участке фронта. 2 января 1920 года город был взят штурмом 50-й Таманской дивизией, которая оттеснила части белой Кавказской армии к р. Аксай.

Схема наблюдательных постов ВНОС воздушной обороны Москвы

Стрельба зенитного артиллерийского расчёта РККА по аэроплану белых войск

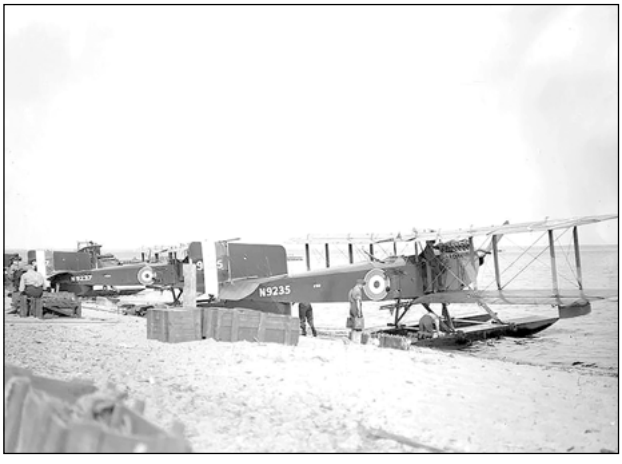
Южнее Царицына продолжалась оборона Астрахани, которую части ВСЮР и белой Уральской армии безуспешно пытались захватить на протяжении длительного времени. Для более надёжной защиты города от воздушного нападения противника по инициативе С.М. Кирова 21 августа 1919 года в составе 34-й стрелковой дивизии 11-й армии Туркестанского фронта был сформирован специальный противосамолётный дивизион, состоявший из одной зенитной батареи (4 орудия образца 1902 г.)[45]. Непосредственно дивизион подчинялся инспектору артиллерии дивизии П.А. Шосману. По его решению в Астрахани впервые была применена манёвренная группа в составе двух орудий (прикомандированных к 1-й батарее 1-го дивизиона), установленных на пароходе. Благодаря этому английские самолёты лишились возможности заходить на город со стороны моря. В дальнейшем ВоздО города была усилена истребительным авиаотрядом (5 самолётов). Несмотря на свою боевую работу, к декабрю 1919 года противосамолётный дивизион так и не был окончательно организационно оформлен из-за недостатка личного состава, лошадей и обоза[46].

Тем временем британский парламент принял решение о выводе своих войск с территории России. В результате 221-й дивизион RAF был расформирован, а оставшиеся шесть самолётов «Де Хэвилленд» переданы в состав 2-го и 5-го авиаотрядов ВСЮР. В конце октября Россию покинул и морской 266-й английский дивизион, оставив руководству воздушного флота ВСЮР свои самолёты и гидроавиатранспорты[47] вместе с судном «Юссанофф» (получил новое наименование «Волга»). Ранее добровольческому морскому флоту был передан авианесущий корабль «Орлёнок». К концу 1919 года активность авиации ВСЮР в районе Каспийского моря заметно снизилась, и ВоздО Астрахани практически потеряла своё значение.

Важные события развернулись в восточной части Балтийского моря и Северной области. Ранее, в августе 1919 года, командующий Морскими силами Республики Е.А. Беренс признавал факт безраздельного господства в воздухе белой авиации на всём Архангельском участке фронта, что заметно осложняло деятельность красных авиаторов. Для борьбы с воздушным противником командование 6 ОА активно использовало артиллерию (54 орудия) и пулемёты (371 единица)[48]. Также с целью защиты объектов Северодвинского района от нападения с воздуха из специальных средств имелись два лёгких 76,2-мм орудия, «установленных на берегу, и два зенитных орудия, установленных на пароходах»[49]. Аэродромная сеть преимущественно защищалась пулемётными расчётами.

Захват союзными войсками северного побережья Онежского озера с посёлком Повенец и железнодорожной станцией Медвежья Гора (Медвежьегорск) позволил англичанам ещё к началу июня 1919 года создать базу «Передового крыла» (на северном берегу Большой губы) для судов (вновь созданной белой Онежской флотилии) и гидросамолётов на озере. В дальнейшем на гидроавиабазе были сосредоточены до 20 самолётов морского типа различных систем[50]. В середине августа того же года в районе п. Лумбуши (4 км восточнее Медвежьей Горы) был оборудован сухопутный аэродром. На нём до конца сентября базировалось наземное подразделение английской морской авиации, так называемый дивизион Лумбуши, имевший на вооружении 11 различных типов самолётов[51].

Британские гидропланы
Медвежья Гора

Основными задачами английской гидроавиации являлись прикрытие с воздуха и обеспечение действий бело-союзной Онежской флотилии, ведение воздушной разведки, противодействие красной Онежской военной флотилии, позднее — бомбардировка г. Петрозаводска. Для отражения воздушных налётов противника советские канонерские лодки были частично вооружены специальными 37-мм, позднее — 76,2-мм зенитными орудиями. Это позволило экипажам красных судов успешно отразить ряд нападений со стороны неприятельских «летающих лодок».

5 августа 1919 года английская гидроавиация совершила первый налёт на Петрозаводск. В дальнейшем они продолжились. В ходе воздушных атак использовались бомбы большой мощности. Так, при очередном налёте (18 августа) англичане сбросили на территорию города бомбу весом более 100 кг, которая при взрыве образовала воронку диаметром 8 м и 4 м глубиной[52].

Основу воздушной обороны г. Петрозаводска составляли зенитные подразделения, усиленные батареями Петроградского укрепрайона. Для действий в акватории Онежского озера из Ораниенбаума прибыл 4-й гидроотряд 2-го дивизиона Балтийской воздушной бригады.

В конце сентября 1919 года англичане провели эвакуацию своей «онежской» воздушной группировки. Временно на аэродроме в п. Ламбуши находился белый сухопутный разведывательный отряд.

Накануне вывода английских войск с территории Северной области их лётный состав использовал новые химические авиабомбы — «М-бомб», снаряжённые адамситом. Они в количестве 1500 штук были изготовлены в артиллерийской мастерской в г. Архангельске и на вспомогательном военном корабле «Циклоп». 4 сентября химические новинки (с фосфорной начинкой) были опробованы в боевой обстановке при воздушной бомбардировке позиций 481-го стрелкового полка 6 ОА. Всего было сброшено до 100 бомб, большая часть с удушливыми газами. Однако результаты химической атаки оказались малоэффективными. Всего было отмечено не менее десяти случаев сброса «М-бомб»[53].

Остатки белой авиации в Северной области были сведены в Мурманский (Русский) авиационный дивизион, сформированный 15 июля 1919 года[54]. Он не представлял уже серьёзной опасности для авиации 6 ОА.

В восточной акватории Балтийского моря 18 августа того же года англичане провели комбинированную атаку (с моря и с воздуха) на советские корабли, стоявшие на Большом Кронштадтском рейде в Финском заливе. Для решения поставленной задачи были задействованы гидропланы и сводный отряд торпедных катеров. В отечественной историографии этот налёт получил официальное название «Кронштадтская побудка». Начало воздушного налёта неприятельской авиации было своевременно вскрыто зенитными подразделениями ВоздО Кронштадтского района. Однако неблагоприятные метеоусловия и несогласованность в действиях советского командования позволили противнику осуществить намеченные планы. В результате ударов с воздуха и торпедных атак была потоплена база подводных лодок «Память Азова» и повреждён броненосец «Андрей Первозванный». Потери противника составили три торпедных катера, уничтоженных огнём корабельных орудий, и такое же количество уничтоженных (утонувших) в результате полученных повреждений на обратном пути.

Наиболее часто воздушной бомбардировке подвергался форт «Краснофлотский», беспокоивший своим огнём противоположный финский берег и полностью контролировавший вход в западную часть Финского залива. Только с 29 сентября по 12 ноября 1919 года английская авиация совершила на сооружения форта 13 налётов с участием 18 летательных аппаратов. На территорию укрепления было сброшено 176 бомб, не причинивших его гарнизону особого вреда (погибли 2 человека, ранены — 24, отмечены незначительные разрушения внутренних сооружений форта)[55]. Потери живой силы авиационной группировки англичан на Балтике (за период весна—осень 1919 г.) составили 6 лётчиков (4 убитых и 2 раненых). Это подтвердили и оперативные сводки 7 А, в которых отмечались два сбитых самолёта противника.

Для ослабления воздушной группировки противника советская авиация подвергла бомбардировке английские аэродромы на территории Финляндии. Одновременно продолжала совершенствоваться система ВоздО Кронштадтского района. С целью объединения действий воздушных сил, дислоцированных на северном (участке Карельского фронта) и южном побережье Финского залива, началось строительство Кронштадтского аэродрома.

К концу 1919 года, с разгромом войск генерала Н.Н. Юденича и отступлением остатков Северо-Западной армии на территорию Эстонии, завершилась активная фаза Гражданской войны в Северо-Западном регионе страны. Продолжение войны с Финляндией (до октября 1920 г.) потребовало сохранения организационной структуры воздушной обороны г. Петрограда и Кронштадтского района. Тем не менее отсутствие активных боевых действий в районе Финского залива позволило провести определённую перегруппировку сил и средств воздухообороны.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 789. Оп. 1. Д. 966. Л. 2.

[2] Северный фронт: борьба советского народа против иностранной военной интервенции и белогвардейщины на советском Севере (1918—1920): документы. М.: Воениздат, 1961. С. 277, 278.

[3] РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 781. Л. 354.

[4] Там же. Ф. 190. Оп. 7. Д. 3. Л. 56.

[5] Там же. Оп. 3. Д. 76. Л. 7.

[6] *Александров А.О.* Действия британской и финской авиации против советской России в районе Финского залива. М.: Посев, 2003. С. 71.

[7] РГВА. Ф. 190. Оп. 2. Д. 379. Л. 7.

[8] Там же. Ф. 789. Оп. 2. Д. 471. Л.96.

[9] Гражданская война в России: Война на Севере. М.: АСТ; Транзиткнига; СПб.: Terra Fantastica, 2004. С. 507.

[10] *Иванов П.Н.* Крылья над морем. М.: Воениздат, 1973. С. 25, 26.

[11] 11-я армия (отдельная армия) создана приказом РВСР от 13 марта 1919 г. из управления и войск Каспийско-Кавказского фронта с непосредственным подчинением главнокомандующему всеми Вооружёнными силами Республики. С 23 мая 1919 г. — в оперативном подчинении Южного фронта. Постановлением РВСР от 4 июня 1919 г. расформирована, а её войска переданы в состав 10-й армии.

[12] *Ионов П.П.* Записки лётчика-наблюдателя. М.: Воениздат, 1959. С. 66.

[13] Красный воздушный флот в Гражданской войне в СССР 1918—1920 гг. // Материалы военно-исторической конференции, проведённой в ЦДСА 8 декабря 1967 г. М.: Военно-научное общество при Центральном Доме Советской Армии, 1968. С. 57.

[14] *Куликов В.* Англичане над Каспием // Авиация. 2000. № 8. С. 13.

[15] *Кондратьев В., Хайрулин М.* Авиация Гражданской войны. М.: Техника — молодёжи, 2000. С. 218.

[16] РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 219. Л. 110.

[17] Кавказская армия образована во ВСЮР 8 мая 1919 г. в результате разделения Кавказской Добровольческой армии. Расформирована 29 января 1920 г. с обращением на формирование Кубанской армии.

[18] 47-й дивизион RAF делился на звенья — «flight», обозначавшиеся буквами латинского алфавита «A», «B», «C».

[19] *Кондратьев В., Хайрулин М.* Указ. соч. С. 55.

[20] Там же.

[21] **Ткачёв Вячеслав Матвеевич** (6 октября 1885 — 25 марта 1965) — российский военачальник, военный теоретик и историк, военный лётчик, генерал-майор (1919). На военной службе с сентября 1904 года. Окончил Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус (1904), Константиновское артиллерийское училище (1906), Офицерскую школу авиации Отдела Воздушного флота (1912). В Первую мировую войну: командир 20-го корпусного авиаотряда (февраль 1914 — февраль 1916), 11-го авиационного дивизиона (апрель—сентябрь 1916), исполняющий обязанности, затем инспектор авиации армий Юго-Западного фронта (сентябрь 1916 — июнь 1917), исполняющий должность начальника Полевого управления авиации и воздухоплавания при штабе Верховного главнокомандующего (июнь—декабрь 1917). В годы Гражданской войны в России: рядовой белого партизанского отряда полковника Кузнецова (1918), командир 1-го Кубанского авиаотряда (с марта 1919), инспектор авиации войск Кубанской рады, начальник авиации ВСЮР (апрель 1920), начальник авиации Русской армии (апрель—ноябрь 1920). Провёл ряд успешных действий по разгрому кавалерийских дивизий С.М. Будённого и В.М. Думенко (май 1919), кавалерийской ударной группы Д.П. Жлобы (июнь 1920). С ноября 1920 г. в эмиграции (Югославия).

[22] *Хайрулин М., Кондратьев В.* Военлёты погибшей империи. Авиация в Гражданской войне. М.: Яуза, 2008. С. 228.

[23] РГВА. Ф. 190. Оп. 2. Д. 379. Л. 18—19.

[24] Там же. Л. 19.

[25] Создана 27 апреля 1918 г. на базе расформированной Воздушной дивизии Балтийского моря.

[26] *Корнатовский Н.А.* Борьба за Красный Петроград. М.: АСТ, 2004. С. 222.

[27] РГВА. Ф. 180. Оп. 12. Д. 6. Л. 222.

[28] Постановление Совета Рабочей и Крестьянской Обороны от 23 июля 1919 г.

[29] РГВА. Ф. 789. Оп. 2. Д. 471. Л. 96.

[30] Там же. Ф. 190. Оп. 3. Д. 349. Л. 78.

[31] Там же. Ф. 789. Оп. 2. Д. 578. Л. 119.

[32] Там же. Д. 471. Л. 96.

[33] Там же. Ф. 190. Оп. 2. Д. 379. Л. 18.

[34] Там же. Ф. 789. Оп. 2. Д. 471. Л. 97.

[35] **Строев (Рихтер) Михаил Павлович** (8(20) ноября 1887 — 1961) — российский (советский) военачальник, военный теоретик, генерал-майор авиации (1940). На военной службе с 1908 года. Окончил 1-й курс Киевского университета Св. Владимира (1906), Киевское военное училище (1908, по 1-му разряду), Императорскую Николаевскую военную академию (1914), Московскую авиационную школу (1918). В Первую мировую войну: на различных штабных должностях (август 1914 — август 1916), в распоряжении Августейшего заведующего авиацией и воздухоплаванием (с августа 1916), исполняющий должность штаб-офицера для поручений при Полевом генерале-инспекторе ВВФ (январь—ноябрь 1917), начальник авиаотдела Полевого управления авиации и воздухоплавания при штабе ВГК (ноябрь—декабрь 1917). С декабря 1917 г. — член Всероссийской авиационной коллегии. В годы Гражданской войны в России: заведующий оперативно-организационным отделом Всероссийской коллегии УВФ (апрель 1918), помощник начальника, затем начальник Южного окружного управления РККВВФ (июль—октябрь 1918), помощник начальника Полевого управления авиации и воздухоплавания при штабе РВСР (октябрь 1918 — июнь 1919), в распоряжении главнокомандующего всеми ВС Республики (июнь—октябрь 1919), начальник авиагруппы особого назначения (АГОН) Тульского укреплённого района (октябрь—декабрь 1919), начальник АГОН и начальник Управления РККВВФ 1-й Конной армии (декабрь 1919 — январь 1920).

[36] РГВА. Ф. 834. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

[37] Там же. Д. 6. Л. 13.

[38] Войска противовоздушной обороны страны: исторический очерк. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1968. С. 14.

[39] Противовоздушная оборона страны (1914—1995 гг.). М., 1998. С. 34.

[40] РГВА. Ф. 25883. Оп. 5. Д. 1069. Л. 65.

[41] Там же. Ф. 37977. Оп. 3. Д. 5. Л. 3—12.

[42] Там же. Ф. 102. Оп. 3. Д. 783. Л. 40.

[43] Там же. Ф. 192. Оп. 3. Д. 2156. Л. 472.

[44] Там же. Ф. 109. Оп. 3. Д. 211. Л. 104, 106.

[45] Там же. Ф. 195. Оп. 7. Д. 128. Л. 12.

[46] Там же. Л. 117.

[47] *Кондратьев В., Хайрулин М.* Указ. соч. С. 55.

[48] РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 218. Л. 19.

[49] Там же. Л. 4.

[50] Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озёрных системах. Т. 2. Ч. 2. Озёрные и речные флотилии (Север и Северо-Запад). М.: Редакционно-издательский отдел морских сил РККФ, 1926. С. 18.

[51] *Титов С.* Война в небе Карелии (1918—1920) // Карелия. 2009. № 67.

[52] Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озёрных системах... С. 31.

[53] *Заяц Н., Бобков А.* Запах гнилых яблок и свежего сена: химическое оружие в Гражданскую войну // Родина. 2013. № 5. С. 98.

[54] РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 1083. Л. 1.

[55] *Хайрулин М., Кондратьев В.* Указ. соч. С. 316. ■

А.В. ЛОСИК,
А.Н. ЩЕРБА

A.V. LOSIK,
A.N. SHCHERBA

«СЛУЖБА МЕЧОМ СЧИТАЛАСЬ ЧЕСТНЕЕ СЛУЖБЫ ПЕРОМ»

Оборонные проблемы Русского государства первой половины XVII века в «Истории России с древнейших времён» С.М. Соловьёва

«SERVICE WITH SWORD WAS TAKEN TO BE MORE HONEST THAN SERVICE WITH PEN»

The defense problems of the Russian State of the first half of the 17th century in A History of Russia from the Earliest Times by S.M. Solovyev

Сведения об авторах. *Лосик Александр Витальевич — заместитель главного редактора журнала для учёных «КЛИО», доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург. Тел. +7-812-431-06-95);*
Щерба Александр Николаевич — старший научный сотрудник НИО (военной истории Северо-Западного региона РФ) НИИ (военной истории) ВАГШ ВС РФ, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург. E-mail: a.n.sherba@mail.ru).
Аннотация. *В статье представлены результаты анализа отражения в труде С.М. Соловьёва «История России с древнейших времён» проблем укрепления военной организации Русского государства в первой половине XVII века.*
Ключевые слова: *Русское государство; военная организация; поместное войско; полки «нового строя»; производство пороха и оружия.*

Information about authors. *Aleksandr Losik — Deputy Chief Editor of CLIO academic journal, D. Sc. (Hist.), Professor (St. Petersburg. Tel. +7-812-431-06-95);*
Aleksandr Shcherba — Senior Researcher at the RF North-West Military History Branch of the Military History Research Institute of the RF AF General Staff Military Academy, D. Sc. (Hist.), Professor (St. Petersburg. E-mail: a.n.sherba@mail.ru).
Summary. *The paper presents the results of analyzing how military organization consolidation in the Russian State in the first half of the 17th century was reflected in the work by S.M. Solovyev A History of Russia from the Earliest Times.*
Keywords: *Russian State; military organization; local troops; new formation regiments; production of gunpowder and weapons.*

Ранее авторы этих строк представили читателям журнала обзор отражения в фундаментальном труде С.М. Соловьёва «История России с древнейших времён» оборонных проблем нашей страны в Смутное время[1] до освобождения Москвы в 1612 году. В труде освещены и события военной истории после этой победы, о которых пойдёт речь.

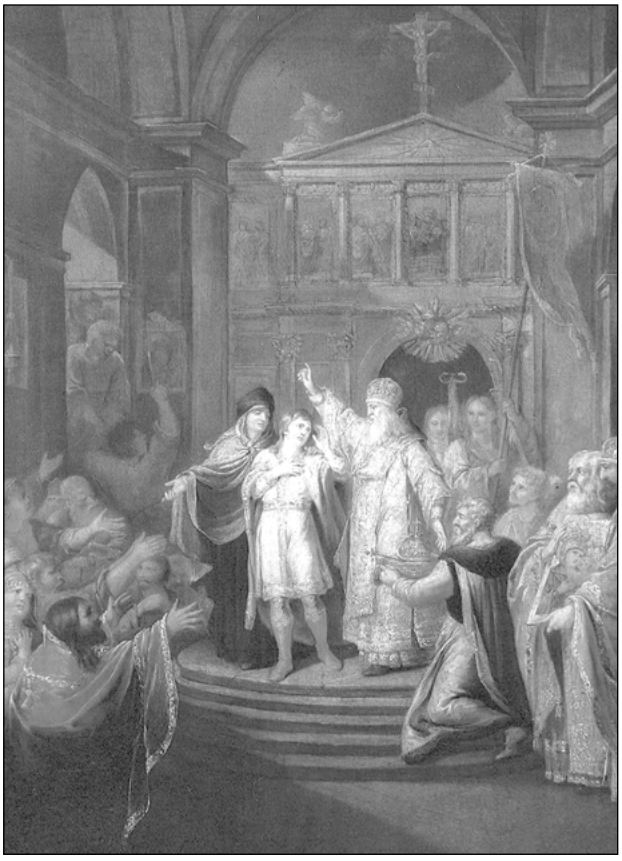
Сразу после избрания Земским собором 21 февраля (3 марта) 1613 года первого русского царя из династии Романовых 16-летнего Михаила Фёдоровича[2] высшая власть приступила к решению острейшей проблемы финансового и материального обеспечения обороны ослабленного Смутой Русского государства. Чтобы не допустить вражеского реванша и начать освобождение русских земель, захваченных польско-литовскими и шведскими интервентами, требовались военные силы, способные одолеть врага, и для них — большие деньги. Но казна была пуста.

14(24) мая 1613 года царь отразил это в грамоте одному из богатейших семейств — Строгановым[3]: «Бьют нам челом на Москве дворяне и дети боярские, козаки (это слово в то время писали иначе, чем сейчас. — **Прим. авт.**), стрельцы и всякие ратные люди, что они, будучи под Москвою, многие нужды и страсти терпели и кровь проливали, поместья и вотчины у них от долгой войны запустели и службы своей исполнять им нечем: стрельцы и козаки служивую рухлядь (движимое имущество. — **Прим. авт.**) проели, и на нашей службе им быть нельзя за великою бедностью …служивым людям жалованья дать нечего… литовские люди хотят идти под Москву, а в нашей казне денег и в житницах хлеба нет… Если же вы нам взаймы денег, хлеба и товаров не дадите… ратные люди, не терпя голоду и нужды, из Москвы разойдутся…»[4].

Духовенство от имени Земского собора писало Строгановым: «Ратные люди великому государю бьют челом беспрестанно, а к нам, царским богомольцам, и к боярам приходят с великим шумом и плачем каждый день, что они от многих служб и от разоренья польских и литовских людей бедны и служить не могут, на службе им есть нечего и оттого многие из них по дорогам ездят, от бедности грабят, побивают, а унять их никакими мерами, не пожаловав, нельзя; только им не будет царского денежного и хлебного жалованья, то все они от бедности поневоле станут воровать, грабить, разбивать и побивать»[5].

Грамоты Строгановым представляют интерес отражением не только остроты проблемы, но и решений высшей власти государства о сборе средств для войска на всех подконтрольных территориях, послания о которых направили в разные города.

Царская грамота Строгановым содержит императивное предписание: «…по нашему указу послан к

Призвание Михаила Фёдоровича Романова на царство 14 марта 1613 года
Художник Г.И. Угрюмов, не позднее 1800-х гг. Государственная Третьяковская галерея

вам Андрей Игнатьевич Вельяминов; велено ему с ваших вотчин за прошлые годы и за нынешний год по книгам и по отписям наши денежные доходы (налоги, платежи государству. — **Прим. авт.**) взять сполна и привезть к нам»[6]. Тем самым царь известил семейство налогоплательщиков о своём решении проверить их объекты налогообложения, подсчитать и изъять все обязательные платежи в казну. Строки грамоты свидетельствуют: государство взялось наводить порядок в налоговой сфере[7], усиливало контроль над налогоплательщиками, проверяло их собственность и доходы, чтобы добиться полной уплаты с них податей (налогов), начав реализацию этих мер с самых крупных налогоплательщиков.

Кроме того, правительство ввело экстраординарные налоги — запросные и пятинные деньги (пятина, пятая деньга), упомянутые Соловьёвым. Величина пятины ясна из названия — пятая часть. А объекты налогообложения исследователи определяли поразному: чистый годовой доход либо движимое имущество, или движимая и недвижимая собственность, с которой устанавливали оклад[8], как в XI—XVIII вв. наряду с денежным и земельным жалованьем нызывали размер налогов (податей), установленный в соответствии с единицами податного обложения[9]. В целях упорядочения налогообложения власть провела проверку прежних поместных и денежных окладов служилых[10].

Первый запрос — сбор запросных денег, назначенный Земским собором в 1613 году с монастырей, крупных светских феодалов, крупных торговцев и т.д., носил добровольный характер[11]. Царь писал Строгановым, что посланному к ним Вельяминову наряду с получением с них обязательных платежей в казну «у вас же мы приказали просить взаймы для христианского покою и тишины денег, хлеба, рыбы, соли, сукон и всяких товаров, что можно дать ратным людям; …и этою помощию… православных христиан от нахождения иноверцев освободить!»[12].

Как сообщило Строгановым духовенство, запросные деньги собирали во всех городах: «И теперь мы, царские и ваши богомольцы, также бояре, окольничие и всякие люди всех городов всего великого Российского царствия, поговоря на вселенском соборе, били челом государю, чтоб он послал к вам во все города для денежных сборов, хлебных и всяких запасов сборщиков, дворян больших, от своего царского лица и от всех нас вскоре, чем бы ему великому государю всяких ратных людей пожаловать»[13].

Первый сбор запросных денег на добровольной основе не дал значительных средств. Затем запрос сделали принудительным, когда в 1614 году Земский собор назначил первый сбор пятины с торгово-промыслового населения с годовым доходом не менее 10 рублей[14]. Второй распространили на все слои населения; для торгово-промыслового ввели подворный налог, для крестьян — посошный[15] (поземельный) сбор[16].

Наряду с экстраординарными в 1614 году ввели один из основных прямых налогов, взимавшийся для содержания служилых. Его называли казачьими, с 1622-го — стрелецкими хлебными запасами — стрелецким хлебом. Так как часть населения вносила этот налог деньгами, появилось ещё одно его название — стрелецкие деньги (доходы)[17], упомянутые Соловьёвым[18].

В 1614—1619 гг. провели 6 сборов пятины. Ещё два во время Русско-польской (Смоленской) войны 1632—1634 гг.[19] Так как «без дополнительной большой рати с литовскими людьми разделаться не было надежды», в 1632 году решили «с торговых людей взять пятую деньгу, а с бояр, окольничих, стольников, стряпчих, дворян, дьяков и всяких приказных людей взять, кто сколько даст… духовенство и светские люди объявили, что денег дадут»[20]. Сбор поручили авторитетным людям, в том числе в Москве — народному герою Д.М. Пожарскому. На него возложили и учёт денег, доставленных в столицу из регионов[21]. Собрали также «хлебные и мясные запасы» — сухари, крупу, толокно[22], солод, сливочное масло, ветчину. Население поставило войску гужевой транспорт[23].

В январе 1634 года царь созвал Земский собор и, получив его поддержку, повелел вновь собрать запросные и пятинные деньги[24].

На нужды обороны направляли и другие доходы казны, в том числе поступления от двойной пошлины на все иностранные товары «для пополненья ратных людей»,[25] и хлебные запасы[26].

Русское государство использовало для финансирования обороны и внешние заимствования. В июне 1613 года в Англию был отправлен дворянин А.И. Зюзин «просить, чтоб король помочь учинил казною, товарами, зельем, свинцом, серою… и пушечными запасами»[27]. Англичане предложили

развивать взаимную торговлю и прислали в Москву своего дипломата Д. Мерика, который добивался беспошлинной торговли[28]. Голландское правительство снабдило приехавших 1 мая 1614 года российских представителей «всем нужным, приказав выдать им единовременно 1000 гульденов»[29]. Персидский шах Аббас I в ответ на просьбу о займе в конце 1617 года прислал в Москву серебро на 7000 рублей[30].

Величина потребностей в финансировании обороны была обусловлена военными угрозами. Осенью 1614 года король Швеции Густав II Адольф овладел Гдовом, «но возвратился в Швецию с намерением начать военные действия в будущем году»[31] и летом следующего года осадил Псков. Взять его не смог. Начались переговоры. 27 февраля (9 марта) 1617 года[32] при посредничестве Англии (Д. Мерика) и Нидерландов Русское государство и Швеция в деревне Столбово (ныне Волховского района Ленинградской обл.) заключили Столбовский мир. Этот договор завершил Шведскую интервенцию начала XVII века[33]. В соответствии с ним России возвращались оккупированные шведами Новгородская земля, Старорусский, Порховский, Ладожский и Гдовский уезды, Сомерская волость. К Швеции переходили города Корела (ныне Приозёрск), Копорье, Орешек (ныне Шлиссельбург), Ям (ныне Кингисепп), Ивангород с уездами. Подтверждался отказ России от претензий на Лифляндию. За ней сохранялся лишь узкий выход к Балтийскому морю[34].

На примере возвращённого по договору Новгорода Великого автор труда показал тогдашнюю систему учёта и подготовки мобилизационных ресурсов. Назначенные в город воеводы боярин князь И.А. Хованский и стольник князь Ф. Елецкий получили наказ переписать всех дворян и детей боярских, которым надлежало быть на службе в Новгороде. Не явившихся искали и наказывали. Пустопоместным и беспоместным, пока не получали новые поместья, давали «корм по осьмине»[35] (зерновых). Воеводам также предписывалось переучесть всю артиллерию и пушечные запасы, расставить орудия, расписать пушкарей и всех служивых людей по нужным местам на случай осады[36]. Были определены места надёжного хранения пороха, назначены объездчики, чтобы следить за его хранением, а также дети боярские, обязанные с началом осады закрыть все частные кабаки и оставить определённые государевы питейные заведения[37]. Перечисленные Соловьёвым объёмы людских мобилизационных ресурсов в разных городах показывают, сколь тщательно вели их учёт[38].

Соловьёв описал неудавшуюся попытку возвратить Русскому государству Смоленск, противодействие польско-литовским отрядам А.И. Лисовского в 1615-м и провал последней попытки королевича (будущего короля) Владислава в 1617—1618 гг. завоевать нашу страну. Ресурсы интервентов были исчерпаны, и 1(11) декабря 1618 года в деревне Деулино близ Троице-Сергиева монастыря подписано Деулинское перемирие на 14 лет и 6 месяцев[39], завершившее интервенцию Речи Посполитой. Под её властью остались ряд русских городов и территорий.

Военные угрозы требовали усиления русского войска. Величину ущерба, нанесённого ему Смутой, показывает сравнение сведений, приведённых Соловьёвым. В конце XVI века в русское войско входили 80-тысячная дворянская конница, 12-тысячная пехота — стрельцы и 4300 наёмных иностранцев, для войны собиралась рать численностью до 500 тыс. человек[40]. А в 1631 году в Русском государстве насчитывалось 66 690 ратных людей[41].

Проблемы обороны обостряла система комплектования войска. Соловьёв писал: «Царствование Михаила ознаменовано было тяжёлыми войнами, которые всё более и более показывали несостоятельность русского войска, слагавшегося… из дворян, детей боярских, иноземцев, атаманов и козаков, испомещенных в разных областях государства»[42]. «Несостоятельность русских служилых людей — помещиков при встрече с неприятелем уже давно стала заметна и необходимо повела к мысли о преобразованиях. Везде в Европе… от наёмных дружин сделан был уже переход к национальному постоянному войску»[43].

В нашей стране созданное в 1550 году[44] постоянное войско — Стрелецкое — хорошо проявило себя в войнах. Но его численность была слишком мала для обороны страны. Соловьёв осветил комплектование этого войска. Стрельцов подбирали их командиры только из вольных «охочих» людей с поручительством. Запрещалось принимать крепостных, посадских и пашенных крестьян. Претенденты должны были уметь стрелять из пищалей[45].

Как и в других армиях, в русской служили иностранцы, «особенно стало их много при царе Михаиле, когда вследствие тяжёлых опытов ясно была сознана несостоятельность русского военного строя»[46]. Иноземных наёмников вознаграждали за службу двумя способами. Поместные содержали себя за счёт доходов от выделенных им поместий, кормовые получали жалованье: полковник — 400 ефимков[47] в месяц, полковой поручик — 200, ротный командир — 150, квартирмейстер — 60, поручик — 45, прапорщик — 35, сержант — 14, рядовой солдат — 4,5[48]. В 1628 году в Большой полк в Туле входили 118 поместных поляков и литовцев с ротмистром Я. Рогоновским, 63 поместных немца с ротмистром Д. Фон-Висиным, 120 кормовых поляков и немцев с ротмистром Кремским, 10 поместных и 54 кормовых немца во главе с Т. Герном, 80 кормовых греков, сербов, волошан (представителей романских народов) и немцев с ротмистром Я. Вудом[49].

Для укрепления войска руководители Русского государства решили ввести новшества, в наши дни характеризуемые как военная реформа 1630—1632 гг.[50], — «положили нанять иноземцев; мало того, сделали шаг решительный, чего при прежних государях не бывало, велели русских ратных людей учить иноземному строю»[51]. В начале 1631 года в Швецию направили полковника[52] А.У. Лесли нанять 5000 «охочих солдат пеших» и русских посланников во главе со стольником Ф.А. Племянниковым закупить 10 тыс. мушкетов с зарядами и 5000 шпаг, а если в Швеции не удастся выполнить поручения, ехать для этого в Данию, Англию и Голландию. Лесли также должен был нанять «немецких мастеровых охочих людей к пушечному новому делу» для московской пушечной мастерской. Кроме того, за границу был «отправлен полковник фан-Дам нанять регимент (полк[53]. — **Прим. авт.**) добрых и учёных солдат»[54].

Начались «с помощию иностранных офицеров и обучение русских ратных людей иноземному строю,

появление разных видов войска с иностранными названиями... выбирали в них из жильцов[55], дворян городовых, из дворянских детей недорослей, из детей боярских малопоместных и беспоместных и из вольных людей, давали им жалованья по 30 рублей в год, оружие (карабины и пистолеты), порох, свинец, но лошадей и платье должны были покупать сами. Также брали… со 100 крестьянских дворов по человеку, из имений церковных и… тех светских землевладельцев, которые не могли сами служить за старостию, по болезни, равно как с имений, принадлежащих вдовам и девицам. Составленные таким образом… полки учились новому воинскому строю у своих полковников, полуполковников, майоров и ротмистров… из иноземцев или из русских (стольников и дворян), которые уже прежде выучились новому строю»[56].

Рейтарский (тяжёлой кавалерии) и 6 солдатских (пехотных) полков «нового строя» наиболее полно отвечали тактическим требованиям того времени[57], участвовали в Русско-польской (Смоленской) войне 1632—1634 гг. Её «с намерением возвратить Смоленск и Дорогобуж с уездами Московскому государству»[58] объявил Земский собор 20(30) июня 1632 года[59].

С боярином М.Б. Шеиным и окольничим А.В. Измайловым на войну, по данным Соловьёва, выступили «32 082 человека с 158 орудиями; другие воеводы выступили из Ржева Володимирова, из Калуги, из Севска»[60]. Эти строки оставляют впечатление, будто в дополнение к выступившим с Шеиным на войну отправились немало других служилых, их суммарное число было больше 32 тыс.

Численность войск, участвовавших в Смоленской войне, принципиально важна для оценки соотношения сил сторон, хода и результатов боевых действий. В разные периоды её оценивали по-разному[61]. В советское время стала общепринятой оценка примерно в 32 тыс. Но современные исследования изменили её. Один из исследователей пояснил, что «эта цифра, отражающая общую численность русского войска М.Б. Шеина, приведена как итоговая в Разрядной книге[62] 1631—1634 гг.»[63]. Из неё попала в историческую литературу. Но «сведения разрядной росписи полков позволяют судить лишь о “бумажной”, штатной, численности войска, которая по определению является завышенной, ибо в ней не учитываются потери»[64]. Реальная численность войск Шеина была меньше. По первому наряду войск для Смоленской войны, датированному началом августа 1632 года, было назначено собрать: к М.Б. Шеину и А.В. Измайлову — 21 579 человек, к С.В. Прозоровскому и М.В. Белосельскому во Ржев — 4858, к Б.М. Нагому в Калугу — 1958. В наряде (артиллерии) во главе с И.Н. Арбузовым числились 116 пушек, 182 пушкаря, 5 кузнецов. Всего 28 582 человека, а с учётом всех последующих подкреплений — немногим более 32 тыс.[65] Но этой численности войско под Смоленском не достигало. На сбор прибыли не все вызванные. Часть русских сил осталась гарнизонами в занятых ими городах. Русская осадная артиллерия прибыла под Смоленск в марте[66], пойманные уклонисты (нетчики), внесённые в наряд донские и яицкие казаки, новые части и другие — весной и летом 1633-го[67]. Например, в августе — более 6000 человек в солдатских и рейтарском полках. Численность войска Шеина уменьшали потери убитыми и умершими от болезней, ранеными, больными и пленёнными врагом, массовое дезертирство служивых, узнавших, «что татары воюют их поместья и вотчины»[68], измены иностранных офицеров[69], переход наёмников-иноземцев к врагу. Значительное число служивых сосчитали дважды — сначала в одних полках, затем в другом — рейтарском, запись в который начали после составления росписи прочих полков. Поэтому реальная численность армии Шеина была менее двух третей «бумажной», по уточнённым современным данным, — около 20 тыс. человек[70].

Большой полк под командованием Шеина и Измайлова выступил в поход 12(22) сентября 1632 года. Русская армия взяла свыше 20 городов и в январе 1933-го осадила Смоленск. Но в него в феврале и марте прорвались подкрепления польско-литовской армии, насчитывавшей около 21 тыс.[71] (в труде Соловьёва — 23 тыс.[72]), поддержанной запорожскими казаками и крымскими татарами (около 80 тыс.

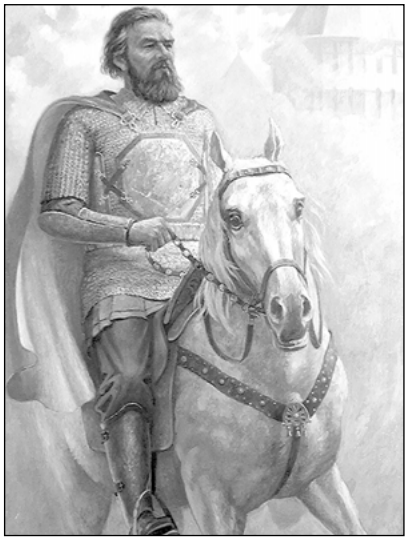
Михаил Фёдорович Романов

Густав II Адольф
Художник Я. Хуфнагель, 1624 г.

М.Б. Шеин
Художник Ю.Г. Мельков

человек)[73], которым было «позволено вторгнуться в московские владения и пустошить их»[74]. После подхода на помощь полякам примерно 12 тыс. запорожцев[75] при численном перевесе войска польского короля и великого князя литовского Владислава IV в октябре сняли осаду со Смоленска и окружили армию Шеина. В ней началась эпидемия. «Вследствие голода и холода в русском стане открылась сильная смертность»[76]. Обстановка заставила русское правительство ещё в декабре 1633 года пойти на поиски мира. Но Шеин об этом не знал и 15(25) февраля 1634 года подписал капитуляцию на условиях беспрепятственного отхода русской армии[77].

Владислав IV двинул свои войска в глубь Русского государства, но не смог развить успех. После неудачи при осаде и штурме небольшой крепости Белая[78] истощение польских сил и подход турецких войск к границе Речи Посполитой заставили Владислава IV предложить замириться. 4(14) июня 1634 года на берегу реки Поляновка, примерно в 20 км от Вязьмы, был заключён Поляновский мир[79], по нему в основном восстановлена довоенная граница между Русским государством и Речью Посполитой.

Соловьёв пояснил причины поражения войск во главе с Шеиным, которого вместе с Измайловым обвинили в измене и по приговору Боярской думы казнили: «Участь Шеина объясняется легко. Военная история Московского государства давно уже обнаружила несостоятельность русского войска в борьбе со шведами и поляками по недостатку искусства ратного; правительство очень хорошо понимало это и старалось помочь беде; призваны были иностранцы, русских стали учить иностранному строю; но эти первые слабые шаги в деле, разумеется, не могли тотчас же повести к важным результатам»[80].

Ещё одну причину неудачи огласил монарх и привёл в своём труде Соловьёв: «28 января 1634 года царь Михаил созвал собор и объявил, что польский король, видя крепкое стояние боярина Шеина, всех воевод и ратных людей… накупил на Московское государство крымского царя, который прислал сына своего со многими ратными людьми, и они… города многие повоевали и пожгли; а дворяне и дети боярские… видя татарскую войну, слыша, что у многих поместья и вотчины повоёваны, матери, жёны и дети в полон взяты, из-под Смоленска разъехались (дезертировали. — **Прим. авт.**), и остались под Смоленском немногие люди»[81].

Историк коснулся и влияния на войска и ход войны морально-психологического климата, раздрая и борьбы в боярской верхушке, ранее сыгравших негативную роль во время Смуты. В июне 1631 года царь указал «послать к Дорогобужу и Смоленску бояр и воевод» князей Д.М. Черкасского и Б.М. Лыкова. Но те, жалуясь друг на друга, били челом, доказывая, что вместе на службе быть не хотят и не могут. Долго думали, кем их заменить. «Сам государь не изволил на поляков идти, потому что был муж милостивый, кроткий, крови нежелательный»[82]. Среди бояр не нашлось никого, кроме пожилого Шеина, который ранее возглавлял героическую, самую длительную в истории России оборону города — Смоленскую 1609—1611 гг., был ранен и долгие годы (до 1619 г.) томился в польском плену[83]. Поэтому больше многих других бояр заслужил право дожить свой век в покое, но от участия в Смоленской войне не отказался. Вместо уважения к его заслугам и поддержки, когда Шеин «брал города как птичьи гнёзда… бояре московские, уязвляемые завистью, начали клеветать на него, а Шеину дают знать в полки, что в Москве на него много наветов; в полках воздвигается на него ропот великий». Доведённый травлей до белого каления, Шеин «на воевод и на немецких полковников пуще злобился… ратных людей оскорблял… в Москву начал грубо отписывать, а из Москвы к нему грамоты приходили только с осуждением да с опалою; он от этого пуще злобился, и если бы не Артемий Измайлов с сыном Васильем удерживали его от гнева, то он бы в кручине и гордости своей скоро умер»[84]. Из Москвы интригами били по нервам командующего воевавшей армии, нанося вред её сплочённости и боеспособности, интересам Отечества и довели травлю Шеина до обвинения в предательстве. Соловьёв объяснил причину: «Измены со стороны Шеина не видно никакой. Но почему же в Москве постарались обвинить Шеина в измене? Причина ясна». И оглашена перед казнью: при царе заявил, что в то время, когда он «служил, многие за печью сидели и сыскать их было нельзя, и поносил» бояр «перед государем с большою укоризною… смертельно оскорбил многих сильных людей; тут, как наивно говорит приговор, ему промолчали, потому что имели в нём нужду». Да ещё, вероятно, потому, что критика отлынивавших от службы бояр была неопровержима и ратные заслуги дали Шеину неоспоримое моральное право на неё. Но как только «неудача Шеина затмила его прежние заслуги… сильные люди спешили отомстить за своё бесчестье»[85]. Их приговор не стал окончательным. Через много лет цари Иван V Алексеевич и Пётр I указом от 10(20) января 1693 года оправдали Шеина[86].

В наши дни наряду с констатацией обоснованности вывода Соловьёва названа и другая причина смертного приговора: «…объяснять казнь воеводы Шеина только “умалением” родовой чести других бояр было бы неверно… Война была проиграна, это стало ясно всем. Нужно было найти виновного, чтобы смягчить неблагоприятное впечатление от деятельности самого правительства царя Михаила Романова, не сумевшего как следует подготовиться к войне, крайне медленно развёртывавшего военные силы, не обеспечившего своего “большого воеводу” осадной артиллерией, продовольствием и денежными средствами. И виноватый был найден — воевода Шеин»[87].

Это дополнение указывает на провалы в высшем звене управления военной организацией, выстроенной на основе поместного войска, несостоятельность которой описал Соловьёв.

Зародившееся в последней трети XV века и окончательно сложившееся к середине XVI века поместное войско — дворянское ополчение служило ядром и главной ударной силой русской военной организации[88].

Основой комплектования дворянского ополчения была феодальная поместная система раздачи государством земель под условие несения военной и административной службы[89]. Для каждого годного к ратному строю дворянина-помещика (служилого) с 15-летнего возраста военная служба была обя-

зательной и наследственной. Дворяне получали поместья (в зависимости от служебного положения и заслуг от 150 до 3000 га), а также при выступлении в поход или через 2 года на третий — денежное жалованье от 4 до 1200 рублей и обязывались по приказу явиться на сборный пункт войска с полным вооружением на коне, для дальнего похода — с двумя. Кроме того, помещики за каждые 100 четей (около 50 га) земельного надела выставляли по ратнику на коне, обычно из своих слуг, крепостных. Их число в поместном войске было значительным. За выставленных сверх нормы помещикам увеличивали денежное жалованье[90]. В мирное время для учёта и проверки боеготовности служилых проводили смотры.

Из-за отсутствия систематической военной подготовки поместное войско не обладало необходимыми ратной выучкой и боевыми качествами[91]. На него отрицательно повлияли события Смутного времени, раскол знати на военно-политические группировки и вовлечение в их вооружённую борьбу уездных корпораций провинциального дворянства, а также тяжелейшие последствия Смуты. По мнению Соловьёва, «Смутное время доканчивало то дело, которое коренилось в первоначальных отношениях государственных органов при самом начале истории и ясно вскрылось в половине XV века... Один только великий князь, государь всея Руси, имел в своём распоряжении огромное количество земли, раздавая которое в поместья, он мог создать себе многочисленное войско, вполне от него зависевшее. Умножение и поддержание этого войска, доставление ему возможности быть всегда готовым становится главным интересом государства… Для служилых людей, для этой военной массы, для этого большинства, интерес поместья был интересом исключительным, и ему государство поспешило удовлетворить. У людей высших чинов были другие интересы… своим исключительным интересом, интересом поместья… который постоянно сталкивался с интересами людей сильных, богатых и вельможных, с этим соперничеством и нерасположением к ним служилые люди, разумеется, не могли сочувствовать их интересу, не могли поддерживать их стремления»[92].

Подмеченное автором труда столкновение интересов разных слоёв дворянства и соперничество в нём на языке современной науки — глубокие экономические и социальные противоречия внутри знати, а также между ней и рядовыми дворянами[93] сыграли отрицательную роль в судьбе Отечества, в том числе в войнах, и роковую — в судьбе Шеина. Наряду с прочим негативно влияли и на отношение служилых к воинскому долгу.

Как отметил Соловьёв, «служба мечом считалась честнее (престижнее, почётнее. — **Прим. авт.**) службы пером»[94] — гражданской чиновничьей. Но, по его оценке, «войны XVII века, неуспех которых зависел от дурного устройства русского войска …не могли содействовать возвышению духа в служилых людях, внушению уверенности. Вспомним о совершенной неприготовленности русского служилого человека к ратному делу, о неуменье владеть оружием, которое к тому же было очень плохо, — и не удивимся свидетельству современника, русского же человека, который сравнивает полк служилых людей со стадом: “У пехоты ружьё было плохо, и владеть им не умели, только боронились ручным боем, копьями и бердышами, и то тупыми, и на боях меняли своих голов по три, по четыре и больше на одну неприятельскую голову. На конницу смотреть стыдно: лошади негодные, сабли тупые, сами скудны, безодёжны, ружьём владеть не умеют; иной дворянин и зарядить пищали не умеет, не только что выстрелить в цель; убьют двоих или троих татар и дивятся, ставят большим успехом, а своих хотя сотню положили — ничего! Нет попечения о том, чтоб неприятеля убить, одна забота — как бы домой поскорей. Молятся: дай, боже, рану нажить лёгкую, чтоб немного от неё поболеть и от великого государя получить за неё пожалованье. Во время бою того и смотрят, где бы за кустом спрятаться: иные целыми ротами прячутся... Многие говорили: дай, Бог, великому государю служить, а саблю из ножен не вынимать!” Отсюда понятно, почему мы видим в служилых русских людях XVII века стремление отбывать от службы, отговариваться от выступления в поход болезнию, приписываться как-нибудь к гражданским делам, задаривать воевод и сыщиков (разыскивавших уклонистов. — **Прим. авт.**), чтоб только оставили в покое, прятаться от них; во время службы опять задаривать воевод и сотенных голов, чтоб отпустили домой, наконец, побег из полков»[95].

Часть служилых уже в ходе сбора войска уклонялась от выполнения воинского долга, обязательств перед государством, под которые получали земли и привилегии. Прятавшихся и разбегавшихся по дороге к месту сбора сыскивали, били кнутом, сажали в тюрьму, выпускали на поруки и отправляли на службу[96]. Дезертирство продолжалось и в походах. Заставить дезертиров помнить о воинском долге, дворянской чести и выполнять свои обязательства не удавалось даже наказаниями: «Уложение (Соборное уложение 1649 г. — **Прим. авт.**) грозит за первый побег кнутом, за второй — кнутом, убавкою поместного и денежного окладов, за третий — кнутом и отнятием поместья; за побег домой с бою — кнутом нещадным и отнятием половины поместных и денежных окладов; сотенному голове, отпустившему служилого человека без государева указа и воеводского ведома батогами и тюрьмою; воеводе жестоким наказанием — “что государь укажет”. Но угрозы Уложения не помогли: донесения воевод наполнены жалобами на побеги служилых людей»[97], — констатировал Соловьёв. И сделал вывод: «Поместная система ослабила в служилых людях воинский характер; …жизнь покойная и праздная в поместье отучала их от военной службы, главного их назначения, вследствие чего служба, когда приходило ей время, являлась тяжким, для некоторых невыносимым бременем»[98].

Конечно же, многие дворяне не уклонялись от сбора и участия в войнах. Но это не меняло облик поместного войска. Выводы Соловьёва подтвердили оценки видного советского военного историка и теоретика, внёсшего значительный вклад в развитие отечественной военной науки и военного искусства, дореволюционного генерал-майора и комдива в Красной армии А.А. Свечина: «Заботы о покинутом хозяйстве отягчали сознание призванного, число “нетчиков” — не являвшихся на призыв — было велико; в случае войны на западной и се-

веро-западной границах угроза татарского набега заставляла ополчение бросать "полки" и спешить на защиту своих усадеб… Наша поместная конница представляла "нестройное" войско, которое могло успешно разрешать свои задачи лишь при столкновении с такими же нестройными неприятельскими ополчениями». В XVII веке «господствовавшее в государстве начало местничества[99] не позволяло организовать надлежащий подбор командного состава. В феодальном ополчении командный авторитет опирался на имущественный ценз начальника, на его положение в рядах господствующего класса, а не на знание ратного дела и мудрость… московская армия не отличалась ни служебным рвением, ни честолюбием, ни интересом к военному делу»[100].

После войны 1632—1634 гг. высшая власть, ясно сознавая слабость русского войска, не предприняла решительных мер для его преобразования, хотя предпосылки для этого создал опыт полков «нового строя», ныне признанный началом строительства национальной регулярной армии[101]. В ходе войны в дополнение к семи сформировали ещё 3 таких полка — один драгунский, 2 солдатских. Общая численность полков «нового строя» к концу войны достигала 17 тыс.[102] Но они не стали постоянным войском, после войны были расформированы. Позже не раз создавались вновь и затем распускались, хорошо зарекомендовали себя в войнах, использовались и для усиления охраны границ[103].

Нововведения первой половины XVII века в русских вооружённых силах не коснулись их основы — поместного войска: «Старая дворянская конница сохраняла своё первенствующее положение; никто из значительных дворян не хотел служить в рейтарах или солдатах (в полках «нового строя». — **Прим. авт.**); потомки старых дружинников (ратников княжеских дружин. — **Прим. авт.**) с презрением смотрели на войска нового строя, точно так, как и на стрельцов. По-прежнему единственным постоянным войском остаются стрельцы. Как только оканчивалась война, все ратные люди разъезжались по домам; распускались по домам и служилые люди нового строя, рейтары, солдаты»[104].

Поместное войско оставалось во многом похожим на русскую рать предыдущего столетия не только системой комплектования, но и разнообразием индивидуального вооружения с тем отличием, что значительно разнообразнее стало ручное огнестрельное оружие: «Дворяне, дети боярские и новики[105] должны были являться на службу в сбруях[106], в латах[107], бехтерцах[108], пансырях[109], шеломах[110] и в шапках мисюрках[111]; которые ездят на бой с одними пистолями, те кроме пистоля должны иметь карабины[112] или пищали… которые ездят с саадаками (луком, стрелами и принадлежностями к ним. — **Прим. авт.**), у тех к саадакам должно быть по пистолю или по карабину; если люди их будут за ними без саадаков, то у них должны быть пищали… или карабины добрые; которые люди их будут в кошу[113], и у тех, для обозного строенья, должны быть пищали… а если у них за скудостью пищалей… не будет, то должно быть по рогатине да по топору»[114].

Укрепление обороны Русского государства тормозило ослабленное в Смутное время военное производство. Его восстановление стало одной из крайне трудных задач.

В годы Смуты была уничтожена значительная часть мощностей порохового производства и утрачены опытные кадры. Остро не хватало мастеров варки селитры — одного из компонентов дымного пороха, но благодаря предпринятым мерам её производство росло. Соловьёв отметил, что «эта промышленность была довольно развита у нас в описываемое время; кроме мест, известных нам уже прежде по селитряному производству… при исчислении служилых людей, находившихся в Курске, читаем: "Из них на… селитряных варницах с весны во всё лето до отпуску детей боярских 50 человек живут, переменяясь по два месяца"; при исчислении белогородских служилых людей: "Из них детей боярских и козаков конных 30 человек, живут на селитряных варницах…". Разные люди, пушкари, бараши[115] подряжались в Пушкарском приказе варить селитру в разных местах, в Ливнах, Воронеже… в 1634 году они брали за пуд по два рубля и 10 алтын»[116].

Остро не хватало ручного огнестрельного оружия. В 1626 году в Ярославле из 2480 человек, способных носить оружие, с пищалями были чуть более 21 проц. — 73 монастырских и 457 из других слоёв населения, с копьями — менее 70 проц., соответственно 51 и 1669. Вооружение 9 проц. — 230 человек не указано. Возможно, его не было. В Устюжне Железопольской[117] лишь треть посадских — 100 из 300 были вооружены пищалями, 200 — рогатинами[118]. Этот город, не раз подвергавшийся нападениям интервентов в XVI—XVII вв., был одним из крупнейших центров металлообработки и оружейного дела в Русском государстве, отправил в Москву в 1614—1623 гг. свыше 2700 пищалей[119], но не обеспечил ими две трети своих защитников.

Возрождение после Смуты производства вооружений в приказах и городах не освещено в труде Соловьёва. Упомянуты лишь 25 тульских мастеров, которые в 1619 году «били челом государю, что они делают государево самопальное дело день и ночь беспрестанно, и потом ещё тянут во всякие подати с посадскими людьми; так чтоб государь велел им делать одно самопальное дело по-прежнему», — в прежнее время, когда они были освобождены от податей. О реакции власти на прошение туляков историк в труде не упомянул, заметив, что «тульского самопального дела было очень недостаточно: мы видели, в каком большом количестве выписывалось оружие из-за границы»[120]. И, отметив нехватку железа, его закупки в Швеции, перешёл к зарождению в России промышленного производства вооружений.

Первым к его созданию приступил голландец А.Д. Виниус вместе с братом и купцом Вилкенсоном. Челобитной царю он попросил разрешения создать в окрестностях Тулы завод для отливки чугунных изделий и выделки железа по иностранному способу. В феврале 1632 года получил царскую грамоту с разрешением построить «заводы для делания из железной руды чугуна и железа, для литья пушек, ядер и котлов, для ковки досок и прутьев, дабы вперёд то железное дело было государю прочно и государевой казне прибыльно, а людей государевых им всякому железному делу научить и никакого ремесла от них не скрывать. В казну положено было принимать с этих заводов пушки по 23 алтына 2 деньги, ядра по 13 алтын 2 деньги за пуд»[121]. Ненужные казне железо и другую

продукцию, даже пушки, заводчики могли продавать на сторону и вывозить в Голландию.

Виниус выбрал место в 12 вёрстах от Тулы по реке Тулица, в Старогородищенском стане Тульского уезда (ныне Ленинский район Тульской обл.), и построил Городищенские (Тульские) заводы — ядро старейшего центра российской доменной металлургии[122]. Руду добывали в 40 вёрстах от них — в Дедиловском уезде[123]. Поставки железа казне заводы начали в 1636 году, чугуна — не позднее 1637-го.

Потратив большие деньги и задолжав, Виниус был вынужден, по версии Соловьёва, в 1639 году вступить в товарищество с двумя известными при дворе состоятельными иностранцами П.Г. Марселисом и Ф.Ф. Акемой. По их челобитью к заводам приписали дворцовую Соломенскую волость (Каширский уезд) с 347 крестьянами[124], что позволило решить проблему дефицита рабочих рук в трудоёмкой добыче руды. Но, по ряду источников, волость приписали к заводам раньше, в 1637—1638 гг., затем Марселис и Акема вошли в компанию по управлению ими[125].

Коснулся в своём труде Соловьёв и укрепления южного пограничья Русского государства. В конце Смуты и после неё основные русские военные силы были сосредоточены на западе и северо-западе для борьбы с Речью Посполитой и Швецией, а южные границы защищены слабо. Этим пользовались ногайцы и татары, опустошая южные окраины нашей страны[126]. Турция требовала уступить ей Казань и Астрахань. Крымцы нападали на русские уезды[127]. Но Русское государство только в 1636 году смогло укрепить свои южные рубежи строительством городов — Чернавска[128] (между Ельцом и Ливнами), Козлова[129], Тамбова, Ломова[130]. А Орёл пришлось отстроить заново. В 1640 году построили Хотмышск[131] на Ворскле и Вольный Курган на Рогозне. На их строительство отпустили 13 532 рубля. На стройках работали стрельцы, казаки, солдаты и даточные люди[132]. Организацией работ занимался Пушкарский приказ[133].

Таким образом, фундаментальный труд «История России с древнейших времён» содержит разнообразную информацию об оборонных проблемах нашей страны в первой половине XVII века. Автор показал, что Русское государство начало уделять внимание качественному состоянию войска вместо преобладавшего ранее количественного подхода. Но преобразования в военной сфере шли медленно и не всегда успешно. Им мешали разорение страны в период Смуты и её последствия, недостаток средств, сначала отсутствие, затем нехватка промышленной базы выпуска вооружений. В русской военной организации, по оценке Соловьёва, «не трогая старого, приставляли к нему новое. Необходимость нового, несостоятельность старого были признаны; но, как обыкновенно бывает, первые шаги были нерешительны; на первых порах новое являлось ещё робко, без официального признания его преимущества»[134].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Лосик А.В., Щерба А.Н.* Русское войско в Смутное время: по сведениям «Истории России с древнейших времён» С.М. Соловьёва // Воен.-истор. журнал . 2020. № 4. С. 80—87.

[2] Михаил Фёдорович // Большая российская энциклопедия: электронная версия (БРЭ ЭВ): https://bigenc.ru.

[3] См.: Строгановы // Там же.

[4] *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времён в 18 кн. Кн. 5. М.: Мысль, 1990. С. 16, 17.

[5] Там же. С. 17.

[6] Там же. С. 16.

[7] Михаил Фёдорович.

[8] См.: Пятина // Советская историческая энциклопедия (СИЭ) в 16 т. Т. 11. М.: Советская энциклопедия, 1968. Стб. 744; Деньга пятая, деньга десятая и деньга пятнадцатая // Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. В 86 т. (ЭСБЕ) Т. X. СПб.: Тип. И.А. Ефрона, 1893. С. 403.

[9] Оклад в русских источниках XI—XVIII вв.: 1) денежное и земельное жалованье служилых; 2) развёртывание прямых государственных налогов и податей в соответствии с единицами податного обложения; 3) металлическое покрытие иконы или переплёта книги. См.: Оклад // СИЭ. Т. 10. М.: Советская энциклопедия, 1967. Стб. 489.

[10] Михаил Фёдорович.

[11] Пятина.

[12] *Соловьёв С.М.* Указ. соч. С. 16.

[13] Там же.

[14] См.: Деньга пятая, деньга десятая и деньга пятнадцатая.

[15] Посошное обложение, сошное — государственный поземельный налог в России XVI—XVII вв. Единица обложения — соха — русская мера площади. Большая московская соха в зависимости от статуса владельца и качества земли — «доброй», «середней» и «худой» составляла: для светских землевладельцев, соответственно, 800, 1000 и 1200 четвертей (четей), духовных — 600, 700 и 800, для государя (дворцовых и черносошных крестьян) — 500, 600 и 700 в одном поле. При трёхпольном севообороте площадь единицы обложения утраивалась. Четверть — 0,5 десятины. Казённая десятина в XVII в. — 1,119744 га. См.: Сошное письмо // БРЭ ЭВ, Сошное письмо // СИЭ. Т. 13. М.: Советская энциклопедия, 1971. Стб. 578, 479; *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская метрология. М.: Высшая школа, 1975. С. 91, 95.

[16] См.: Пятина; *Веселовский С.Б.* Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Фёдоровича. М., 1908. С. 7.; Деньга пятая, деньга десятая и деньга пятнадцатая.

[17] Стрелецкий хлеб // СИЭ. Т. 13. Стб. 865.

[18] *Соловьёв С.М.* Указ. соч. С. 461.

[19] Там же.

[20] Там же. С. 155.

[21] Там же.

[22] Толокно — толчёная мука, преимущественно овсяная.

[23] *Соловьёв С.М.* Указ. соч. С. 155, 156.

[24] Там же. С. 160.

[25] Там же. С. 459, 591.

[26] Там же. С. 59, 94, 95, 160, 191, 209.

[27] Там же. С. 64—66.

[28] Там же. С. 62—67.

[29] Там же. С. 65.

[30] Там же. С 63.

[31] Там же. С. 72—74.

[32] Там же. С. 81.

[33] Подробнее см.: Столбовский мир 1617 // БРЭ ЭВ; Шведская интервенция начала 17 в. // Там же.

[34] Там же.

[35] Осьмина — мера объёма сыпучих тел, около 105 литров.

[36] *Соловьёв С.М.* Указ. соч. С. 281.

[37] Там же.

[38] Там же. С. 283.

[39] См.: Деулинское перемирие 1618 // БРЭ ЭВ.

[40] *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. 4. М.: Мысль, 1989. С. 279, 343.

[41] Там же. Кн. 5. С. 153.

[42] Там же. С. 262.

[43] Там же. С. 69.

[44] См.: Стрелецкое войско // БРЭ ЭВ.

[45] *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. 5. С. 266.

[46] Там же. Кн. 7. М.: Мысль, 1991. С. 69.

[47] Ефимок, русское название крупной серебряной монеты, талера. Заимствовано из польского — joachymik или произошло от нем. Ioachimstaler, монеты, выпускавшейся в Йоахимстале (ныне Яхимов, Чехия). С XVI в. ефимками называли талеры,

ввозившиеся в Россию для расчётов с иностранцами, использовавшиеся как источник серебра, и др. См.: Ефимок // БРЭ ЭВ.

[48] *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. 5. С. 269.

[49] Там же. С. 267, 268.

[50] Полки «нового строя» // Военная энциклопедия в 8 т. (ВЭ) Т. 6. М.: Воениздат, 2002. С. 490, 491.

[51] *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. 5. С. 153.

[52] Там же.

[53] См.: Регимент // Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. М, 1865. С. 540. Интернет-ресурс: https://viewer.rusneb.ru/.

[54] *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. 5. С. 153.

[55] Жильцы, один из разрядов служилого чина, чиновно-статусная группа. См.: Жильцы // БРЭ ЭВ; Жильцы // ЭСБЕ. Т. XII. СПб.: Тип. И.А. Ефрона, 1894. С. 6.

[56] *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. 7. С. 69, 70.

[57] Полки «нового строя».

[58] *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. 5. С. 155.

[59] Русско-польские войны 17 в. // БРЭ ЭВ.

[60] *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. 5. С. 154.

[61] См.: *Меньшиков Д.Н.* Боевая сила армии М.Б. Шеина в Смоленском походе 1632—1634 годов // Вестник Санкт-Петербургского университета, 2008. Сер. 2. Вып. 4. Ч. I. С. 10, 11.

[62] Разрядные книги (разряды), в Русском государстве XVI—XVII вв. своды ежегодных росписей со сведениями о назначениях служилых, войнах и др. Подробнее см.: Разрядные книги // БРЭ ЭВ.

[63] *Меньшиков Д.Н.* Указ. соч. С. 11.

[64] Там же. С. 12.

[65] Там же.

[66] Русско-польские войны 17 в.

[67] См.: *Меньшиков Д.Н.* Указ. соч. С. 12.

[68] *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. 5. С. 156.

[69] Смоленская война 1632—34 // ВЭ Т. 7. М.: Воениздат, 2003. С. 528.

[70] Русско-польские войны 17 в. // БРЭ ЭВ; *Меньшиков Д.Н.* Указ. соч. С. 14.

[71] Русско-польские войны 17 в.

[72] *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. 5. С. 156.

[73] Смоленская война 1632—34.

[74] *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. 5. С. 156.

[75] *Меньшиков Д.Н.* Указ. соч. С. 15.

[76] *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. 5. С. 158.

[77] См.: Смоленская война 1632—34; Русско-польская война 1632—34 // СИЭ. Т. 12. М.: Советская энциклопедия, 1969. Стб. 369.

[78] Белая — город-крепость, ныне г. Белый Бельского района Тверской обл.

[79] См.: Поляновский мир 1634 // БРЭ ЭВ.

[80] *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. 5. С. 163.

[81] Там же. С. 159.

[82] Там же. С. 164.

[83] См.: Смоленская оборона 1609—11 // БРЭ ЭВ; Шеин // Там же.

[84] *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. 5. С. 164.

[85] Там же. С. 161, 164.

[86] См.: Шеин // БРЭ ЭВ.

[87] *Каргалов В.В.* Полководцы XVII века. М., 1990. С. 251, 252.

[88] Поместное войско // БРЭ ЭВ.

[89] См.: Поместная система // СИЭ. Т. 11. Стб. 396.

[90] Поместное войско // ВЭ. Т. 6. С. 513.

[91] Поместное войско // БРЭ ЭВ.

[92] *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. 5. С. 247, 248.

[93] Дворянство // БРЭ ЭВ.

[94] *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. 5. С. 257.

[95] Там же. Кн. 7. С. 67.

[96] Там же. Кн. 5. С. 262, 263.

[97] Там же. Кн. 7. С. 67, 68.

[98] Там же.

[99] Местничество, система норм в среде знати, по которым «место» лица в её иерархии определялось служебным положением предков, ближайших родственников и давностью этого положения. Исчезла во второй половине XVII в. См.: Местничество // БРЭ ЭВ.

[100] *Свечин А.А.* Эволюция военного искусства в 2 Т. 1. М.; Л.: Военгиз, 1928. С. 273, 278. Интернет-ресурс: http://militera.lib.ru.

[101] Регулярная армия // ВЭ. Т. 7. С. 204.

[102] Полки «нового строя».

[103] Там же.

[104] Там же. С. 71.

[105] Новик, подросток из дворян, детей боярских и городовых казаков в XV—XVII вв. в Русском государстве, поступивший на военную службу и впервые занесённый в десятни (списки служилых уезда), а также дворянин, прослуживший ряд лет, но не верстанный (не наделённый одновременно с зачислением на военную службу) денежным и земельным (поместье) окладом. См.: Новик // БРЭ ЭВ; Верстание // СИЭ. Т. 3. М.: Советская энциклопедия, 1963. Стб. 372.

[106] Сбруя в то время — все принадлежности, снасти, орудия, снаряд для промысла, занятия, дела (военная, церковная, охотничья, столярная и пр.), а также конские принадлежности для езды. См.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. Т. 4. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 21.

[107] Латы состояли из металлической кирасы, прикрывавшей грудь и спину, с пристёгнутыми к ней спереди полами.

[108] Бехтерец (бахтерец) — доспех из металлических пластинок, соединённых кольцами.

[109] Панцирь — защитное вооружение в виде рубахи. Русский панцирь сплетался из железных колец подобно кольчуге, отличался от неё более мелкими кольцами и плотным плетением.

[110] Шлем (шелом) — железная конусообразная шапка.

[111] Мисюрка — железная шапка в виде металлического кружка с сеткой, защищавшей голову и шею.

[112] Карабин — огнестрельное оружие облегчённого веса, в то время им преимущественно вооружалась кавалерия.

[113] Кош — военный лагерь, обоз. См.: *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. Интернет-ресурс: https://lexicography.online/.

[114] *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. 5. С. 263.

[115] Бараши (барыши) — ремесленники и промышленные люди, поселённые на княжих землях. См.: Бараши // ЭСБЕ. Т. III. СПб.: Тип. И.А. Ефрона, 1891. С. 41.

[116] *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. 5. С. 293.

[117] Устюжна Железопольская (Железная, Железнопольская), ныне Устюжна — райцентр в Вологодской обл. См.: Устужна // БРЭ ЭВ.

[118] *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. 5. С. 283.

[119] Устюжна // БРЭ ЭВ.

[120] *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. 5. С. 290.

[121] Там же. С. 290, 291.

[122] См.: Городищенские заводы // БРЭ ЭВ.

[123] Ныне село Дедилово входит в Киреевский район Тульской обл.

[124] *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. 5. С. 291.

[125] См.: Городищенские заводы. Марселисы // БРЭ ЭВ; Очерки русской культуры XVII в. в 2 ч. Ч. 1. М.: Изд-во МГУ, 1979. С. 120; *Сербина К.Н.* Борьба крестьян с заводовладельцами во второй половине XVII в. Труды Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР. Вып. 9. Л., 1967. С. 424.

[126] *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. 5. С. 123.

[127] Там же. С. 62—67.

[128] Чернавск — ныне село Чернава Измалковского района Липецкой обл.

[129] Козлов — ныне г. Мичуринск Тамбовской обл.

[130] Ломов — ныне г. Нижний Ломов Пензенской обл.

[131] Хотмышск (Хотмыжск) — ныне село в Борисовском районе Белгородской обл.

[132] Даточные люди — пожизненные военнообязанные, выставлявшиеся тяглым (обязанным платить налоги и выполнять повинности) населением Русского государства в XV—XVII вв., их также называли посошной ратью, повинность — посохой. См.: Даточные люди // СИЭ. Т. 4. М.: Советская энциклопедия, 1963. Стб. 1015, 1016.

[133] *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. 5. С. 270.

[134] Там же. Кн. 7. С. 71. ■

Иллюстрации с сайтов: https://www.tretyakovgallery.ru; https://24smi.org; https://bigenc.ru; http://www.art-melkov.ru.

Б.В. НОРИК

B.V. NORIK

АНГЛО-ИРАНСКАЯ ВОЙНА 1856—1857 гг.: ШТУРМ КРЕПОСТИ БАХМАНИ

THE ANGLO-PERSIAN WAR OF 1856—1857: STORMING THE BAHMANI FORT

Сведения об авторе. *Норик Борис Вячеславович — старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук (Москва. E-mail: boris.norik@mail.ru).*

Аннотация. *Статья освещает начальный, наиболее важный период первого этапа Англо-иранской войны 1856—1857 гг., завершившийся взятием крепости Бахмани. Для описания событий автор наряду с английскими использовал иранские первичные источники.*

Ключевые слова: *Англо-иранская война 1856—1857 гг.; крепость Бахмани; Райшахр; Иран; Великобритания; Персидский залив; Бушир.*

Information about author. *Boris Norik — Senior Researcher at the RAS Institute of Oriental Studies, Cand. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: boris.norik@mail.ru).*

Summary. *The paper highlights the initial and most important period in the first stage of the Anglo-Persian War of 1856—1857, which ended with the seizure of the Bahmani Fort. To describe the events the author resorted to both British and primary Iranian sources.*

Keywords: *Anglo-Persian War of 1856—1857; Bahmani Fort; Reishahr; Iran; Great Britain; Persian Gulf; Bushehr.*

В 1892 году лорд Керзон (в то время заместитель британского министра по делам Индии), расхваливая британскую и критикуя российскую политику в отношении страдавшей от собственной слабости Персии (так эту страну до 1935 г. называли в нашей и других европейских странах, но в персоязычных исторических сочинениях и официальных документах самоназванием страны неизменно оставался топоним Иран), утверждал, что за 35 лет, прошедших со времени Англо-иранской войны 1856—1857 гг., этот «эпизод» был столь основательно забыт, что девять из десяти англичан, скорее всего, не будут знать о нём, а десятый не вспомнит, в чём заключалась суть дела[1]. Как бы ни хотелось лорду Керзону, этот сюжет из истории Ирана не был забыт ни его соотечественниками, ни тем более иранцами.

Война официально продолжалась с 1 ноября 1856 (день объявления) до 4 марта 1857 года (дата заключения Парижского мирного договора). Фактически же военные действия велись с 4 декабря 1856 (оккупация острова Харк) по 4 апреля 1857 года (окончание рейда в иранский город Ахваз, предпринятого британцами в связи с тем, что известие о мирном договоре до этого дня не достигло участвовавших в нём войск). Причинами, по которым Англия развязала войну, были экономическая экспансия, желание ослабить влияние Ирана в Персидском заливе, а также стремление остановить усиление позиций этой страны в Афганистане, которое, по убеждению многих тогдашних британских политиков, было способно при поддержке России серьёзно угрожать северо-западной границе британских владений в Индии и помешать превращению Герата в плацдарм для агрессивных, в значительной степени антироссийских планов Англии на Среднем Востоке. Поводом для войны послужила очередная попытка Ирана овладеть Гератом, некогда входившим в состав этого государства, что стало нарушением Англо-иранского соглашения 1853 года, согласно которому Иран не имел права отправлять войска к Герату за исключением вторжения из Кабула или Кандагара, а также любой иностранной державы[2]. Потерпев поражение в войне, Иран был вынужден отказаться от притязаний на роль серьёзного регионального игрока и в стремлении сохранить суверенитет довольствоваться лавированием между двумя основными силами — Россией и Англией.

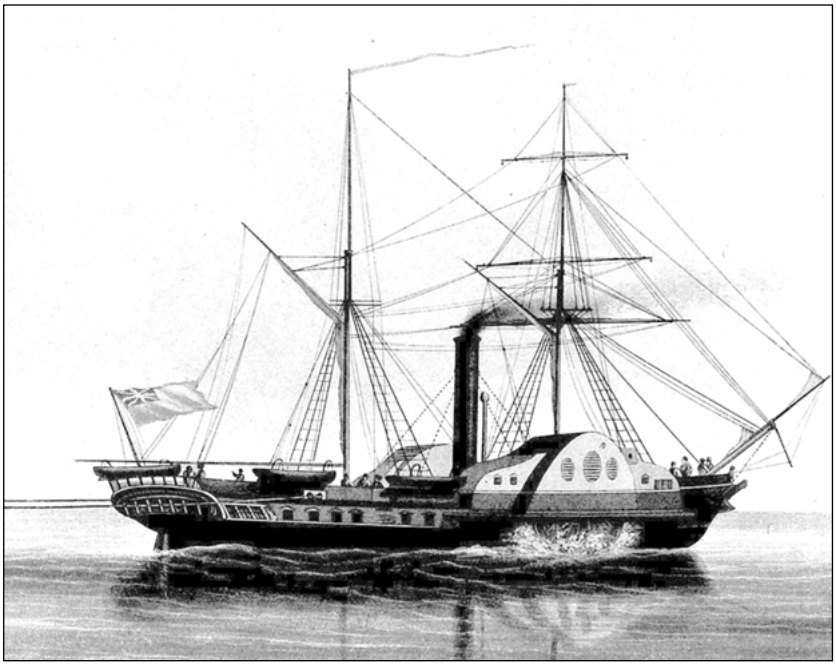
Попытки воссоздания единой картины военных действий этой кампании предпринимались нечасто. В отечественной науке единственным монографическим исследованием, посвящённым данной войне, до сих пор остаётся изданная в 1959 году работа П.П. Бушева «Герат и Англо-иранская война 1856—1857 гг.». Его труд по-прежнему сохраняет актуальность, однако в нём мало использованы первичные иранские источники, а в качестве основы при изложении военных действий взята газета «Таймс». Рассказ о самих действиях занимает пятую часть общего объёма работы, что вполне объяснимо, поскольку главной задачей автора было рассмотрение гератского вопроса и общей военно-политической обстановки на Среднем Востоке в середине XIX века[3]. Н.Н. Туманович в своей монографии «Европейские державы в Персидском заливе в 16—19 в.»[4] тоже касается Англо-иранской войны, шире привлекая первичные иранские источники, но тематические рамки этой работы требовали от автора опре-

делённой умеренности в описании военных действий[5]. При этом замечу, что упомянутые исследователи не использовали ценный информативный отчёт непосредственного участника событий лейтенанта Дж.А. Балларда[6].

В зарубежном востоковедении заметен устойчивый интерес к Англо-иранской войне, однако автору удалось обнаружить только одну монографию — книгу Б. Инглиш «John Company's Last War» («Последняя война Ост-Индской компании»), изданную в 1971 году и давно ставшую библиографической редкостью[7]. В этой работе автор, отдавая должное перипетиям вокруг гератского вопроса, гораздо больше внимания уделил собственно военным действиям (в частности, подготовительным мероприятиям). При этом не упомянул целый ряд деталей и спорных вопросов (например, проблему военных потерь). В качестве источниковой базы активно использовал архивные материалы, опубликованные документы и мемуарную литературу, но совершенно не привлёк персоязычные источники. Об этой войне лишь вскользь упоминается в фундаментальном труде «The Cambridge History of Iran»[8] («Кембриджская история Ирана»). Между тем иранские исследователи опубликовали ряд кратких отчётов, созданных анонимными авторами, которые посвящены второму и третьему этапам войны.

Упомянутые обстоятельства заставляют снова обратиться к этой теме и попытаться, в равной мере используя как иранские, так и английские источники, воссоздать полную картину наиболее важного, центрального события первых дней войны — взятия крепости Бахмани.

Войну объявил 1 ноября 1856 года генерал-губернатор Индии лорд Ч. Каннинг. Английская эскадра с экспедиционным корпусом отплыла из Бомбея несколькими группами с 8 по 15 ноября. В Персию отправились 5670 военнослужащих сухопутных войск (из них 2270 — европейцы) и 3750 человек гражданского персонала со средствами передвижения (1150 лошадей и 430 волов)[9]. Командовал экспедиционным корпусом генерал-майор Ф. Сталкер. Морские силы возглавлял контр-адмирал Г. Лик. Большая часть солдат находилась на парусниках, которые буксировали военные и зафрахтованные гражданские пароходы. Эскадра состояла из 45 паровых и парусных кораблей и судов (8 пароходов Индийского ВМФ, как в то время именовали морские силы Британской Ост-Индской компании, 7 зафрахтованных пароходов и 30 парусников)[10]. 21 ноября 1856 года штабные корабли прибыли в район Ормузского пролива и несколько дней простояли на якоре, ожидая подхода остальных судов. Место сбора было назначено у порта Бендер-Аббас[11].

Вооружённый колёсный пароход «Виктория» морских сил Ост-Индской компании, в то время именовавшихся «Её Величества индийский ВМФ»

29 ноября первые английские корабли (паровой фрегат «Феруз» с двумя транспортами на буксире и корвет «Фолкланд») показались на горизонте г. Бушир[12]. Их появление вызвало беспокойство губернатора города Мирзы Хасан-Али-хана Дарйабиги[13], который 30 ноября обратился за разъяснениями к английскому резиденту капитану Ф. Джонсу[14], ответившему ему только 3 декабря после совещания со Сталкером и Ликом на борту флагманского фрегата «Асайе». Джонс письменно сообщил, что его миссия в Персии приостановлена[15], на запрос губернатора ответит генерал Сталкер, который счёл достаточным без каких-либо объяснений приложить к письму Джонса декларацию об объявлении войны[16].

Надеясь на мирное разрешение напряжённой ситуации, персидское правительство не спешило направлять войска для защиты Бушира. В городе находились только несколько взводов Карачадагского регулярного полка во главе с генералом Мохаммад-Али-ханом*, а также Нехавандский регулярный полк в неполном составе под командованием полковника Махди-хана. Шесть солдат Нехавандского полка несли караульную службу в городе, ещё несколько жили в крепостной башне. Кроме того, в ведении Мохаммад-Али-хана находился бастион с четырьмя пушками, расположенный за пределами буширской крепостной стены. 3 декабря 1856 года Мохаммад-Али-хан умер, и руководство его подчинёнными взял на себя его брат Ростам-хан. Артиллеристы вместе с пушками по приказу Дарйабиги переместились в город.

Махди-хан и Хасан-Али-хан Дарйабиги написали губерна-

* Должности, воинские звания и инициалы некоторых из упомянутых в статье лиц в использованных источниках не указаны.

тору провинции Фарс, к которой относился Бушир, принцу Тахмасп-мирзе Моайаду ад-Доуле[17] о том, что английские корабли в боевой готовности стоят на рейде Бушира на расстоянии примерно 6 км, а у них нет ни достаточного количества солдат для защиты города, ни конкретных приказов о дальнейших шагах.

Моайад ад-Доуле начал подготовку военной кампании, отправил Мохаммад-Коли-хана Ильхани и командира Кашкайского пехотного полка[18] генерала Лотф-Али-хана, племянника Ильхани с его полком, тысячей кашкайских всадников иррегулярных войск и четырьмя пушками[19] в Дашти[20] с приказом быть готовыми выступить в Бушир в любую минуту.

6 декабря командующий войсками провинции Фарс генерал Мехр-Али-хан Нури Ширази Шоджа аль-Мольк[21] выступил из Шираза и остановился в саду Джахан-нома[22]. Под командованием Шоджа аль-Молька в Бушир отправились: полк шахской личной гвардии, 4-й регулярный полк, половина Ширазского регулярного полка, 100 всадников-гулямов, 4 пушки, 1 мортира и арсенал. Одни шли через Казерун[23], другие — через Фирузабад[24], путь через который был заметно длиннее, но позволял легче перемещать артиллерию и грузы. При этом из сообщения иранского историка Сепехра следует, что Шоджа аль-Мольк в первую очередь предполагал наказать вышедших из повиновения ханов Дашти (в частности, Хосейн-хана), а заодно, если англичане начнут военные действия, дать им отпор[25]. Все эти силы до Бушира не дошли.

Между тем события развивались стремительно, а у Дарйабиги не было ни инструкций, ни солдат, ни запасов воды. 7 декабря он спешно направил полковника Махди-хана в селение Райшахр в 6 км от Бушира[26], где находилась полуразрушенная крепость Бахмани[27], от которой остались только насыпной вал и обезвоженный ров[28]. Кроме того, вызвал из Тангестана[29] в Бушир Бакер-хана Тангестани с четырьмя сотнями стрелков и двумя пушками. Бакер-хан, выйдя из селения Далеки[30], 8 декабря пошёл к Буширу, но Махди-хан, вернувшийся туда, отправил Бакер-хану письмо, в котором предписал ему отправляться в крепость Бахмани, уведомив, что он сам, взяв пушки Бакер-хана, будет защищать башню Халат-пушан, расположенную в 1,5 км от Бушира (оттуда в Бушир доставляли воду и еду).

Бакер-хан через своего племянника передал Дарйабиги письмо, в котором спрашивал, зачем тот его вызвал, если в город не пустил, хотя он со своими воинами за ночь мог бы возвести 10 земляных укреплений. Дарйабиги ответил, что в тот момент Бакер-хану с его тангестанцами полезнее отправиться в крепость. Видимо, Махди-хан просто не захотел возиться с укреплением полуразрушенной крепости и переложил это на уставших от марша тангестанцев, надеясь, что они превратят Бахмани в рубеж обороны, который сможет защитить Бушир от англичан[31].

Тем временем англичане после не встретившей никакого сопротивления оккупации 4 декабря острова Харк (Харг)[32] и устройства там военной базы в 8 утра 7 декабря в бухте Халиле[33], расположенной примерно в 12 км к югу от Бушира, начали высадку своих войск, которая продолжалась двое суток[34]. Иранские источники сообщают о перемещении на берег 8 пехотных полков и выгрузке 30 пушек. Высадку прикрывали вооружённые 24-фунтовыми гаубицами канонерки под командованием лейтенанта Стрэдлинга и паровой фрегат «Аждаха» под командованием лейтенанта Уорсли, который первым в войне открыл огонь, рассеяв небольшой отряд иранцев — 100 стрелков[35] — в пальмовой роще примерно в 2 км от берега. Лик назвал этот эпизод перестрелкой[36].

В изложении Балларда этот эпизод выглядит гораздо безобиднее. Когда часть пехоты села в лодки, а остальные завтракали, вдруг послышались корабельные залпы. Стрельба продолжалась минут 15. Все выскочили на палубу. Оказалось, что стреляли по пальмовой роще, но там никого не было видно: «К нам приближались пять человек, в туманном мираже, поднимающемся из песка, едва отличимые от верблюдов. Но они были далеко за пределами зоны досягаемости, поскольку сэр Уильям Армстронг (английский конструктор артиллерийских орудий и промышленник. — **Прим. авт.**) ещё не открыл миру свой бесценный секрет, как убивать наших ближних и сжигать их дома на расстоянии пяти миль»[37].

При выгрузке лошадей и артиллерии возникли трудности из-за отсутствия туземных лодок, которые Джонсу не удалось достать на арабском побережье у несговорчивого населения, поэтому пришлось обходиться штатными корабельными. В результате 6 пушек перевозили на берег 2 часа. Потеряли 5 лошадей. Тем не менее в целом всё прошло достаточно гладко благодаря хорошей погоде и спокойному морю.

Вскоре после полудня войска, отойдя от берега, рассредоточились широким фронтом перед противником, периодически появлявшимся в нескольких милях от них и следившим за действиями англичан[38]. Они расположились в деревушке Халиле[39] под открытым небом, поскольку ни палатки, ни багаж не выгрузили.

Вечером 8 декабря Лик и Сталкер договорились, что фрегат «Асайе» с контр-адмиралом на борту будет держаться поближе к берегу и прикрывать левый фланг войск при их выдвижении к Райшахру, поскольку гарнизон этой крепости был способен оказать серьёзное сопротивление.

9 декабря до рассвета небольшой авангард (около 350 человек при двух пушках) был отправлен разведать путь в Бушир. Он шёл по лощине между морем и клифом (крутым склоном) высотой 15—30 м, отделявшим берег от прибрежной равнины. Примерно через 8 км авангард добрался до деревушки Имамзаде, расположенной ближе к перешейку Буширского полуострова недалеко от Райшахра. Валы находившейся в Райшахре квадратной крепости Бахмани, обращённой тылом к берегу, состояли из песчаника. Перед ними с материковой стороны имелся глубокий безводный ров. Местность была испещрена камнями и колючим кустарником. Из деревушки разведчики видели, что в крепости много солдат (по отчёту Балларда — около 400, Лика — от 1500 до 2000).

Иранцы заметили англичан и начали обстреливать их из мушкетов. Те в ответ начали стрелять из пушек, но увидели, что это бесполезно, так как ядра застревают в песке. Корабли тоже обстреляли крепость, но безуспешно. В результате перестрелки погиб солдат из 2-го Бомбейского пехотного полка. Разведчики отступили и стали ждать подхода войск во главе со Сталкером[40].

Через несколько часов после ухода авангарда основной состав английского экспедиционного корпуса (по иранским источникам — 1000 всадников и 6 пехотных полков с тридцатью пушками)[41], имея трёхдневный запас провизии[42], направился к крепости Бахмани и к рассвету 9 декабря добрался до неё. Корабли двигались вдоль берега.

Бакер-хан Тангестани и его сын Ахмад-хан, а также шейх Хосейн Араб Дамух Чахкутахи[43], вернувшиеся этим утром из Бушира, невзирая на численное превосходство противника[44], решили принять бой.

Поначалу англичане задались целью выбить иранцев с укреплённых позиций вокруг крепости и деревушки. Бой начался около полудня. «Асайе» открыл огонь из 8-дюймовых пушек с расстояния примерно 1,6 км (ближе подойти не удалось). С кораблей, расположившихся напротив крепости, начали палить 68-фунтовые орудия, а с суши — упомянутые ранее 30 пушек.

Как сообщал Лик, ядра попадали в окопы, нанося большие потери, и обратили иранцев в бегство. Остались только 800 человек, главным образом тангестанцев, оказавших стойкое сопротивление. По словам Балларда, крепостные укрепления оказались настолько мощными, что выбить оттуда гарнизон огнём полевых орудий было практически невозможно. Поэтому после артподготовки на крепость двинулась пехота. Время для англичан было дорого, так как упорная оборона крепости могла ободрить и побудить к активному сопротивлению буширский гарнизон. Ров, окружавший редут, имел внушительную глубину, но в нескольких местах крепостного вала с материковой стороны виднелись бреши, под которыми ров был настолько заполнен обломками, что можно было забраться на вал без штурмовых лестниц.

Сталкер построил войска так, чтобы окружить крепость и не дать врагу спастись бегством. Наступление предполагалось в две колонны: первая (2-й Бомбейский пехотный полк) должна была зайти с северо-восточного угла крепости, а вторая (64-й европейский пехотный полк и 20-й полк туземной пехоты) — с восточной (материковой) стороны. Справа от пехоты 33-й полк лёгкой кавалерии под командованием подполковника Дж. Малета занял позиции тремя отрядами через определённые интервалы между побережьем и дорогой на скалистом грунте, изрезанном лощинами, чтобы не дать гарнизону крепости уйти по берегу в сторону Бушира. 4-й туземный стрелковый полк получил приказ перекрыть побережье слева от пехоты, чтобы пресечь возможное бегство противника в обратном от Бушира направлении. Эта задача была выполнена довольно небрежно, поэтому многим иранцам удалось спастись под прикрытием скал, нависавших над побережьем.

Под сильным огнём иранских мушкетов[45] солдаты 64-го и 20-го полков под командованием бригадного генерала Дж. Стопфорда почти одновременно преодолели ров и взобрались на крепостной вал. Там погибли Стопфорд и несколько солдат, лейтенанты Аттерсон и Уоррен из 20-го полка получили смертельные ранения, был тяжело ранен капитан Вуд[46]. 64-му полку досталась более удобная для прорыва брешь, поэтому он вошёл в крепость с минимальными потерями.

Иранские авторы сообщали, что англичане использовали против тангестанцев пороховые бомбы. Были убиты 72 родственника Бакер-хана, в том числе и его сын Ахмад-хан[47], а также 60 других его воинов. После этого в рядах оборонявшихся возникла паника и началось бегство, шейх Хосейн бежал в Бушир, Бакер-хан (по словам иранского историка Хурмуджи, «бросив своих убитых и раненых сыновей»[48]) с соплеменниками — в Тангестан. В плен никто не попал.

Многие иранские солдаты спасались бегством через тыловую часть укрепления, направляясь на север. Заметив это, английские стрелки выстроились в линию вдоль скал и стали расстреливать бежавших, которые, видимо, не слышали или не поняли приказа оккупантов сдаться, отданного на английском и хиндустани[49], а также призывными взмахами белыми платками и тюрбанами.

Командир 33-го полка лёгкой кавалерии подполковник Дж. Малет, увидев на крепостном валу английские красные мундиры и поняв, что крепость взята, с одним из кавалерийских отрядов своего полка подошёл вдоль берега к крепости с тыла и отсёк часть иранцев, прорвавшихся через строй стрелков. Ту же задачу выполняли два других отряда 33-го полка под командованием капитана Форбса, а также две пушки конной артиллерии. Там комполка увидел, как один из его солдат собирается убить иранца, но тот взмолился, подняв руки. Малет приказал его не убивать и проехал вперёд. А помилованный иранец схватил спрятанный в кустах мушкет и убил Малета выстрелом в спину[50]. Командира 33-го полка любили в армии, считали превосходным офицером, и его смерть подействовала на солдат угнетающе. После гибели Малета командование 33-м полком лёгкой кавалерии перешло к капитану Форбсу.

Захватив крепость, британцы «зачистили» её от иранцев, в основном входивших в иррегулярное ополчение тангестанцев, которые отказывались сдаться, продолжали обороняться в развалинах старых домов и были убиты. В итоге крепость Бахмани оказалась в руках англичан. Солдаты расположились рядом с ней, похоронили убитых, а раненых отправили на корабли. Ночью с них доставили продовольствие.

Было решено, что корабельная артиллерия утром начнёт обстреливать Бушир, а сухопутные войска займут позиции напротив материковой стороны города.

Вопрос о потерях при захвате крепости Бахмани остаётся открытым. Иранские источники сообщают, что из английского войска были убиты 740 человек плюс 50 инженеров (вероятно, сапёров), офицеров и известный английский врач (по данным

Хурмуджи — один командир, 5 офицеров и множество солдат, число которых ему не известно). Иранцы захватили 3 пушки (по сведениям Сепехра — 5). Судя по всему, эти данные серьёзно завышены.

Английские источники в свою очередь занижают количество британских потерь. Так, контр-адмирал Лик в своём отчёте, назвав погибших бригадного генерала Стопфорда и подполковника Малета, написал: «…тем более что накануне они потеряли так много смелых товарищей во время штурма крепости Решир»[51]. Сталкер утверждал, что потери были в основном среди офицерского состава, и к двум названным выше прибавил лейтенантов Аттерсона и Уоррена из 20-го полка, умерших от ранений. Тяжело раненный капитан Вуд 12 декабря 1856 года, когда Сталкер составил донесение, был жив. Военный историк М. Андерсон писал, что общие потери в Райшахре составили 8 убитыми и 38 ранеными[52].

Результаты этого боя, по справедливому мнению Ф. Джонса, оказали деморализующее воздействие на иранцев, поскольку племена дашти и тангестан считались наиболее смелыми и опытными в защите подобного рода позиций, были в таких боях гораздо более эффективными, нежели иранские регулярные войска. По словам Балларда, судьба тангестанцев умерила желание иранцев браться за оружие, т.к. они считали, что губернатор Бушира принёс тангестанцев в жертву, отправив в крепость, где они были полностью изолированы, и удерживание которой не имело никакого смысла. Звучали даже обвинения в том, что губернатор, будучи чистокровным персом, не считал гибель нескольких сот тангестанцев — наполовину арабов — большой потерей для империи[53].

Так закончилась наиболее важная фаза первого этапа Англо-иранской войны 1856—1857 гг. Британские экспедиционные войска вышли к главной цели этого этапа — городу Бушир, имевшему важное для Ирана стратегическое значение как главный порт страны в Персидском заливе. Однако, несмотря на успешное завершение штурма крепости Бахмани, он показал, что противник способен оказать англичанам достойное сопротивление и в дальнейшем они могут столкнуться с непредвиденными трудностями.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Curzon G.N.* Persia and the Persian Question. Vol. II. London: Longmans, Green and Co., 1892. P. 604.

[2] Подробнее см.: *Бушев П.П.* Герат и Англо-иранская война 1856—1857 гг. М.: Издательство восточной литературы, 1959. С. 8—21, 44—46, 217, 218.

[3] См.: там же. С. 3—94.

[4] *Туманович Н.Н.* Европейские державы в Персидском заливе в 16—19 вв. М.: Наука, 1982. 190 с.

[5] Там же. С. 147—154.

[6] [*Ballard*]. The Persian War of 1856—57 // Blackwood's Edinburgh Magazine. Vol. XC. No. DLI. September 1861. P. 343—363. О Дж.А. Балларде см.: *Buckland C. E.* Dictionary of Indian Biography. London: Swan Sonnenschein and Co., 1906. P. 24.

[7] *English B.* John Company's Last War. London: Collins, 1971. 192 p.

[8] The Cambridge History of Iran. Vol. 7. From Nadir Shah to the Islamic Republic / Ed. P. Avery, G. Hambly, Ch. Melville. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 183, 394, 395.

[9] Lieut.-General Sir James Outram's Persian Campaign in 1857; comprising general Orders and Despatches relating to the military Operations in Persia, from the Landing at Bushire to the Treaty of Peace, also, Selections from his Correspondence as Commander-in-Chief and plenipotentiary during the War in Persia. London, 1860. P. 6. Персидские источники в целом дают практически те же цифры, что и английские. См.: *Мохаммад-Таки Лесан аль-Мольк Сепехр.* Насех ат-таварих. Тарих-е каджарийе. Джелд-е севвом / Подг. к публ. Дж. Кийанфар. Тегеран: Асатир, 1377/1998. С. 1376, 1377; *Хаджж Мирза Хасан Хосейни Фесаи.* Фарс-наме-йе Насери. Джелд 1 / Критич. текст и примеч. *Мансур Растегар Фесаи.* Тегеран: Амир-е Кабир, 1378/1999. С. 808, 809; *Реза-Коли-хан Хедайат.* Тарих-е Раузат ас-сафа-йе Насери. Джелд 10. Дар солтанат-е Мохаммад-шах ва Насер ад-Дин-шах Каджар / Подг. текста и примеч. Дж. Кийанфар. Тегеран: Асатир, 1380/2001. С. 8864, 8865; *Мохаммад-Джафар Хурмуджи.* Тарих-е каджар. Хакаик аль-ахбар-е Насери / Подг. к публ. Х. Хадивджам. Тегеран: Зоввар, 1344/1965. С. 197, 198.

[10] Lieut.-General Sir James Outram's Persian Campaign... P. 6. Те же цифры приводит и Хедайат. От такого большого количества кораблей, по словам Фесаи и Хедайата, создавалось впечатление, что на море был воздвигнут город. См.: *Хаджж Мирза Хасан Хосейни Фесаи.* Указ. соч. С. 809; *Реза-Коли-хан Хедайат.* Указ соч. С. 8865.

[11] О городе Бендер-Аббас см.: *Planhol de X. Bandar-e Abbas I.* The City // www.iranicaonline.org.

[12] О городе Бушир см.: *Planhol de X. Bushehr I.* The City // www.iranicaonline.org.

[13] Мирза Хасан-Али-хан ибн Хаджжи Мирза Али-Акбар Кавам аль-Мольк Ширази Дарйабиги был назначен на эту должность в 1849—1850 гг. губернатором провинции Фарс Амир-заде Носрат ад-Доуле вместо проявившего непокорность шейха Наср-хана Бушехри, дядя и заместитель которого шейх Хосейн-хан в своё время не пустил Хасан-Али-хана в город, и тому пришлось ждать подхода войска из Шираза. Хосейн-хан пошёл на переговоры, в результате которых он перебрался на остров Харк (около 60 км к юго-западу от Бушира), а Хасан-хан обещал ходатайствовать за него перед Носрат ад-Доуле. См.: *Мохаммад-Джафар Хурмуджи.* Указ. соч. С. 87.

[14] Ф. Джонс 1 апреля 1856 г. был назначен временным руководителем политического агентства в Турецкой Аравии, 2 мая того же года занял должность резидента в Бушире. В 1862 г. был замещён полковником Л. Пелли по настоянию бомбейского губернатора Г.Б. Фрере. См.: *Landen R.G.* Oman since 1856. Disruptive Modernization in a Traditional Arab Society. Princeton — New Jersey: Princeton University Press, 1967. P. 181; *Low Ch.R.* History of the Indian Navy. Vol. II. Delhi: Manas Publications, 1985 (repr. from 1877). P. 338.

[15] Тем не менее Джонс получил статус политического агента при экспедиционном корпусе и был прикомандирован к штабу, поскольку, по мнению колониального правительства Британской Индии, его опыт мог в значительной степени способствовать успеху военной кампании. См.: *Saldanha J.A.* Precis of the Affaires of the Persian Coast and Islands. 1854—1905. S.l, S.a. P. 51.

[16] См.: *Low Ch.R.* Op. cit. P. 341, 342, ср.: Lieut.-General Sir James Outram's Persian Campaign... P. 17.

[17] Тахмасп-мирза Моайад ад-Доуле (ум. 1880) был вторым сыном Мохаммад-Али-мирзы Даулатшаха, старшего сына Фатх-Али-шаха Каджара (правил в 1797—1834), и зятем своего дяди, известного военачальника в годы русско-иранских войн Аббас-мирзы Наиба ас-Салтане (ум. 1833). С началом правления Мохаммад-шаха Каджара стал занимать губернаторские должности. Губернатором Фарса назначался дважды. Англо-иранская война разразилась во второй половине его первого губернаторского срока (1853—1859 гг.). Особую известность приобрёл своими высокомерием и заносчивостью. См.: *Бамдад М.* Шарх-е хал-е реджал-е Иран дар карн-е 12 ва 13 ва 14-е хеджри. Т. 2. Тегеран, 1347/1968. С. 195—200; *Реза-Коли-хан Хедайат.* Указ соч. С. 8765.

[18] Источники не уточняют, был ли этот полк регулярным или иррегулярным.

[19] Артиллерия в состав пехотных полков не входила.

[20] Дашти — приморский район примерно в 42 км к юго-востоку от Бушира. Главный город — Хурмудж (в 82 км от Бушира). На севере граничит с районом Тангестан.

[21] Мехр-Али-хан Шоджа аль-Мольк (1817—1870) был племянником тогдашнего «премьер-министра» (садр-азам) Ирана Мирзы Ака-хана Нури, сыграв-

шего одну из ведущих ролей в событиях, предшествовавших Англо-иранской войне и произошедших во время неё. В 1855 г. Мехр-Али-хан получил чин мирпанджа и пост командующего «военным округом» провинции Фарс. Во время войны не сумел проявить себя как военачальник, однако избежал наказания благодаря поддержке дяди. После отставки Нури в 1859 г. в числе прочих его родственников Мехр-Али-хан оказался в опале: его лишили титула «Шоджа аль-Мольк» и подвергли тюремному заключению, от которого он был вынужден откупиться. После освобождения совершенно отошёл от дел и до конца своих дней жил в Тегеране. См.: *Бамдад М.* Указ. соч. Т. 4. С. 187, 188; *Мохаммад-Джафар Хурмуджи.* Указ. соч. С. 160.

[22] Сад Джахан-нома расположен примерно в 1 км к востоку от Шираза. Был разбит в 1766 г. Карим-ханом Зандом (правил в 1750—1779 гг.). Разделён на 4 аллеи, усаженные кипарисами.

[23] Казерун — город в провинции Фарс на расстоянии примерно 112 км к западу от Шираза и 152 км к северо-востоку от Бушира.

[24] Фирузабад — город в 116 км к югу от Шираза и 168 км к востоку от Бушира.

[25] *Мохаммад-Таки Лесан аль-Мольк Сепехр.* Указ. соч. С. 1377—1379; *Хаджж Мирза Хасан Хосейни Фесаи.* Указ. соч. С. 809, 810; *Реза-Коли-хан Хедайат.* Указ. соч. С. 8865—8867; *Мохаммад-Джафар Хурмуджи.* Указ. соч. С. 197—199.

[26] В английских источниках этот топоним обычно транскрибируется как «Решир» или «Рашир». Райшахр (другой вариант произношения — Ришахр) считается изначальным местом расположения города Бушир, в описываемый период находился примерно в 6 км от него.

[27] В настоящее время от крепости Бахмани остался лишь холмик, окружённый рвом. См.: *Аташи М.* Делиран-е тангестани // Йаран 52 (1388/2010). С. 18.

[28] Английские источники содержат информацию о «мощном укреплении с толстыми стенами, пересохшим рвом глубиной 12 м и редутом, нависающим над поверхностью моря». См.: *Low Ch.R.* Op. cit. P. 342.

[29] Тангестан — один из приморских районов тогдашней провинции Фарс, располагавшийся к юго-востоку от Бушира. Главный город — Ахрам (примерно в 40 км к юго-востоку от Бушира).

[30] Далеки — центр одноимённого района на севере области Бораджан округа Бушир. Примерно в 20 км от г. Бораджан (около 60 км к северо-востоку от Бушира). Отличается крайне жарким и нездоровым климатом.

[31] *Мохаммад-Таки Лесан аль-Мольк Сепехр.* Указ. соч. С. 1379, 1380; *Хаджж Мирза Хасан Хосейни Фесаи.* Указ. соч. С. 810; *Реза-Коли-хан Хедайат.* Указ. соч. С. 8867, 8868; *Мохаммад-Джафар Хурмуджи.* Указ. соч. С. 199, 200.

[32] По некоторым источникам — 3 декабря. См.: *Low Ch.R.* Op. cit. P. 342.

[33] Бухта находится между населённым пунктом Баши и мысом Халиле, расположенным на юго-западной оконечности Буширского полуострова. Была указана командующим английским флотом в Персидском заливе коммодором Этерси как наиболее удобная для высадки войск. Дело в том, что на всём протяжении до Бушира береговая линия представляет собой невысокий клиф (крутой склон), делавший невозможной выгрузку артиллерии. А в бухте Халиле широкий берег и плавный подъём позволяли выгрузить её. 6 декабря эскадра подошла к бухте, её корабли расположились в порядке, необходимом для высадки. См.: *Low Ch.R.* Op. cit. P. 342; Lieut.-General Sir James Outram's Persian Campaign... P. 17.

[34] Согласно отчёту Сталкера «три дня и две ночи». Ф. Джонс писал, что для подготовки выступления войск на север хватило 48 часов. Иранские источники содержат ту же информацию. См.: Lieut.-General Sir James Outram's Persian Campaign... P. 11—13, 17; *Реза-Коли-хан Хедайат.* Указ. соч. С. 8868.

[35] По утверждению Сталкера, в роще были 300—400 человек. См.: Lieut.-General Sir James Outram's Persian Campaign... P. 12.

[36] Ibid. P. 13.

[37] The Persian War of 1856—57. P. 347.

[38] Lieut.-General Sir James Outram's Persian Campaign... P. 17; The Persian War of 1856—57. P. 347.

[39] Примерно в 1 км от бухты.

[40] The Persian War of 1856—57. P. 347; *English B.* Op. cit. P. 86, 87; *Low Ch. R.* Op. cit. P. 342; Lieut.-General Sir James Outram's Persian Campaign... P. 13, 14, 16, 17.

[41] В трудах Хедайата и Хурмуджи сказано о высадке 8 пехотных полков и 1000 всадников. Хурмуджи также писал, что 2 батальона остались в Халиле, 6 отправились к Райшахру. См.: *Мохаммад-Таки Лесан аль-Мольк Сепехр.* Указ. соч. С. 1380, 1381; *Хаджж Мирза Хасан Хосейни Фесаи.* Указ. соч. С. 810, 811; *Реза-Коли-хан Хедайат.* Указ. соч. С. 8868, 8869; *Мохаммад-Джафар Хурмуджи.* Указ. соч. С. 200, 201.

[42] Сталкер писал, что ввиду отсутствия тяглового скота войска были высажены без палаток и какого-либо имущества, только с трёхдневным запасом продовольствия. На вопрос о том, где были упомянутые в источниках 430 волов, ответа нет. См.: Lieut.-General Sir James Outram's Persian Campaign... P. 12.

[43] В мирное время в обязанности шейха Хосейн Араб Дамух Чахкутахи входила охрана дороги Бушир — Шираз на участке Чегадак — Бораджан. См.: *Аташи М.* Указ. соч. С. 19.

[44] Точное количество защитников крепости Бахмани в иранских источниках не приведено. Их было минимум 400 при двух пушках. Это воины, которых привёл с собой вызванный Дарйабиги Бакер-хан Тангестани (см. выше). Сколько воинов было под командованием Хосейна Араба Дамуха Чахкутахи, неизвестно.

[45] По словам лейтенанта Брауна, их начали обстреливать, идти было трудно, а линию держать почти невозможно. Другой офицер писал, что враг открыл огонь и сразу уложил троих, засвистели пули. Он был под огнём впервые, вооружён только саблей. Ощущал себя мишенью и спасся чудом. Придя в себя, начал думать, чем может помочь своим. Увидел ползшего раненого, подъехал к нему и спросил, куда он ранен. Тот ответил, что в лодыжку. Тогда офицер спешился, положил раненого на лошадь и доставил к врачу, у которого было очень много работы. См.: *English B.* Op. cit. P. 87.

[46] В Вуда угодили 7 пуль, но он выжил и получил за этот бой крест Виктории. См.: *English B.* Op. cit. P. 88.

[47] Судя по всему, именно Ахмад-хана имел в виду в своём отчёте Лик («the son of Baucher Khan» — «сын Бакер-хана»), относя его гибель к перестрелке с противником из пальмовой рощи во время высадки англичан. См.: Lieut.-General Sir James Outram's Persian Campaign... P. 13.

[48] *Мохаммад-Джафар Хурмуджи.* Указ. соч. С. 201.

[49] Хиндустани — народно-разговорный язык межнационального общения в Индии.

[50] Военный историк майор М. Андерсон описал данный эпизод следующим образом. Малет увидел, что враг бежит в противоположном от Бушира направлении, будучи защищённым от огня пехоты крутым берегом. С небольшим отрядом он бросился в погоню. В углу крепости находились несколько мощных утёсов, выступавших в море. Там был небольшой клиновидный проход, в котором вода доходила лошадям до подпруг, настолько узкий, что через него можно было пройти только поодиночке. Малет пробился через проход и поскакал вперёд, значительно оторвавшись от капитана Грэйвза с остальным отрядом. Нагнав беглецов, начал кричать, чтобы они сдавались. Многие сложили оружие, однако Малет был убит. Пуля угодила ему в сонную артерию. Там же погибли ещё двое солдат, были ранены субедар Хосейн-хан, трое военнослужащих британского экспедиционного корпуса и три лошади. См.: *Anderson M.H., Anderson S.J.* The Poona Horse (17th Queen Victoria's Own Cavalry). London: The Royal United Service Institution, 1933. P. 40, 41.

[51] См.: Lieut.-General Sir James Outram's Persian Campaign... P. 15.

[52] В классических трудах П. Сайкса и Р. Уотсона, соответственно, «четыре офицера» и «4 английских офицера и небольшое число офицеров запаса и рядовых». См.: *Sykes P.* A History of Persia. Second edition. Vol. II. London: Macmillan and Co., 1921. P. 350; *Watson R.G.* A History of Persia from the beginning of the nineteenth century to the year 1858 with a review of the principal events that led to the establishment of the Kajar Dynasty. London: Smith, Elder and Co., 1866. P. 435, 436.

[53] *Мохаммад-Таки Лесан аль-Мольк Сепехр.* Указ. соч. С. 1380, 1381; *Хаджж Мирза Хасан Хосейни Фесаи.* Указ. соч. С. 810, 811; *Реза-Коли-хан Хедайат.* Указ. соч. С. 8868, 8869; *Мохаммад-Джафар Хурмуджи.* Указ. соч. С., 200, 201; *Anderson M.H.* Op. cit. P. 40, 41; The Persian War of 1856—57. P. 348, 349; *Low Ch. R.* Op. cit. P. 342, 343; Lieut.-General Sir James Outram's Persian Campaign... P. 12—15, 17, 18. ■

Иллюстрация с сайта: https://warspot.ru.

А.В. КОРНИС,
В.Ф. КОРНИС,
А.А. ЗУБАРЕВ

A.V. KORNIS,
V.F. KORNIS,
A.A. ZUBAREV

МИННЫЕ ЗАГРАЖДЕНИЯ У ДИКСОНА

MINE OBSTACLES BY DIKSON ISLAND

Сведения об авторах. *Корнис Алексей Викторович — начальник отдела Гидрографической службы Северного флота, капитан 1 ранга (г. Мурманск. E-mail: kornis@yandex.ru);*

Корнис Виктор Францевич — инженер Гидрографической службы Балтийского флота, капитан 2 ранга в отставке (г. Калининград. E-mail: vfkornis@mail.ru);

Зубарев Александр Александрович — старший офицер Гидрографической службы Северного флота, капитан 2 ранга (г. Мурманск. E-mail: zubarev-78@mail.ru).

Аннотация. *В статье освещаются малоизвестные обстоятельства и факты, связанные с немецкими минными постановками с подводных лодок возле порта Диксон в 1943 году.*

Ключевые слова: *«Зеешланге»; «Зеемёве»; U-601; U-960; район № 65; послевоенное разминирование; порт Диксон; мины ТМВ.*

Information about authors. *Aleksei Kornis — Head of Section of the Northern Fleet Hydrographic Service, Captain 1st Rank (city of Murmansk. E-mail: kornis@yandex.ru);*

Viktor Kornis — Engineer of the Baltic Fleet Hydrographic Service, Captain 2nd Rank (ret.) (city of Kaliningrad. E-mail: vfkornis@mail.ru);

Aleksandr Zubarev — Senior Officer of the Northern Fleet Hydrographic Service, Captain 2nd Rank (city of Murmansk. E-mail: zubarev-78@mail.ru).

Summary. *The paper covers little-known circumstances and facts related to German mine setting from submarines in the vicinity of the port of Dikson in 1943.*

Keywords: *«Seeschalnge»; «Seemöwe»; U-601; U-960; area 65; postwar demining; port of Dikson; TMB mines.*

На основе ранее полученных разведывательных данных немецкий флот во второй половине июля 1943 года приступил к планомерной постановке минных заграждений на наших арктических коммуникациях. Для этой цели, как и в 1942 году, немцы использовали подводные заградители, выставившие 16 минных заграждений, из них восемь в Баренцевом море, три на подходах или в проливе Югорский Шар и остальные пять в Карском море.

В перечень мест, где производились минные постановки, совершенно резонно вошёл и порт Диксон — одна из узловых точек советских морских маршрутов, важность которой противнику была известна из предвоенной информации. К 1936 году здесь построили первые причалы морского порта, который быстро превратился в стратегический объект, обеспечивавший деятельность полярных станций, а также всё судоходство и отправку арктических экспедиций на местном участке трассы Севморпути. Во время войны суда, входившие в состав арктических конвоев[1], пополняли на Диксоне запасы топлива и оттуда же уходили в Енисейский залив для приёмки пресной воды в устье р. Гальчиха. От порта на восток шли пути, по которым арктические конвои направлялись в восточный сектор советской Арктики, и на юг от Диксона, в Енисейский залив, — туда на транспортах вывозился лес из Игарки. Успех минной блокады Диксона мог существенно затруднить советскому флоту использование Северного морского пути для внутренних морских перевозок.

Постановку минных заграждений возле порта в сентябре 1943 года немецкое командование приказало провести командирам подводных лодок U-601 (капитан-лейтенант Петер-Отмар Грау) и U-960 (старший лейтенант Гюнтер Хайнрих). При этом для обоих такое задание в том году было не новым: первый с достаточной долей риска и даже некоторой наглостью выставил 21 июля в губе Белушья минное заграждение «Астер» («Астра»)[2], а второй, скрупулёзно сообразуясь с приказом, — 27 августа в районе пролива Маточкин Шар минное заграждение «Зеефогель» («Морская птица»).

Приказ на выполнение операций[3] был отдан 13 сентября.

Ниже с соблюдением структуры приказа приводятся основные его положения, имеющие значение для текста настоящей статьи.

I. Задача:

Минирование северного подхода («Зеешланге») и

южного подхода («Зеемёве») к порту Диксон минами ТМВ...

II. Положение противника:

1) Общее: Диксон имеет особое значение как самый удобный порт в устье Енисея с возможностью зимовки кораблей и судов речного и каботажного плавания и как порт на сибирском морском пути. Он имеет крупную полярную радиостанцию и, по сведениям разведки, защищён шестью артиллерийскими батареями. [В районе порта] после обстрела в 1942 году «Адмиралом Шеером» (крейсер-рейдер. — **Прим. авт.**) предполагается усиление бдительности.

С середины июля идёт движение через пролив Югорский Шар и, возможно, через Карские Ворота. В районе Диксона в середине июля встречались большие ледоколы «Седов», «Каганович», «Микоян» и «Ленин». 21 августа U-354 у острова Вардропер обнаружила пять пароходов[4] и преследовала их до острова Русский. Разведывательная группа на подводной лодке установила наличие движения по реке [Енисею] и в восточном направлении (речь идёт о восточном направлении Северного морского пути. — **Прим. авт.**). 27 августа U-354[5] потопила одно из двух судов, шедших на восток с небольшим сопровождением в квадрате AS 2722; U-302 28 августа[6] — один из трёх пароходов в квадрате XA 7542, остальные продолжили движение в сопровождении трёх сторожевых кораблей. 31 августа приблизительно в 800 милях к востоку от пролива Вилькицкого обнаружены боевые корабли. Движение с востока ожидается только к началу сентября.

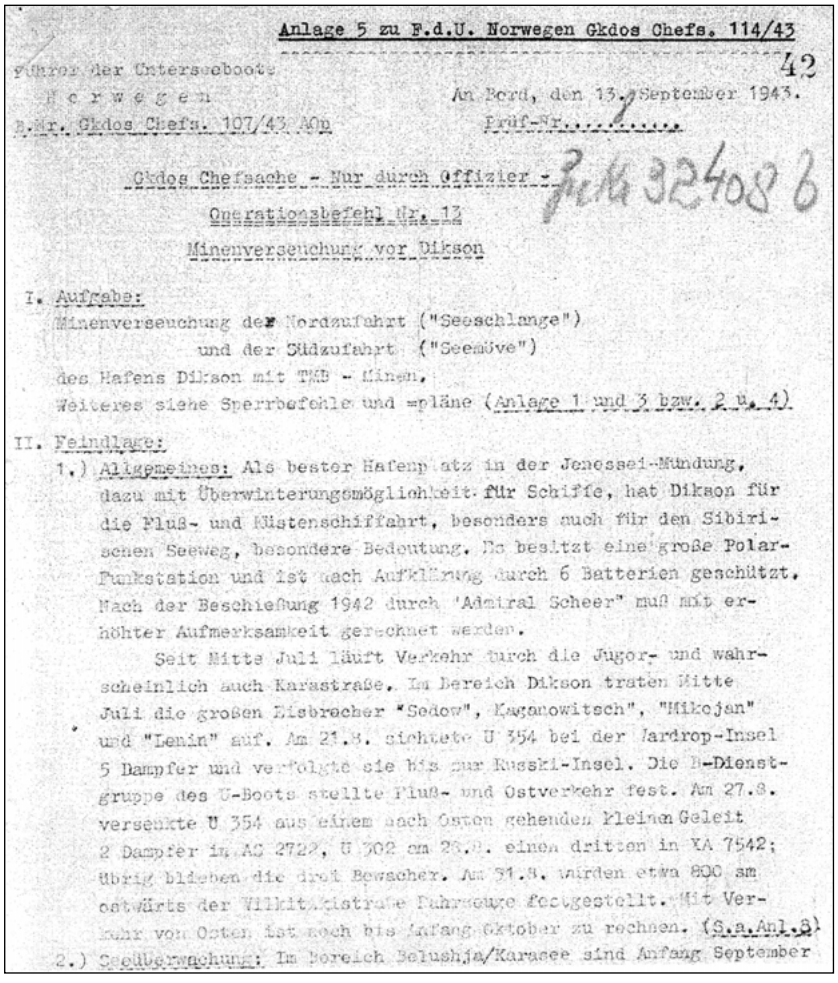
2) Морская обстановка: В районе Белушьей/Карском море в начале сентября наблюдались лидер «Баку» и с ним ещё два эсминца, 10 тральщиков и пять сторожевых кораблей. 27 июля и 7 августа с Диксона передавались сообщения об одной [обнаруженной] неприятельской подводной лодке. С 8 сентября губа Белушья [Баренцево море] ретранслирует радиограммы для русских подводных лодок в северной части Баренцева моря и в Карском море. С 25 августа[7] операции по поиску мин в губе Белушья усилились, возможно, из-за воздействия немецких мин, выставленных нашей подводной лодкой.

У северного и восточного побережья Новой Земли надо принимать в расчёт небольшие траулеры. Рыболовные суда могут применяться также как тральщики. 27 августа в AT 6456 U-711 был замечен сторожевой катер, идущий к проливу Югорский Шар[8].

8 сентября в губу Белушья прибыли дополнительные силы, которые усилили морское и воздушное наблюдение. Радиостанция «Одиночество» (как предположение — радиостанция на острове Уединения. — **Прим. авт.**)[9] должна 9 сентября представить более подробные сведения по поводу перехваченных радиопереговоров. У мыса Желания 12 сентября замечен неприятельский корабль[10]. Диксон получает из Москвы срочные радиограммы для передачи в 20 адресов, среди них Амдерма и, предположительно, корабли. Один тральщик следует 7 сентября от мыса Желания к югу вдоль западного побережья.

3) Воздушная обстановка: Особое внимание надо обратить на базирующиеся на наземном аэродроме и

Приказ на минные постановки «Зеешланге» и «Зеемёве» (первая страница)

Anlage 5 zu F.d.U. Norwegen Gkdos Chefs. 114/43

Führer der Unterseeboote
N o r w e g e n

42

An Bord, den 13. September 1943.

B.Nr. Gkdos Chefs. 107/43 AOp

Prüf-Nr.....

Gkdos Chefsache - Nur durch Offizier -

PzK 32408 6

Operationsbefehl Nr. 12

Minenverseuchung vor Dikson

I. Auftrag:
Minenverseuchung der Nordzufahrt ("Seeschlange")
und der Südzufahrt ("Seemöve")
des Hafens Dikson mit TMB - Minen.
Weiteres siehe Sperrbefehle und -pläne (Anlage 1 und 3 bzw. 2 u. 4).

II. Feindlage:
1.) Allgemeines: Als bester Hafenplatz in der Jenessei-Mündung, dazu mit Überwinterungsmöglichkeit für Schiffe, hat Dikson für die Fluß- und Küstenschiffahrt, besonders auch für den Sibirischen Seeweg, besondere Bedeutung. Es besitzt eine große Polar-Funkstation und ist nach Aufklärung durch 6 Batterien geschützt. Nach der Beschießung 1942 durch 'Admiral Scheer' muß mit erhöhter Aufmerksamkeit gerechnet werden.

Seit Mitte Juli läuft Verkehr durch die Jugor- und wahrscheinlich auch Karastraße. Im Bereich Dikson traten Mitte Juli die großen Eisbrecher "Sedow", Kaganowitsch", "Mikojan" und "Lenin" auf. Am 21.8. sichtete U 354 bei der Vardrop-Insel 5 Dampfer und verfolgte sie bis zur Russki-Insel. Die U-Dienstgruppe des U-Boots stellte Fluß- und Ostverkehr fest. Am 27.8. versenkte U 354 aus einem nach Osten gehenden kleinen Geleit 2 Dampfer in AS 2722, U 302 am 28.8. einen dritten in XA 7542; übrig blieben die drei Bewacher. Am 31.8. wurden etwa 800 sm ostwärts der Wilkitzkistraße Fahrzeuge festgestellt. Mit Verkehr von Osten ist noch bis Anfang Oktober zu rechnen. (S.a. Anl.3)

2.) Seeüberwachung: Im Bereich Belushja/Karasee sind Anfang September

гидроаэродроме Белушья эскадрилью МБР-2, несколько МБР-4 (самолёты МБР-4 на севере не применялись. — **Прим. авт.**) и одномоторных бипланов. В устье Кары (АТ 8990) находится авиационная база для перелетающих на Диксон гидросамолётов. 11 августа пять МБР-2 перебазировались с Амдермы на Диксон, вероятно для наблюдения за восточной частью Сибирского морского пути после появления там немецких подводных лодок. Воздушное наблюдение за немецкими подводными лодками ведётся вдоль побережья Новой Земли и далее вплоть до пролива Вилькицкого. Кроме МБР-2, возможна встреча и с «Каталинами».

4) Минная обстановка: О русских минных заграждениях до сих пор ничего неизвестно. Летом 1942 года U-252 (Тимм) предположительно обнаружила мины в квадрате АТ 6249 (предположение неверное. — **Прим. авт.**). Не исключено, что будет проведено минирование пролива Карские Ворота. Нужно считаться с возможными фланговыми минными заграждениями для защиты морских путей. В Печорском море находятся районы наших минных заграждений. Пролив Югорский Шар заминирован у западного и восточного входов южнее широты 69°50', пролив Маточкин Шар — восточнее долготы 53°50'. Во внутренней части Обской губы[11] и устья Енисея также поставлены наши заграждения южнее 72°30', у Амдермы — южнее 69°53' и западнее 61°45'.

5) Опорные пункты (базы): ...Особое внимание надо обратить на воздушную и наземную базы в Амдерме, а также на посты наблюдения на острове Белый, мысе Лескина и Диксоне. U-354 по наблюдениям за радиообменом сделала вывод, что передатчик, передающий короткие сообщения о погоде с Диксона, может использоваться для определения места. На U-354 находятся разведывательная группа «Kentmann»[12] и метеоролог доктор Райхельт.

6) Ледовая, метеообстановка и гидрологические условия: ...Ледовая обстановка в этом году выглядит весьма благоприятно. 21 августа пролив Вилькицкого был уже проходим, иногда встречались препятствия в виде дрейфующих льдин. 24 августа их отогнало снова на юг, и лёд достиг острова Русский... U-302 2 сентября нашла к югу от пролива только дрейфующие льдины, а 4 сентября сообщила о больших ледовых полях лишь севернее широты 76°. Воздушная разведка Bv-138 не наблюдала никакого льда вплоть до квадрата ХА 7266 (от острова Русский в Карском море. — **Прим. авт.**).

Во второй половине августа больше половины времени у Диксона наблюдался туман. 6 и 11 сентября туман воздушной разведкой наблюдался и восточнее.

III. Наши силы:

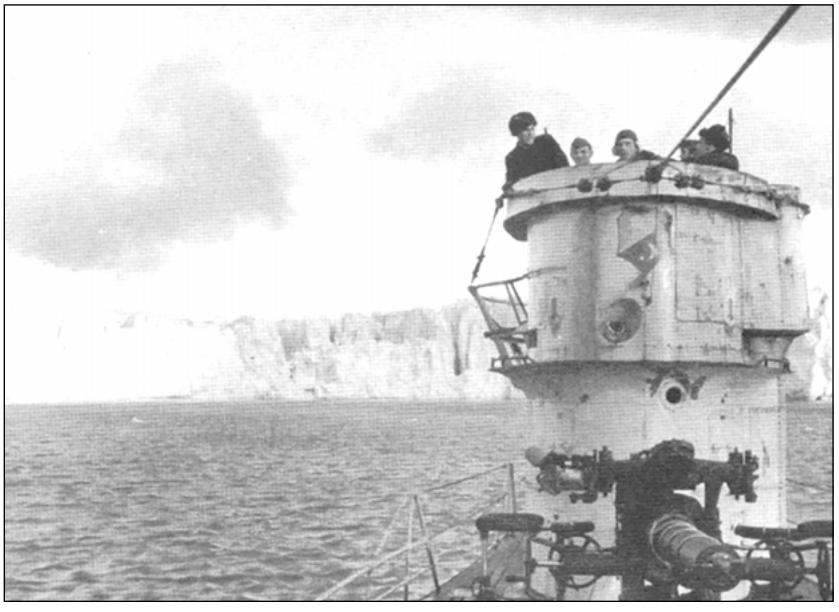
1) Подводные лодки: U-255 (Хармс) и U-703 (Брюннер) как заправщики для обеспечения полётов Bv-138 в Карском море в районах: 1: Мыс Спорый Наволок (АТ 3278); 2: Мыс Константин (АТ 3257) или 3: Мыс Пинегина (АТ 3148).

Группа «Викинг»: U-302 (Зикель) в ХА 59; U-354 (Хербшлеб) в ХА 58; U-711 (Ланге) в ХА 73/81.

Это боевые лодки на Западно-сибирском морском пути. Все три лодки оборудованы устройствами для заправки Bv-138. В Баренцевом море у острова Медвежий на пути следования [U-601] находится группа «Монсун»: U-277 (Любсен), U-307 (Херрле), U-360 (Беккер), U-715 (Гозеякоб), U-737 (Бразак).

2) Надводные силы: По условным сигналам «Гусар», «Южный ветер» или «Волынка» последует выход крейсера «Лютцов» в Западно-Сибирское море. Во время его пребывания в операционном районе запрет на атаку боевых кораблей от крейсера и выше, если только он не определён совершенно точно как вражеский... Командир «Лютцова» может с момента прибытия на позицию ожидания отдавать приказ непосредственно боевым лодкам в Карском море. При необходимости он может также использовать подводные лодки — постановщики мин после выполнения ими поставленных задач или даже после аварийного сброса мин. Подводные лодки-заправщики могут быть исполь-

Подводная лодка U-601 в Арктике

зованы как боевые только по приказу Командующего подводными силами. О других кораблях будут оповещения по радио.

3) Воздушные силы: ...

IV. Выполнение операции:

1) Выход из Нарвика в Тромсё по приказу Командующего подводными силами...

2) Приём мин в управлении минных заграждений в Тромсё...

3) Выход на операцию по условному сигналу «Зеешланге» или «Зеемёве» с датой (например, «Зеемёве 15.9» — означает «Выход 15 сентября, как можно скорее»)...

4) Переход с сопровождением по фарватеру «Чёрный» до точки SR 1. Оттуда через северную оконечность Новой Земли в район операции. На переходе соблюдать скрытность. Никаких боевых столкновений вблизи района операции до выполнения задачи.

5) Для эффективной постановки заграждения на путях движения кораблей и для выявления сил необходимо прежде всего незаметно понаблюдать за районом операции.

6) О выполнении задачи сообщить коротким сигналом с цифровым дополнением, соответствующим пункту выданного приказа на постановку, однако не раньше пересечения 75° сев.

7) Возвращение в Андфьорд — огибая северную оконечность Новой Земли...

8) По возможности в надводном положении с соблюдением скрытности произвести съёмку побережья телеобъективом.

9) Обращается особое внимание на соблюдение режима секретности при выполнении операции.

V. Оснащение: Для действий в мелководном районе. Подготовить лодку к взрыву и безусловному уничтожению секретных материалов, когда лодка будет находиться на мелком месте. Экипажу позволить надеть спасательные жилеты...

Тральщик типа MMS, однотипный Т-110

VI. Организация связи:

Радиомолчание до проведения операции, затем связь согласно установленным правилам с Командующим подводными силами в Норвегии.

VII. Приложения: ...(кроме приказов на минные постановки приводились справочные данные по радиостанциям, наблюдательным постам и артиллерийским батареям в Баренцевом и Карском морях, советской авиации в восточной части Баренцева и Карском морях, давалась ледовая, метео- и гидрологическая обстановка, обобщался боевой опыт операций в Карском море в 1942 г. — **Прим. авт.**).

VIII. Печатные издания... (приведена в том числе советская карта адмиралтейский номер 1282. — **Прим. авт.**).

IX. Приказ на операцию после возвращения с задания подлежит немедленному уничтожению. Об уничтожении доложить Командующему подводными силами...

В соответствии с приложениями к приказу для каждой подводной лодки назначались по два района минной постановки (основной и резервный, обозначались, например, как «Зеемёве 1» и «Зеемёве 2»).

При этом командирам было предложено выдерживать рекомендованный штабом план, что, впрочем, не означало, что он был обязателен к неукоснительному исполнению. Подчёркивалось, что весь заданный район должен быть покрыт минами беспорядочно и с соблюдением безопасного расстояния, в т.ч. при постановке мин из подводного положения в случае, если неприятельский дозор или наблюдение с берега не позволят выполнить постановку с надводного положения.

Мины для U-601 было рекомендовано ставить переменными курсами группами по 2—3 штуки с минным интервалом между отдельными группами 200—400 м, а для U-960 — 3—5 штук с интервалом от 150 до 300 м в основном районе и 1—3 штуки отдельными группами 200—400 м в резервном.

Для обеих подводных лодок выделялся одинаковый набор мин: 24 типа TMB, из них 20 с магнитными и четыре с акустическими взрывателями. Мины переводились в боевое положение спустя 3—6 суток после постановки, при этом их приборы кратности были настроены нерегулярно, могли срабатывать после прохождения над ними кораблей (судов) от 1 до 12 раз. В безопасное состояние они переходили через 80 дней (отключались взрыватели).

Оба минных заграждения были выставлены 23 сентября 1943 года (сведения из кратких отчётов командиров лодок) скрытно и в соответствии с утверждённым штабом наиболее «перспективным» планом (по вариантам № 1). При этом U-601 выполняла боевую задачу в надводном положении, а U-960 — в подводном.

Таблица

Выписка из вахтенного журнала U-601

Дата и время	Сведения о месте, ветре, волнении моря, освещённости, дальности видимости, освещённости луной и т.д.	Происшествия, события
23 сентября 1943 г. 15.33	Карское море Туман рассеивается. Можно видеть маяк на острове Верна. Пеленгование. Приближается полоса тумана. Несмотря на это, движемся вперёд.	
…		
16.45		Радиограмма 1602/1513/744 Группе Грау. Кентманн сообщает, что русские корабли могут выходить из Енисея только в конвое. Наряду с нашими возможны русские минные заграждения. Перед выполнением задачи требуется пронаблюдать. Быть готовым к аварийной ситуации. Командующий подводными силами.
	Вышли на фарватер	
17.33		Поставили первую мину
19.23		Поставили последнюю мину
	Точность постановки первых 15 мин составляет 300 м. Последняя группа выставлена с точностью 2000 м. Обе — в направлении восток — запад. В направлении север — юг точность не превышает 200 м. В дистанции 50 м от юго-восточной оконечности острова Верна изменили курс. Начали движение на выход. Место постановки первых мин контролировалось промером и на слух (акустической пеленгацией) относительно буя на банке Эклипс. Сама минная постановка прошла беспрепятственно. Когда мы подходили к фарватеру, слышали туманные сигналы парохода. К тому времени, когда мы были готовы к постановке мин, больше ничего не было слышно. Как обычно, при постановке 24-й мины испытывали большие трудности (50 минут). Предлагается принимать пять торпед вместо четырёх и отказаться от трёх мин. Это имеет психологический аспект. Ни один командир подводной лодки, ни один экипаж не выйдет в море с охотой, не имея торпед в торпедных аппаратах. Это смогло бы устранить и трудности с перезарядкой торпед. Теперь по этому фарватеру могут идти «Куин Мэри» или «Иосиф Сталин»!	
…		

Некоторое представление о проведённых действиях можно составить по выписке из вахтенного журнала U-601[13].

К сожалению, до настоящего времени аналогичная выписка из вахтенного журнала U-960, сколько-нибудь дающая представления о постановке «Зеешланге», не обнаружена.

В соответствии с другими отчётными документами U-601 (ведомостью постановки[14] и кратким отчётом об операции[15]) следует дополнительно отметить следующее.

Грау, как и во время предыдущей минной постановки в губе Белушья, испытал определённые трудности при сбросе последней мины (задержка составила около 50 минут), что привело к снижению точности минного заграждения, в результате — до пяти мин могли оказаться в районе «Зеемёве 2», который располагался с перекрытием и несколько западнее района «Зеемёве 1».

Последствия скрытых минных постановок для советского флота могли быть чрезвычайно печальными. Достаточно сказать, что в период с 23 по 30 сентября в порт Диксон (из порта) вошли (вышли)[16]:

12.40 26 сентября из Архангельска конвой «БА-24» (Белое море — Арктика. — **Прим. авт.**) в составе транспортов «Лахта» (дедвейт 1917 т), «Сура» (дедвейт 2400 т), сторожевого корабля № 80 и тральщиков № 54 и 55 (дедвейт — масса всех переменных грузов на судне, которые не относятся к водоизмещению в порожнем. — **Прим. авт.**).

06.24 27 сентября из порта тральщик № 55.

10.00 27 сентября из Хабарово тральщик № 42.

11.25 27 сентября из Дудинки тральщики № 40 и «Т-110».

02.25 28 сентября из порта тральщики № 40, 42, 54, 55.

06.19 29 сентября снявшийся с мели тральщик № 61.

16.50 30 сентября (очевидно, что южным фарватером, который по случайности или исходя из верных логических рассуждений оказался вне пределов минных постановок не только U-601, но и U-636, ранее выставившей мины в районе Крестовских островов на Енисее) вышел конвой «ВА-27» (Восток — Арк-

тика. — **Прим. авт.**) из Диксона в Ошмарино в составе транспортов «Лахта», «Сура», сторожевого корабля № 80 и тральщика № 61[17].

Кроме того, в ближайшее время к порту должен был подойти конвой «ВА-18» в составе транспортов «Андреев» (дедвейт 3635 т), «Моссовет» (дедвейт 4860 т), «Архангельск» (потоплен U-960(!) 30 сентября 1943 г.), «Киров» (потоплен U-703 1 октября 1943 г.), минного заградителя № 90 («Мурман»), тральщиков № 31 и 63.

Присутствие в Карском море немецких подводных лодок «выявлялось» ещё в июне 1943 года, однако эти обнаружения были ложными. Считалось весьма вероятным, что из числа лодок, периодически обнаруживавшихся в районе Диксона, некоторые могли быть подводными заградителями. Особые подозрения в отношении постановки мин с подводных лодок у Диксона возникли в связи с происшедшей 6 сентября в Енисейском заливе гибелью транспорта «Тбилиси» (погиб на мине, выставленной U-636). При первой возможности из пролива Югорский Шар и из Архангельска в район Диксона были посланы два тральщика типа ТАМ, что позволило 10 сентября начать периодическое разведывательное траление на подходах к острову с норда и с веста[18].

В частности, 25 сентября тральщик «Т-108» в 20.00 закончил траление на 10 импульсов (имеются в виду проходы. — **Прим. авт.**) на створах острова Малый Олений (южные подходы к Диксону) и пошёл для траления пролива Прёвен и подходов к нему (северные подходы)[19].

Очевидно, что конструктивные особенности мин (переход в боевое положение спустя 3-6 суток после постановки) по счастливой случайности позволили здесь избежать каких-либо потерь (скорее всего, повторилась такая же история, как и с минным заграждением в Обской губе).

Первым (с 4.05 до 15.37 30 сентября) у северного входа на рейд было обнаружено минное заграждение «Зеешланге» (через семь дней после его постановки). При этом тральщики «Т-108» и «Т-110» вытралили восемь магнитных и три акустические мины, а на следующий день — ещё одну магнитную мину. Впоследствии, при расширении протраленного фарватера, были вытралены ещё две магнитные мины, и, кроме того, три мины самовзорвались в период магнитной бури. В общей сложности к 20 октября 1943 года из 24 поставленных мин на заграждении «Зеешланге» 17 были уничтожены, а сам вход на рейд Диксон был очищен от мин уже ко 2 октября, т.е. через два дня после обнаружения заграждения[20].

Немедленно после очистки от мин северного входа те же тральщики приступили к тралению Скуратовского створа и 3 октября (через 10 дней после постановки) обнаружили минное заграждение «Зеемёве» (первоначально — три акустические мины)[21], поставленное на важнейшем участке у южного входа на рейд Диксон. В течение трёх дней были вытралены 17 мин, из которых 12, судя по месту их взрыва в трале, были магнитными и пять — акустическими. Согласно приказу на постановку минное заграждение «Зеемёве» состояло из 20 магнитных и четырёх акустических мин, поэтому принято считать, что одна из чув-

Схема 1

Схема послевоенных фарватеров в районе порта Диксон

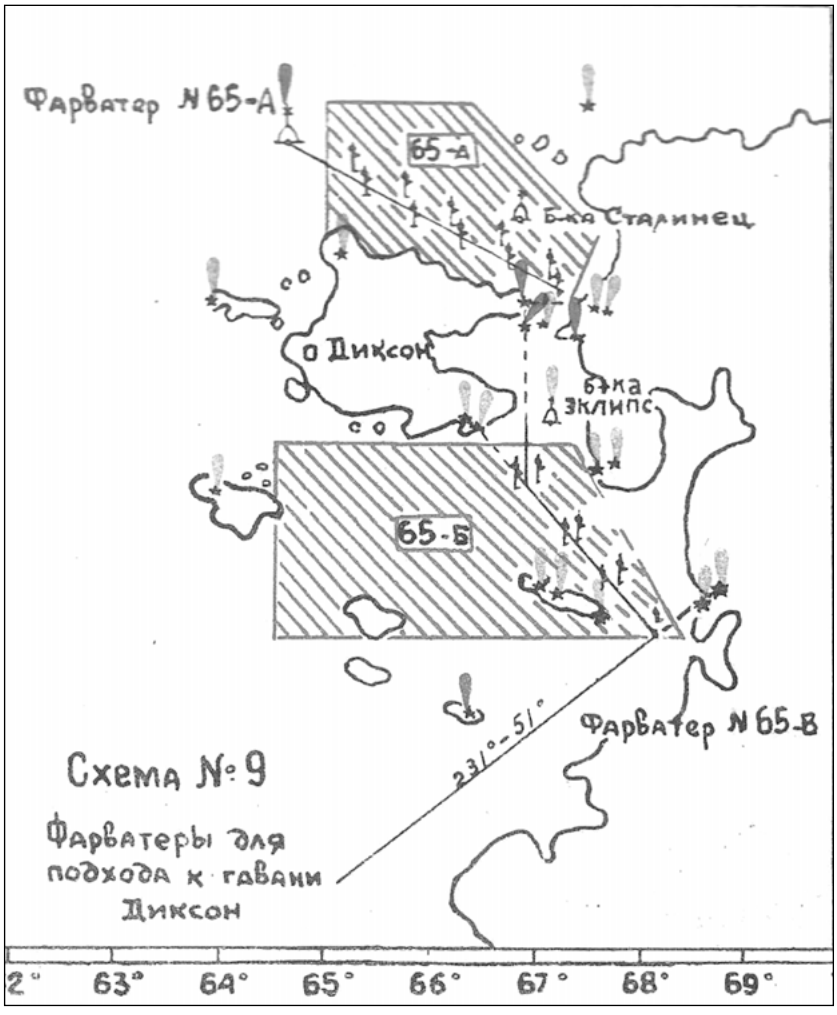

Схема 2

Комбинированная схема «Зеешланге»

ствительных магнитных мин взорвалась далеко от трала и в связи с этим была сочтена акустической[22].

Таким образом, благодаря правильно учтённой минной обстановке, своевременно принятому решению о производстве неконтактного разведывательного траления в районе острова Диксон и, наконец, в итоге отлично выполненной тральщиками задачи оба минных заграждения, скрытно поставленных с немецких подводных заградителей, были в короткий срок обнаружены и в большей их части уничтожены. Из 48 поставленных мин 34 были вытралены и самовзорвались. Остальные 14 мин (по семь на каждую постановку), скорее всего, стояли несколько в стороне от протраленных фарватеров и, судя по их тактико-техническим данным, в декабре 1943 года (спустя 80 суток) должны были стать небоеспособными. Производившимся в 1944 году разведывательным тралением мин не было обнаружено, тем не менее в виде меры предосторожности для плавания ледоколов и судов на линии Диксон — Енисейский залив был проложен рекомендованный курс от рейда Диксон на зюйд-ост, между островами Малые Оленьи и материковым берегом, использовавшийся и после войны. Постановка там мин с немецких подводных лодок считалась маловероятной, и действительно, мины там не ставились (см. схему 1).

На примере траления, произведённого в сентябре—октябре 1943 года на подходах к Диксону, подтвердились возможность и целесообразность неконтактного разведывательного траления. Ранее в «Наставлении для траления неконтактных мин», разработанном Управлением боевой подготовки ВМФ совместно с Минно-торпедным управлением ВМФ, в категорической форме говорилось о бессмысленности такого траления, которое во всех случаях должно заменяться «систематическим» неконтактным тралением, и при этом самое траление должно производиться с различным напряжением, обусловленным наличием прибора срочности в неконтактных минах. Однако именно путём разведывательного неконтактного траления, правильно организованного в районе острова Диксон, там был достигнут прекрасный результат в части противоминной обороны. Наличие прибора кратности в немецких неконтактных минах не послужило препятствием для своевременного обнаружения минных заграждений. Из 52 неконтактных мин, вытраленных в 1943 году в районах губы Белушья, пролива Югорский Шар и острова Диксон, подрывы мин тралом произошли в 16 случаях на первом тральном галсе, в 10 случаях — на втором, в шести случаях — на третьем, в четырёх случаях — на четвёртом, в двух случаях — на пятом, шестом, седьмом, восьмом, десятом, одиннадцатом и тринадцатом и, наконец, в одном случае — на девятом и пятнадцатом тральных галсах. Другими словами, противник торопился добиться непосредственного успеха, поэтому условия разведывательного неконтактного траления были облегчены. Но если бы даже все мины были установлены на 15 импульсов, то все равно они были бы обнаружены на пятнадцатом тральном галсе, сделанном в ходе ежедневного разведывательного траления[23].

В ходе войны и после неё подходные фарватеры к Диксону подвергались многократному тралению.

С получением английских послевоенных данных о немецких минных постановках решением начальника штаба СФ № ОП/0100 от 22 февраля 1946 года опасный от мин район № 65 вблизи порта Диксон был разделён на два района: № 65«а» и № 65«б» (немецкое обозначение «Зеешланге» (OMU-104) и «Зеемёве» (OMU-103) соответственно), и силы Северного флота приступили к их систематическому тралению.

Противоминные операции были проведены в 1945 и 1954 гг. Новые мины обнаружены не были.

Авторами анализ достигнутых результатов разминирования проводился на основании изучения районов послевоенного траления и графического совмещения советских и немецких калек и схем (советской карты военного периода адмиралтейский номер 1282, калек минных постановок командиров немецких подводных лодок, схем фарватеров военных контролируемых (ФВК) с результатами траления по данным монографии И.А. Киреева).

По результатам составлены комбинированные схемы (см. схемы 2 и 3) и сделаны следующие выводы:

1. На кальке минной постановки «Зеемёве» нанесены только 22 мины. Это может отражать как небрежность исполнителя (об этом говорят многочисленные ошибки, в т.ч. несовпадение времени в ведомости постановки со временем на кальке и в вахтенном журнале), так и то, что одна—две мины из-за возникших проблем согласно этим документам были выставлены не в заданном районе. С учётом того, что затраченное время на постановку 24-й мины составило 50 минут (трёхузловым ходом это составит около 4,6 км), следует предположить, что подводная лодка к этому моменту подошла к острову Верна (в вахтенном журнале это описано так: «В дистанции 50 м от юго-восточной оконечности острова Верна изменили курс» — при скорости хода около 3 узлов это как раз возле острова. — **Прим. авт.**). К тому же вряд ли находившаяся в надводном положении U-601 из-за опасения демаскировать минную постановку оставалась на столь продолжительное время в районе выполнения боевой задачи «на стопе». Аналогично Грау поступил в губе Белушья, когда испытал похожие затруднения при сбросе последней мины.

Это согласуется и с результатами траления: если в качестве исходной точки взять две самые западные вытраленные мины, то перепрокладка пути лодки также приведёт к острову Верна.

2. В кратком отчёте Грау о событиях 23 сентября записано: «23.9 постановка мин “Зеемёве 1” в надводном положении. Возможно, что из-за движения течением 5 мин в 1500 м в II (речь идёт о районе «Зеемёве 2». — **Прим. авт.**), на запад». При этом на кальке вместо пяти мин указаны только четыре.

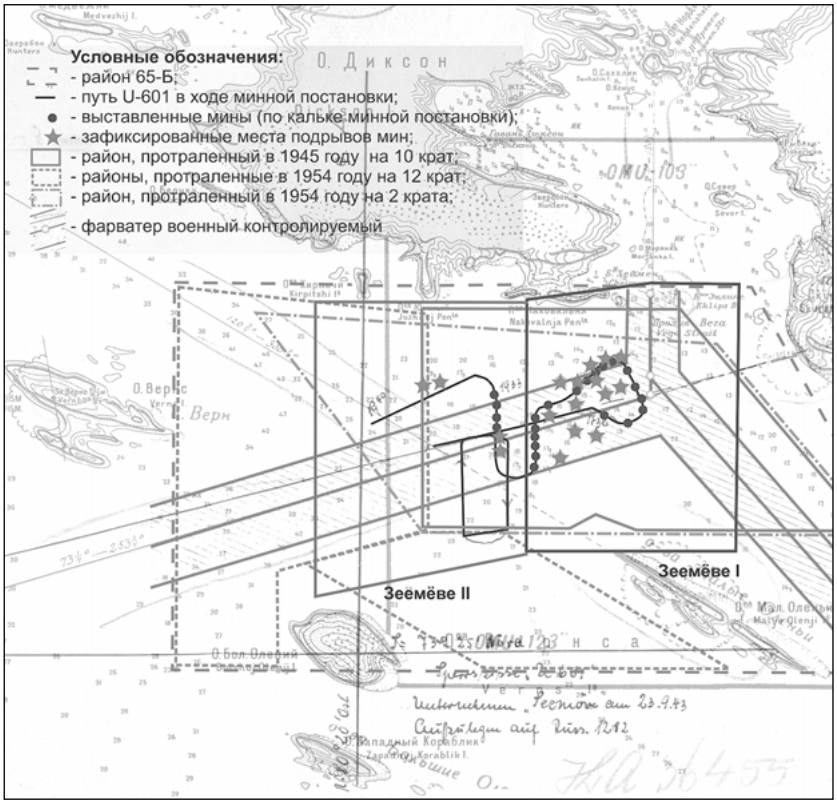
Расстояние между точками подрывов двух групп (по две мины каждая) на западе вытраленного района составляет около километра. Следует предположить, что из последней линии мин две мины остались также не вытраленными.

Таким образом, в районе Скуратовского створа после траления в предыдущие годы остались только две мины. Районы дополнительного наиболее перспективного поиска обозначены овалами (см. схему 4).

3. Война, как и жизнь, — это цепь случайностей. Мы никогда не узнаем, для каких целей сторожевой корабль, за которым в соответствии с приказом проследил Хайнрих, проследовал в Диксон не по створу Северо-восточному, а между банкой Лишней и островом Матвеева (а был ли это сторожевой корабль? Ведь корабельный дозор здесь в это время отсутствовал[24]. — **Прим. авт.**). Но факт остаётся фактом: девять мин (на схеме 2 обведены овалами. — **Прим. авт.**) изначально были установлены вне рекомендованного (установленного командованием Северного флота) подхода к порту, что сразу же серьёзно снизило эффективность минного заграждения «Зеешланге». Именно на эти мины (точнее, на семь из них) следует обратить особое внимание при проведении траления в будущем — вероятность их обнаружения наиболее вы-

Схема 3

Комбинированная схема «Зеемёве»

сока. После этого историю данного заграждения можно будет считать завершённой.

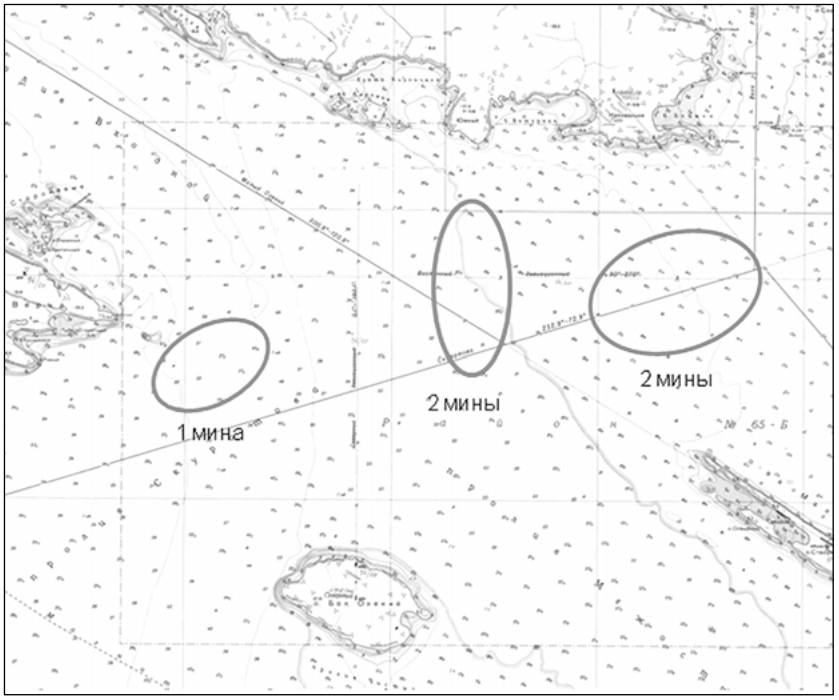
4. Изучение современных навигационных карт говорит о том, что U-601 (осадка в надводном положении около 4,5 м) при определённых условиях могла оказаться на мели, т.к. в районе острова Верна, возле мыса Уступ, находится не показанная на старых картах банка 6,8 м — слабая гидрографическая изученность могла здесь сыграть на руку Северному флоту.

5. С учётом послевоенных данных, а также на основании вышесказанного следует пересмотреть границы районов, запретных для работ с касанием грунта.

6. Неразминированные и в целом достаточно безопасные районы бывших минных заграждений на севере могут стать прекрасными полигонами для отработки действий противоминных сил ВМФ России, в т.ч. при проведении конкурсов профессионального мастерства (по аналогии с такими же проводимыми на Балтийском море учениями НАТО).

Схема 4

Перспективные участки поиска мин в районе 65«б»

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Киреев И.А.* Влияние миннозаградительных действий противника на условия боевой деятельности Военно-морских сил СССР в Великую Отечественную войну 1941—1945 гг. М.: Воениздат, 1948. С. 185.

[2] *Корнис А.В., Корнис В.Ф.* Минные заграждения в губе Белушья: Новоземельская военно-морская база в годы Великой Отечественной войны // Гангут. 2014. № 80. С. 71—94.

[3] Приказ на минные постановки «Зеешланге» и «Зеемёве» — The U.S. National Archives and Records Administration (далее — NARA). Ф. Т-1022. Микрофильм 4967. Д. PG 31842. Л. 42—50.

[4] Транспорт «Анадырь», ледокольный пароход «Седов», тральщики № 40 и 42, сторожевой корабль № 19 («Дежнёв»). См.: Хроника Великой Отечественной войны на Северном морском театре. Вып. 5. М.: Воениздат, 1946. С. 95.

[5] Фактически атака была безрезультатной. Атакован конвой с транспортом «Диксон». См.: там же. С. 107.

[6] Потоплен транспорт «Диксон». См.: там же. С. 110.

[7] Фактически систематическое траление началось с 11 августа после случаев самовзрывов мин, выставленных U-601 21 июля 1943 г. См.: *Корнис А.В., Корнис В.Ф.* Указ. соч. С. 71—94.

[8] Тральщик № 55, которому было приказано зайти в Амдерму, в 14.00 и 16.45 27 августа атаковал неприятельскую подводную лодку, сбросив на неё 19 малых глубинных бомб. См.: Хроника Великой Отечественной войны на Северном морском театре. Вып. 5. С. 106.

[9] 10 сентября в течение суток радиостанция Главного управления Северного морского пути на острове Уединения (Карское море) слышала работу неизвестной радиостанции, которая дважды передавала кодограммы, а затем через 10 мин — радиопеленги. В 18 ч 55 мин над островом пролетел неизвестный самолёт. Работа радиостанции наблюдалась и 11 сентября. См.: там же. С. 135.

[10] По всей видимости, выявлено нахождение подводной лодки Щ-402. Радиоразведкой СФ здесь обнаружена пл противника. См.: там же. С. 140.

[11] *Корнис А.В., Морозов М.Э.* Минное заграждение в Обской губе: семь десятилетий спустя // Морской сборник. 2012. № 9. С. 72—85.

[12] Группа радиоразведки.

[13] Страница вахтенного журнала U-601, связанная с минной постановкой 23—24 сентября 1943 г. NARA. Ф. Т-1022. Микрофильм 3372. Д. PG 30633/9. Л. 6.

[14] Донесение о постановке U-601 — МГК Норд. NARA. Ф. Т-1022. Микрофильм 2336. Д. PG 34728. Приложение № 6. Л. 1.

[15] Краткий отчёт U-601, 7-я операция. NARA. Ф. Т-1022. Микрофильм 4967. Д. PG 31844. Приложение № 2. Л. 3.

[16] Хроника Великой Отечественной войны на Северном морском театре. Вып. 5. С. 163—181.

[17] Лоция послевоенного времени Баренцева, Белого и Карского морей. Мурманск: Гидрографический отдел Северного флота, 1947.

[18] *Киреев И.А.* Указ. соч. С. 186.

[19] Хроника Великой Отечественной войны на Северном морском театре. Вып. 5. С. 170.

[20] *Киреев И.А.* Указ. соч. С. 186.

[21] Хроника Великой Отечественной войны на Северном морском театре. Вып. 5. С. 186.

[22] *Киреев И.А.* Указ. соч. С. 186.

[23] Там же. С. 187.

[24] Хроника Великой Отечественной войны на Северном морском театре. Вып. 5. Приложение 22 (вклейка). ■

Авторы выражают благодарность за помощь при написании статьи И.Б. Борисенко, И.В. Красному, М.Э. Морозову

П.П. ЛАВРУК

P.P. LAVRUK

«ЛЖИВАЯ ФАШИСТСКАЯ ПРЕССА ОБЪЯВИЛА НАС ПОГИБШИМИ...»

Перлюстрация корреспонденции гитлеровских военнопленных

«THE FALSE FASCIST PRESS DECLARED US DEAD...»

Perlustrated letters by German POWs

Сведения об авторе. *Лаврук Пётр Петрович — полковник в отставке (Санкт-Петербург. E-mail: greylavruk@gmail.com).*

Аннотация. *В статье раскрывается система работы с корреспонденцией военнопленных германской и других неприятельских армий в период Великой Отечественной войны; описывается деятельность органов военной цензуры; приводятся примеры использования писем пленных военнослужащих в агитационно-пропагандистских целях.*

Ключевые слова: *перлюстрация; письма немецких военнопленных; политконтроль особого отделения; военная цензура; конфискация корреспонденции.*

Information about author. *Pyotr Lavruk — Colonel (ret.) (St. Petersburg. E-mail: greylavruk@gmail.com).*

Summary. *The paper discloses the system of working with the correspondence of POWs of the German and other enemy armies during the Great Patriotic War; it describes the activity of military censorship agencies, and cites examples of POW letters used for agitation and propaganda purposes.*

Keywords: *perlustration; letters of German POWs; political control by special department; military censorship; confiscation of letters.*

Проводившаяся военной цензурой работа по контролю переписки военнопленных германской и других неприятельских армий в период Великой Отечественной войны была направлена в первую очередь на сохранение государственной и военной тайны, на пресечение утечки сведений, могущих нанести ущерб Советскому Союзу. Кроме того, часть этой корреспонденции успешно использовалась в пропагандистской работе с попавшими в плен военнослужащими и состоявшими с ними в переписке членами их семей.

В советский период вопросы корреспонденции военнопленных впервые получили нормативное регулирование в 1931 году, когда было издано Постановление ЦИК и СНК Союза ССР, содержавшее «Положение о военнопленных». Пункт 31 данного документа предусматривал: «Почтовая корреспонденция (закрытые и открытые письма и денежные переводы, письма с объявленной ценностью), отправляемая и получаемая военнопленными, пересылается бесплатно»[1]. Уточнялось, что число писем, отправлявшихся и получавшихся военнопленными, могло быть ограничено только по соображениям технического или транспортного характера. Каждому военнопленному, во всяком случае, предоставлялось право отправлять и получать не менее одного открытого письма в неделю и одного закрытого письма в месяц.

В связи с военными действиями по присоединению Западной Украины и Западной Белоруссии к Советскому Союзу 28 сентября 1939 года начальник Управления по делам о военнопленных НКВД СССР П.К. Сопруненко[2] и комиссар Управления по делам о военнопленных НКВД СССР полковой комиссар С.В. Нехорошев[3] утвердили «Временную инструкцию о порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД». Пятый пункт этого документа в полной мере относится к излагаемой теме.

Военнопленным разрешалось вести переписку. Каждый из них имел право отправить и получить по одному письму в месяц. Вся входящая и исходящая корреспонденция в обязательном порядке просматривалась политконтролем особого отделения. При большой нагрузке в помощь политконтролёрам привлекались и другие достаточно политически и технически грамотные сотрудники лагеря. Письма должны были просматриваться и вручаться адресатам, а также отправляться адресатами в пятидневный срок с момента поступления их на просмотр. Сдававшиеся для отправки личные письма должны были быть в незапечатанных конвертах.

Персонал политконтроля непременно разъяснял, что в письмах запрещается помещение сведений о количестве военнопленных в лагере, об охране лагеря и режиме содержания военнопленных и т.д. Такие письма подлежали конфискации. При этом составлялся акт, который приобщался к учётному делу военнопленного.

Корреспонденция военнопленных отправлялась адресантом через канцелярию лагеря. Отправка писем иным путём категорически запрещалась. В случае нарушения данного запрета военнопленный лишался права переписки на срок 2 месяца. При повторных случаях помимо лишения права переписки виновный водворялся в штрафной барак[4].

Начальник 1-го отдела Управления А.В. Тишков[5] в свете требований этой инструкции разъяснял: «Военнопленным, лишённым права переписки в порядке административного

Заместитель наркома внутренних дел СССР В.В. Чернышёв

взыскания, полученные письма не выдаются на срок налагаемого взыскания. После снятия взыскания все письма, поступившие на имя военнопленного, должны быть вручены адресату».

В приведённом документе были прописаны и другие положения, касавшиеся переписки, получения посылок и денежных переводов. Например, в случае выбытия военнопленного в другой лагерь письма и посылки в течение пяти суток направлялись по месту его убытия. А в случае смерти военнопленного письма приобщались к его учётному делу.

Каждая поступившая посылка вскрывалась работником лагеря в присутствии получателя. Обнаруженные запрещённые предметы изымались и составлялся акт, в котором указывалось дальнейшее направление изъятых предметов в зависимости от их характера. При этом акт объявлялся военнопленному, а обнаруженные в посылках деньги и ценности зачислялись на его лицевой счёт. Продовольственные посылки, поступавшие на имя умерших, после анализа передавались на кухню. Военнопленные имели право получать с родины и из нейтральных стран денежные переводы без ограничения сумм. Все принадлежавшие военнопленным деньги находились на их личных счетах, разрешалось переводить свои средства на счета других военнопленных.

Несмотря на столь жёсткий политконтроль, переписка военнопленным была разрешена лишь после 20 ноября 1939 года. При этом на практике большие группы военнопленных лишались возможности писать письма. К примеру, 11 июля 1940 года заместитель наркома внутренних дел СССР В.В. Чернышёв[6] направил на имя начальника УПВИ П.К. Сопруненко и начальника Главного управления лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС) НКВД СССР Н.А. Френкеля[7] указание, в котором он запретил переписку, отправку и получение посылок и денежных переводов для содержавшихся в Севжелдорлаге[8].

7 августа 1941 года заместитель народного комиссара внутренних дел Союза ССР комиссар госбезопасности 3 ранга И.А. Серов утвердил «Инструкцию о порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД». Пятый раздел этого документа устанавливал правила переписки и получения посылок, денежных переводов и допуск свидания. Ранее принятые аналогичные документы были дополнены важной формулировкой: «Каждый военнопленный может… получать неограниченное число писем»[9].

Условия и порядок переписки за весь период Великой Отечественной войны не пересматривались. Лишь 13 июля 1945 года народный комиссар внутренних дел Союза ССР Л.П. Берия издал приказ № 00834 «О введении в действие инструкции “О порядке переписки военнопленных немцев, австрийцев, румын и венгров с их семьями, проживающими в Германии, Австрии, Румынии и Венгрии”». Данный приказ был передан по телеграфу, так как сложившееся положение требовало незамедлительного решения этого вопроса. Начальнику ГУПВИ НКВД СССР генерал-лейтенанту М.С. Кривенко[10] надлежало обеспечить получение в Исполкоме Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР необходимого количества бланков почтовых открыток для военнопленных и разослать их в лагеря, а народным комиссарам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам УНКВД краёв и областей обеспечить чёткое выполнение лагерями установленного инструкцией порядка переписки военнопленных с их семьями[11].

В новой «Инструкции» было немало новшеств, и каждое из них изобиловало жёсткими цензурными требованиями. Например, в разделе «Общие положения» уведомлялось, что переписка военнопленным разрешается на основании указаний Правительства Союза ССР и должна производиться: в Германии, Австрии, Венгрии и Румынии через их Красный Крест, а в СССР через Центральное справочное бюро по делам военнопленных в Исполкоме Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца. «Почтовые отправления, направленные из Германии, Австрии, Венгрии и Румынии на имя военнопленных помимо их Красного Креста, вручению адресатам не подлежат». Устанавливалась специальная «почтовая карточка военнопленного». Переписка с родственниками или иными лицами, проживавшими в других странах, была запрещена. Пересылка почтовых отправлений военнопленных их семьям, как и раньше, осуществлялась бесплатно через почтовую связь Наркомата связи СССР[12].

Условия и порядок переписки включали 15 пунктов. Каждому немцу, австрийцу, венгру и румыну, находившемуся в СССР, разрешалось отправить своим родственникам одно письмо в месяц. Тем, кто перевыполнял нормы выработки, в качестве поощрения начальники управлений лагерей разрешали отправку ещё одного письма. А за нарушение лагерного режима или другие проступки военнопленные лишались права переписки со своими семьями сроком от 1 до 3 месяцев. Если военнопленного лишали права переписки, то выносилось соответствующее постановление, которое утверждалось начальником управления лагеря.

Почтовыми карточками военнопленных обеспечивал Исполнительный комитет Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. Выдача бланков для заполнения и их учёт возлагались в лагерях НКВД на оперативные отделы (отделения), а

в спецгоспиталях НКЗ-НКО — на оперуполномоченных. Дату ежемесячной выдачи бланков почтовых карточек определял начальник управления лагеря, а в спецгоспиталях — заместитель начальника спецгоспиталя по охране и режиму. Особое внимание обращалось на заполнение почтовых карточек чётким, разборчивым почерком и обязательно чернилами. Для сбора писем, подлежавших отправлению семьям военнопленных, на территории вывешивался почтовый ящик. Изъятие писем из него производилось ежедневно в чётко установленное время.

Все письма военнопленных их семьям в Германию, Австрию, Венгрию и Румынию, а также письма, получавшиеся из этих стран, подлежали на местах проверке военной цензурой. Военная цензура «осуществлялась отделом "В" НГБ СССР в Москве». Он был образован 14 апреля 1943 года на базе отделения бывшего 2-го спецотдела НКВД[13]. О проверке почтового отправления ставилась печать «Военная цензура СССР»[14]. Помимо перлюстрации писем военнопленных цензоры проводили конфискацию корреспонденции антисоветского и профашистского содержания; карточек, в которых имелись данные о месте расположения промышленных объектов и характере выполнявшейся работы; сведения о других военнопленных, содержавшихся в лагерях, а также умерших за время пребывания в плену. Вне зависимости от содержания изымались письма, направлявшиеся в другие страны. Поступившие в лагерь (спецгоспиталь) почтовые отправления для немцев, австрийцев, венгров и румын со штампом «Военная цензура СССР» подлежали немедленному вручению военнопленному. Оперативное управление ГУПВИ получало ежемесячные данные от отдела «В» НГБ СССР о количестве всей корреспонденции[15].

Осенью 1942 года в некоторых лагерях НКВД военнопленным немцам разрешили писать на родину открытые почтовые открытки, из которых затем тщательно отбирали наиболее подходящие, с позитивной информацией об условиях пребывания в плену, и те, которые свидетельствовали о соблюдении Советским Союзом международного права в отношении военнопленных. В научной публикации «Военнопленные в СССР. 1939—1956. Документы и материалы» приведены следующие данные: «До конца 1942 г. обычной почтой, через почтовые станции Международного комитета Красного Креста в Стокгольме и Анкаре было направлено 3096 писем. С января 1943 г. переписка разрешена военнопленным во всех лагерях».

В другом научном издании — «Венгерские военнопленные в СССР. Документы 1941—1953 годов» сообщается: «Переписка военнопленных лагерей НКВД в широком масштабе во время войны так и не была организована. Всего до конца войны военнопленные смогли направить на родину чуть более 28,5 тыс. писем. 8676 писем было передано Главному Политическому управлению РККА для разбрасывания их с самолётов над Германией, Румынией и Венгрией. За это же время в адрес военнопленных поступило 10 914 писем. Лишь после окончания войны переписка становится регулярной»[16].

Интересные сведения о письмах немецких военнопленных содержатся в докладах 7-го отдела политического управления Ленинградского фронта. В бюллетене № 6(39) за декабрь 1942 года говорилось: «При опросе пленные писали письма-приветы на родину и короткие воззвания. Интересно отметить, что при заполнении карточек огромное большинство военнопленных утвердительно ответило на вопрос о желании участвовать в нашей пропаганде за окончание войны».

Наиболее характерные и откровенные письма пленных были использованы в устной пропаганде. И это давало ощутимый результат. Так, письма 130 человек из русского плена на родину были записаны на пластинки, которые были размножены и направлены на все звукостанции фронта, а также в Ленинградский радиокомитет для передачи в эфир через мощные передатчики. Восемь пленных были доставлены в студию Ленрадкомитета, где их выступления о разгроме немецких частей при наступлении Красной армии были записаны для передачи в эфир. Двое военнопленных использовались на фронтовых звукомашинах, где они под контролем читали свои выступления, адресованные немецким войскам под Ленинградом. Все подобные пропагандистские материалы не подлежали контролю цензуры.

На основании писем, поступивших в распоряжение политического управления Ленинградского фронта, была издана листовка-обращение 88 пленных солдат разных дивизий.

«Ко всем солдатам германской армии у Ленинграда и на Волге

Товарищи!

Уже больше недели, как мы находимся в русском плену. С самого начала мы встретили здесь вполне корректное отношение со стороны русских солдат и офицеров. Нас поместили в тёплые помещения, мы сытно питаемся. Раненым оказана медицинская помощь. Как всё это не похоже на те ужасы, которые рассказывали нам раньше о русском плене!

По своей воле мы решили написать об этом, так как глупые сказки об "ужасах" плена уже стоили жизни многим из наших товарищей. Вот почему мы сочли своим долгом рассказать вам о том, как выглядит этот плен в действительности. Перед нашими глазами ещё стоят много-

Начальник ГУПВИ НКВД СССР М.С. Кривенко

Фашистские военнопленные на расчистке улицы

численные сцены бессмысленной гибели многих товарищей, находившихся в окружении и горловине под Шлиссельбургом. Будучи обманутыми лживой пропагандой о русском плене, они продолжали бесцельную борьбу и бесславно погибли.

Солдаты! Подумайте о том, кому нужна была эта пропаганда! В германской армии мы жили, как в тумане. От нас скрывали то, что происходит на Восточном фронте. Германские войска уже в ноябре попали в окружение под Сталинградом и теперь они уничтожены. Германские войска отступают на Кавказе, под Ростовом, у Харькова, у Великих Лук и под Ленинградом. Германское командование пытается спасти своё безнадёжное положение, скрывая от нас правду о делах на фронте и распространяя ложь о русском плене! Уже, видимо, туго приходится нашим господам, если они прибегают к обманам самого подлого свойства!

Не верьте этим мошенникам, товарищи! Не бойтесь русского плена!

Мы сдались Красной Армии в плен, и для нас война окончена. После войны мы вернёмся живыми и невредимыми домой!

Следуйте нашему примеру!

Кончайте с войной!».

Бесцензурные письма военнопленных доходили на родину и другими путями. Эти послания с полными адресами, подписями отправителя и обозначением части, в которой он служил, клишировались и распространялись в немецком расположении. На обороте этих писем была напечатана просьба к немецким солдатам оказать товарищескую услугу пленному и отослать его письмо по указанному адресу. Многие письма достигали своей цели.

В адрес советского руководства поступали письма военнопленных с благодарностями за возможность переписки со своими родственниками, проживавшими за границей. Некоторые из них предназначались самому И.В. Сталину.

Фашистские военнопленные

«Лагерь 190/17
16 апреля 1946 г.
Генералиссимусу Сталину

Первые письма с родины убедили также товарищей в лживости геббельсовской пропаганды, в глубине души которых всё ещё коренились последние остатки лжи о том, что СССР не желает доставлять письма военнопленных.

Теперь постоянно поступает почта с родины и мы, обитатели лагеря № 190/17, имеем регулярную возможность сообщать о себе своим семьям.

Из этого факта вытекает для всех нас долг помогать уже отсюда искоренению на родине остатков фашистской пропаганды.

Можем ли мы принимать участие в этой работе? Я думаю, что да! Многие товарищи придерживаются того мнения, что мы посредством наших писем можем добиться того, чтобы путём положительного отношения к могущественному Советскому Союзу и его великому вождю — генералиссимусу Сталину повлиять на наших родных на родине.

Этим должно быть в новой Германии у народа, представителями которого мы являемся, пробуждено понимание и доверие к русскому народу. На это может претендовать эта нация, являясь спасителем цивилизованной Европы от фашистских погромов, и я употребляю все свои силы на то, чтобы добиться взаимопонимания двух великих народов как здесь, так и позже на родине. Никогда больше не должно быть недоразумений между нашими народами. Сегодня мы работаем в Советском Союзе как военнопленные и солдаты восстановления и устранения ущерба, нанесённого войной, завтра, однако, как свободные люди в Германии, мы будем работать над установлением взаимопонимания обоих народов.

Здесь, в Советском Союзе, мне стали ясны мои политические задачи на будущее.

Рихард Фриц»[17].

«Лагерь 190/17
17 апреля 1946 г.
Центральному управлению лагерей военнопленных

В конце прошлого года я со многими другими товарищами

из нашего лагеря получил разрешение написать на родину. Нас всех занимал вопрос в отношении почты, каждому хотелось дать о себе своим родным весточку после долгих лет разлуки. И вот наступил наконец долгожданный момент, и это было для меня истинной радостью, вступить в почтовую связь со своими родными.

Затем наступило долгое время ожидания того, поступила ли почта на родину, и надежда на ответ. Я вновь и вновь повторял себе, что благодаря бессмысленной войне почтовая связь и порядок в Германии нарушены, и поэтому передача наших писем будет очень затруднена. Как велика была, однако, в один прекрасный день моя радость, когда я получил от командира роты открытку от моих родных. Я чувствовал себя самым счастливым человеком в лагере, при этом письма от своих родных получили ещё многие другие товарищи.

Моя жена писала мне, что она получила мою весточку в день рождества, что явилось действительно рождественским подарком. Моя жена писала мне, что наш старый дом уцелел и что у неё и наших детей благодаря помощи советских властей всё обстоит очень хорошо.

Мне остается только выразить советскому народу мою благодарность путём повышенного трудового усердия на работе по восстановлению, пока наступит день моего возвращения к родным.

Герберт Моссак»[18].

«Лагерь 190/17
17 апреля 1946 г.
В Главное управление по делам военнопленных
Москва

Настал час, которого я так долго ждал. Три года я мечтал об этом годе и думал о нём даже глубокой ночью. Наконец-то у меня в руках известие о близких. Первый взгляд на знакомый почерк моей жены всколыхнул всю мою душу. Целый рой милых воспоминаний снова ярко возник передо мной. Можно ли это сразу осознать? Письмо от любимого человека, который долгие годы, в одиночестве ждал, который верил, что я жив, хотя Геббельс своей лживой пропагандой хотел убедить в обратном.

Тогда, после Сталинграда, лживая фашистская пресса объявила нас погибшими, но Советский Союз дал нам возможность послать известие на родину, и уже через несколько недель после Сталинграда мы получили открытки для писем на родину.

Однако гитлеровская клика из преступных соображений отказалась принять почту военнопленных из России. После победы над Германией Советский Союз возобновил связь военнопленных с родиной. Этот факт ещё раз подтверждает правильность слов великого Сталина о том, что гитлеровскую Германию надо уничтожить, а германский народ будет жить.

Мне хочется высказать Советскому Союзу благодарность за все мероприятия, которые он предпринимает в интересах и для блага германского народа. Как и все эти мероприятия, так и организация переписки с родиной придали нам, военнопленным, новые силы и мужество для того, чтобы, освободившись от ужасного наследства, оставленного нам гитлеровским государством, радостно идти навстречу новой жизни.

Штуди Фриц»[19].

«Резолюция “Собрания” 3-й роты 1-го батальона Руководству трудового лагеря 190/17

С радостью в сердце приветствуем мы, члены 3-й роты 1-го батальона, германские военнопленные, бывшие офицеры, поступление первой почты с родины. После тяжких лет ожидания и заботы о жизни наших семей для большинства из нас исчезли последние сомнения, уступив место радостной уверенности.

Наша честная, глубоко прочувствованная благодарность относится ко всем ответственным учреждениям России.

С глубоким возмущением вспоминаем мы бесстыдную ложь, которая распространялась главарями фашистской Германии о том, что отсутствие почтовой связи между германскими военнопленными в Советском Союзе и родиной объясняется сопротивлением Советского Правительства разрешить таковую.

Теперь мы ясно видим, что дело совсем не так, и черпаем в этом вновь приобретённом убеждении веру в дальнейшее укрепление этого моста между нашими далекими родными и нами.

Апрель 1946 г.
Следует 38 подписей»[20].

Прошло менее года, как вступили в силу приказы НКВД СССР № 00834, Наркомсвязи СССР № 00/020/125/8798 и директива НКВД СССР № 150 о порядке переписки военнопленных с их семьями. Однако эти мероприятия в ряде республик и областей систематически нарушались. Значительная часть военнопленных по-прежнему не имела возможности посылать одно письмо в месяц. Оказалось, бланки почтовых открыток рассылались в лагеря и спецгоспитали с большим опозданием. И, хуже того, распределялись среди военнопленных неравномерно. Прохождение исходящей и входящей почты было весьма медленным, учёт её отсутствовал.

Министр внутренних дел СССР генерал-полковник С.Н. Круглов в своём приказе № 00344 от 22 апреля 1946 года жёстко требовал упорядочить мероприятия по налаживанию переписки военнопленных с их семьями. Он подчёркивал, что она должна иметь политическое значение и способствовать повышению производительности труда. Главному управлению военного сообщения МВД СССР было поручено организовать доставку корреспонденции согласно разнарядке ГУПВИ МВД, а министрам внутренних дел республик и начальникам краевых и областных управлений МВД в трёхдневный срок проверить выполнение приказов, выявить все недостатки и нарушения в этой работе, немедленно их устранить. При этом цензурирование почтовых открыток предписывалось проводить в течение 3—5 дней, строго соблюдая директиву НКВД СССР № 150 1945 года.

Проведение данных мероприятий позволило в короткие сроки упорядочить переписку военнопленных с родиной. Уже к сентябрю 1946 года поток писем и открыток в Германию, Австрию, Венгрию и Румынию достиг

11 824 400 единиц[21]. Цензорские пункты работали почти круглосуточно, однако не справлялись с огромным объёмом. Со дня разрешения переписки (июль 1945 г.) были изготовлены 17 681 000 бланков[22] почтовых открыток установленного образца, которыми военнопленные снабжались бесперебойно.

По состоянию на 1 сентября 1946 года военнопленными были отправлены в Германию — 9067 тыс. писем и открыток, в Австрию — 674 тыс., в Венгрию — 1 153 600 и в Румынию — 928 900. Эту огромную массу корреспонденции проконтролировали цензорские пункты лагерей. Не менее сложную работу они выполняли при прочтении писем, которые поступали в адрес военнопленных. Так, с 1 августа по 15 сентября 1946 года из-за границы были получены 4 648 700 писем и открыток[23]. И на каждом экземпляре стоял штамп «Проверено военной цензурой».

Поток корреспонденции как с одной стороны, так и с другой с каждым месяцем нарастал. В отдельных лагерях цензурные пункты расширялись. Остро чувствовался в лагерях недостаток переводчиков с венгерского и румынского языков. В июле 1948 года в лагере № 27 (г. Красногорск Московской обл.) был дополнительно организован цензорский пункт. За время его работы были проверены 115 516 писем в адрес военнопленных румын и венгров и свыше 167 тыс. писем, шедших от военнопленных румын и венгров за границу.

Все цензурные пункты лагерей были укомплектованы согласно штатному расписанию. В докладной записке С.Н. Круглова на имя И.В. Сталина, секретарей ЦК ВКП(б) А.А. Жданова, А.А. Кузнецова и Н.С. Патоличева об организации переписки военнопленных, находившихся в СССР, со своими родственниками, проживавшими в Германии, Австрии, Венгрии и Румынии (30 сентября 1946 г.), он сообщал, что «даны указания местным органам МВД об укреплении цензорских аппаратов за счёт квалифицированных переводчиков с иностранных языков»[24].

С помощью военных цензоров в лагерях была проведена работа по сбору писем и приветствий военнопленных для передачи родственникам по радио, а также статей в газеты, издававшиеся Главным политическим управлением Вооружённых сил СССР для населения Германии, Австрии, Венгрии и Румынии. Отметим, что на 20 сентября 1946 года в 7-е Управление ГПУ ВС СССР из лагерей МВД и отдельных рабочих батальонов поступили 6500 писем и приветствий, из которых 1800 отправлены в редакцию берлинской газеты «Теглиге Рундшау» и 100 писем — в редакцию венской газеты «Эстеррейхшише Цайтунг».

Кроме того, цензурные работники помогали и радиокомитету. Он получил из МВД свыше 600 тыс. приветствий и обращений, 400 из которых передал на радио в Германию и Венгрию[25].

Цензоры представляли своему руководству и характерные выдержки с положительными высказываниями. Уже в 1947 году большинство военнопленных писали о надежде на скорое возвращение. Для них плен — это большое и тягостное испытание. В письмах, отправленных за границу, большинство военнопленных, как свидетельствуют цензоры, сообщали об условиях содержания, отдыха, состоянии здоровья и обращении со стороны администрации лагерей и спецгоспиталей. Приведём наиболее характерные выдержки из писем, которые отражены в цензорских отчётах.

Военнопленный Крумферт сообщает родственникам в Берлин: «Я терпеливо жду нашего возвращения на родину, где мы должны будем осуществить практически то, что накапливаем теоретически здесь. Мы должны осуществить полную демократизацию Германии и жить в вечном союзе с Россией…».

Военнопленный Гассе отцу в г. Эльсфест: «Скоро я вернусь на родину. Но прежде всего нужно помочь русскому народу восстановить то, что разрушила наша армия. Вы пишите, что ты, папа, и брат мой ходите без работы. Нужно очистить нашу родину от проклятых фашистов так же, как в Восточной зоне, тогда и вы не будете безработными».

Военнопленный Нестиан матери в г. Лейпциг: «Газеты и журналы, которые мы в большом количестве получаем с родины, рисуют нам ясную картину выборов в Восточной зоне, а также и о том, что было проделано демократическими партиями в Германии. Я полностью убеждён, что рабочий класс в Восточной зоне пользуется большой поддержкой русских в борьбе против плутократии и реакции».

Военнопленный Штромаер жене в г. Фюссгейнгайм (французская зона оккупации): «Я тебе должен открыто признаться, что мы боялись попасть в русский плен лишь потому, что министр пропаганды третьей империи Геббельс нас грубо обманывал. Два года, которые я провёл в плену, оставили у меня наилучшие впечатления о русском народе, который свободно и мирно трудится и не имеет к нам той ненависти, которую он вправе к нам питать. Я вернусь домой с хорошим впечатлением о России»[26].

Наряду с положительными отзывами во многих письмах встречались клеветнические сообщения о Советском Союзе, о лагерной жизни и тяжких условиях работы. Понятное дело, сотрудники отдела «В» НКВД СССР и цензоры лагерей корреспонденцию такого содержания (а её было немало) конфисковывали. В результате проверки только за 1948 год были конфискованы 178 426 писем, в том числе: поступивших в адрес военнопленных — 114 188 и адресованных за границу — 64 238, что составляло около 0,5 проц. всех посланий.

Цензоры изымали корреспонденцию в строгом соответствии с действовавшей инструкцией: «В письме, адресованном военнопленному немцу Шмидт Герману, который находился в лагере МВД № 393 (Ленинградская обл.), обнаружено 2 экземпляра католической газеты “Вера в жизнь”, издающейся в г. Майнц (американская зона оккупации Германии) и анонимная листовка, отпечатанная на пишущей машинке.

В газете “Вера в жизнь” помещена статья под заголовком “Секретные документы Ватикана”, возводящая клевету на коммунистические партии, а листовка содержит призыв к военнопленным не падать духом,

так как Иезуитский орден беспокоится о них».

«В письме военнопленному немцу Киль Эмиль, который содержался в лагере МВД № 218 (Смоленская обл.), обнаружено 5 номеров по 2 экземпляра газеты “Вера и жизнь”. Отправление сделал священник Антон Дормштадт, проживающий в дер. Кляйн-Крот-Цербург, округ Офенбах-на-Майне (американская зона оккупации Германии)».

«В письмах на имя военнопленных немцев Мюллер Макс и Шульц Губер, содержащихся в лагере МВД № 504 (Свердловская обл.), обнаружены два номера контрреволюционных белоэмигрантских газет “На переломе”, № 9 от 31 июля 1948 г., издающейся в г. Мюнхене, и “Эхо”, № 27 от 22 июля 1948 г., издающейся в г. Регенсбург (американская зона оккупации Германии), в которых возводится клевета на Советский Союз.

Кроме того, в этих же письмах обнаружена анонимная листовка, возводящая клевету по адресу руководителей Советского Правительства, написанная от руки, которая адресована специально цензорам лагерей МВД для военнопленных.

В тексте листовки указывается, что автору хорошо известно о существовании цензуры и что посылаемые в адрес военнопленных газеты не будут пропущены, поэтому он надеется, что письмо и газеты прочитают работники цензуры»[27].

Самое большое количество изъятых писем содержало отрицательные отзывы о жизни в лагерях, в частности, о питании. Подобные жалобы поступали не только из лагерей, но и из зон оккупации.

Военнопленному Фиген Гансу пишет И. Фиген из г. Гайзенкирхен (английская зона оккупации Германии): «Постепенно нищета приводит к волнениям. Часто слышно о восстаниях и голодных забастовках, но это не улучшает положения с продовольствием. Всё это ведёт к новой войне. Народ стал плохим. Он не знает никаких сдерживающих начал. Везде воруют и крадут. Создались банды. Люди ходят по домам за милостыней…».

Военнопленному Шпруху Георгу пишет Рормаер Лиа из Мюнхена (американская зона оккупации Германии): «Долго ли мы должны терпеть эту нужду? С питанием стало очень тяжело, и на следующий месяц обещают нормы ещё уменьшить. Если американцы думают заморить нас голодом, то лучше сказали бы сразу и не обманывали нас сказками о том, что в русской зоне ещё хуже».

Военнопленный Кетеринг пишет родственникам в Германию: «У меня всё старая песня — много работы и мало еды. Я никогда не думал, что при таком ограниченном питании можно выполнять такую работу».

Военнопленный Просвиммер пишет жене в Германию: «Я живу плохо, тяжёлая работа и вечный голод, надежды на возвращение домой нет»[28].

Согласно имеющимся документам в лагерях для военнопленных умерли 580 тыс. человек[29]. Среди основных причин смерти — боевые ранения, их последствия и осложнения, дистрофия на почве систематического недоедания. Немалая часть военнопленных была на краю гибели ещё в момент сдачи в плен. Так, после Сталинградского сражения из общего числа пленных более 500 человек находились без сознания, у 70 проц. была дистрофия, практически все страдали от авитаминоза и находились в состоянии крайнего физического и психологического истощения. Почти 60 проц. пленных имели обморожения 2-й и 3-й степени с осложнениями в виде гангрены и общего заражения крови. Наконец, примерно 10 проц. находились в столь безнадёжном состоянии, что уже не оставалось реальной возможности их спасти[30].

Нельзя не упомянуть о том, что из общей численности военнопленных в Советском Союзе в лагерях умерло 15 проц., а в Германии — 57 проц.[31] Эти цифры передают различие двух систем обращения с военнопленными, вместе с тем показывая и доказывая, на чьей стороне была справедливость.

23 ноября 1949 года всем осуждённым и подследственным военнопленным была запрещена переписка с родственниками. 30 ноября МВД СССР приняло решение о содержании всех военнопленных, осуждённых военными трибуналами по заключению межведомственной комиссии, в специальных лагерях ГУПВИ. Всего для их содержания 23 марта 1950 года С.Н. Круглов утвердил список из 11 лагерей на 17 300 мест, из них 9 лагерей на 15 300 мест для осуждённых немецких военнопленных и 2 для японских[32]. В октябре 1950 года переписка осуждённым немецким и австрийским военнопленным, содержавшимся в лагерях МВД, была разрешена. Для остальных национальностей (кроме итальянцев) это ограничение действовало до 24 июля 1953 года[33].

Приказ МВД СССР № 00576 о разрешении переписки с родственниками, получения посылок и денежных переводов осуждённым военнопленным и интернированным, а также иностранным гражданам, осуждённым военными трибуналами Советской армии за границей, имел гриф «Совершенно секретно» и вводился в действие с 24 июля 1953 года.

Цензурирование почтовой корреспонденции было возложено на 6-й спецотдел МВД СССР, а проверка посылок — на тюремное управление того же ведомства. К контролировавшимся цензурой объектам добавлялись ещё 22 лагеря[34]. Возросший объём контроля переписки требовал увеличения персонала военных цензоров. Переписка осуждённым разрешалась только со своими прямыми родственниками, указанными в личном деле, на специальных бланках. Для сбора писем устанавливался следующий адрес: СССР, Москва, почтовый ящик № 5110[35]. Почтовые открытки, в тексте которых излагались закрытые сведения, как и ранее, конфисковывались.

Были и новые требования, которые не значились в предыдущих инструкциях. Например, военнопленному запрещалось прибегать к тайнописи, шифрам и другим условным приёмам письма, писать в почтовых открытках доверенности на имущество и деньги, просить родственников обращаться в

различные учреждения с ходатайством об их освобождении из лагеря (тюрьмы) и репатриации на родину. Очень много корреспонденции подверглось конфискации из-за употребления слов «военнопленный», «осуждённый», «интернированный», «тюрьма», «заключённый». Переписка осуждённых с их родственниками должна была носить только личный, семейно-бытовой характер. Значилось в цензорской инструкции и послабление. Цензору разрешалось затирать или затушёвывать отдельные нежелательные слова или выражения, не представлявшие оперативного интереса, а само письмо отправлять по назначению. На проверенных почтовых открытках, как входящих, так и исходящих, ставился оттиск цензорского штампа.

Содержимое посылок также подлежало тщательной проверке. Вскрытие и осмотр содержимого производились комиссиями в составе трёх сотрудников лагеря в присутствии получателя под расписку. На запрещённые предметы — компасы, игральные карты, топографические карты, оружие, бинокли и принадлежности военной и специальной формы — также составлялся акт об изъятии. Медикаменты, яды, наркотические вещества, спиртные напитки всех видов уничтожались[36]. В 3-й отдел Тюремного управления МВД СССР доставлялись изъятые письма, записки, рисунки, книги, газеты, журналы и иные печатные издания с указанием, из чьей посылки они изъяты, откуда поступили и кто являлся их отправителем.

Начальники лагерей и тюрем ежемесячно представляли в Тюремное управление МВД СССР докладные записки о проделанной работе по проверке и вручению поступивших посылок, о количестве и сумме полученных денежных переводов, а также о количестве отправленных и полученных писем (по каждой стране в отдельности). Всего через пункты военной цензуры МВД СССР за период с 1945 по 1950 год от военнопленных были отправлены на родину 59 447 284 письма и 31 771 062 письма получены военнопленными с родины[37].

Таким образом, кроме выполнения своих основных функций по защите конфиденциальных государственных сведений, военные цензоры в период Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы выполняли важную идеологическую задачу — превратить основную массу военнопленных в друзей Советского Союза, в активных участников борьбы против фашизма, готовых содействовать поражению гитлеровской Германии и возрождению нового дружественного государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Военнопленные в СССР, 1939—1956: документы и материалы. М.: Логос, 2000. С. 63.

[2] **Сопруненко Пётр Карпович** (1908—1992) — генерал-майор. Уроженец Киевской обл. С 1939 по 1943 г. — начальник УПВИ НКВД СССР. В дальнейшем — заместитель начальника УПВИ, начальник УНКВД Закарпатской обл., заместитель начальника Управления строительства № 865 МВД СССР, заместитель начальника УИТЛ и строительства № 585 МВД СССР.

[3] **Нехорошев Семён Васильевич** (1899—?) — полковник. Уроженец Тамбовской обл. 1939—1941 гг. — комиссар УПВИ НКВД СССР и начальник политотдела УПВИ. С 1 марта 1941 г. — старший инструктор Управления политпропаганды войск НКВД СССР. С 28 августа 1941 г. — старший инструктор Политуправления войск НКВД СССР. В 1952 г. уволен по возрасту.

[4] Военнопленные в СССР... С. 141, 142.

[5] **Тишков Арсений Васильевич** (1909—?) — капитан госбезопасности. Уроженец г. Пензы. С 23 сентября 1939 г. — начальник 1-го отдела УПВИ НКВД СССР. С 27 марта 1940 г. — заместитель начальника отделения 3-го отдела ГУТБ НКВД СССР. С 13 декабря 1941 г. — начальник отделения 4-го отдела 2-го Управления НКВД СССР.

[6] **Чернышёв Василий Васильевич** (1896—1952) — генерал-полковник. Уроженец Рязанской губернии. В 1915—1917 гг. — служба в армии. С 1920 г. — начальник 34-й дивизии войск ВЧК, а с 1921 г. — начальник войск ВЧК Туркменского фронта. В 1924 г. — начальник штаба Приволжского округа ГПУ-ОГПУ. В период 7 августа 1937 — 12 сентября 1952 г. — заместитель наркома (министра) внутренних дел СССР.

[7] **Френкель Нафталий Аронович** (1883—1960) — генерал-лейтенант интендантской службы. Уроженец г. Москвы. 1940—1941 гг. — начальник ГУЛЖДС и заместитель начальника ГУЛАГа. 26 февраля 1941 г. — 28 апреля 1947 г. — начальник ГУЛЖДС НКВД. 9 июня 1947 г. уволен по болезни.

[8] Российский государственный военный архив. Центр хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК). Ф. 1/П. Оп. 3а. Д. 1. Л. 67.

[9] Русский архив: Великая Отечественная. Иностранные военнопленные второй мировой войны в СССР. Т. 24(13). М.: Терра, 1996. С. 41—51.

[10] **Кривенко Михаил Спиридонович** (1904—1954) — генерал-лейтенант. Уроженец с. Политотдельного Сталинградской обл. С февраля 1941 г. — начальник штаба конвойных войск НКВД СССР. 1942—1944 гг. — начальник конвойных войск НКВД СССР. В 1945—1947 гг. — начальник Главного управления по делам военнопленных и интернированных ГУПВИ НКВД. В 1951—1953 гг. — заместитель начальника Управления исправительно-трудовых лагерей (УИТЛ) и строительства Волго-Донского канала. 29 июля 1953 г. уволен в запас.

[11] Русский архив... С. 221.

[12] Военнопленные в СССР... С. 217—220.

[13] Там же. С. 221.

[14] Там же. С. 222.

[15] Там же. С. 938.

[16] Венгерские военнопленные в СССР. Документы 1941—1953 гг. М.: РОСПЭН, 2005. С. 463.

[17] Военнопленные в СССР... С. 271.

[18] Там же. С. 271, 272.

[19] Там же. С. 272.

[20] Там же. С. 272, 273.

[21] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 9401. Оп. 2. Д. 139. Л. 181.

[22] Там же. Л. 182.

[23] Там же. Л. 183.

[24] Военнопленные в СССР... С. 183.

[25] Там же. С. 280.

[26] ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 171. Л. 83.

[27] Там же. С. 106.

[28] Там же.

[29] Военнопленные в СССР... С. 310, 311.

[30] *Галицкий В.П.* Вражеские военнопленные в СССР (1941—1945 гг.) // Воен.-истор. журнал. 1990. № 9. С. 44, 45.

[31] *Епифанов А.Е.* Сталинградский плен: 1942—1956 годы (немецкие военнопленные в СССР). Мемориальный музей немецких антифашистов. М., 1999. С. 40, 41.

[32] *Гуркин В.В., Круглов А.И.* Кровавая расплата агрессора // Воен.-истор. журнал. 1996. № 3. С. 33.

[33] *Сидоров С.Г.* Военнопленные и интернированные в СССР. 1939—1956 гг.: связь с родиной // Вестник ВолГУ. Сер. 4: История. Философия. Вып. 3. Волгоград, 1998. С. 30—44.

[34] Русский архив... С. 547.

[35] Там же. С. 548, 549.

[36] Там же. С. 550.

[37] Там же. С. 523—530. ■

О.В. ФАЛЛЕР,
О.Л. МАЛЬЦЕВА

O.V. FALLER,
O.L. MALTSEVA

«ЖЕНЩИНА БЫЛА ДУШОЙ ГОСПИТАЛЯ...»

Первые женские медицинские формирования на театре военных действий

«WOMEN WERE THE SOUL OF THE HOSPITAL...»

The first female medical formations at the theater of operations

Сведения об авторах. *Фаллер Ольга Владимировна — начальник отдела культурных программ Департамента культуры Министерства обороны РФ, кандидат психологических наук, доцент (Москва. E-mail: ofaller@mail.ru);*
Мальцева Ольга Львовна — доцент Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций имени профессора М.А. Бонч-Бруевича, полковник, кандидат военных наук, доцент (Санкт-Петербург. E-mail: malcevakvn@mail.ru).
Аннотация. *В статье речь идёт о первых женских медицинских формированиях на театре военных действий: от Крестовоздвиженской общины сестёр попечения о раненых и больных в военных госпиталях до специальных формирований из женщин-врачей Высших женских врачебных курсов Петербургского Николаевского военного госпиталя.*
Ключевые слова: *сёстры милосердия; общины; военные госпитали; женские медицинские формирования.*

Information about authors. *Olga Faller — Head of the Cultural Programs Section at the Culture Department of the RF Ministry of Defense, Cand. Sc. (Psychol.), Assistant Professor (Moscow. E-mail: ofaller@mail.ru);*
Olga Maltseva — Assistant Professor of St. Petersburg State University of Telecommunications named after Prof. M.A. Bonch-Bruevich, Colonel, Cand. Sc. (Mil.), Assistant Professor (St. Petersburg. E-mail: malcevakvn@mail.ru).
Summary. *The paper focuses on the first female medical formations at the theater of war, from the Exaltation of the Cross Community of Nurses Tending to the Wounded and the Sick in military hospitals to special formations of female doctors at the Higher Women's Medical Courses of the Emperor Nicholas Military Hospital in St. Petersburg.*
Keywords: *hospital nurses; communities; military hospitals; female medical formations.*

В 1864 году на Дипломатической конференции была принята Женевская конвенция о создании в каждой стране добровольного общества помощи, члены которого должны готовиться и обучаться в мирное время (и это было новшество) оказанию помощи военно-медицинской службе в ходе военных действий, и о предоставлении правовой базы по защите военных госпиталей и медицинского персонала. Отличительным знаком добровольного общества являлся красный крест на белом фоне. Это было началом рождения гуманитарного права. Впервые война отступила перед законом.

Основатель Международного комитета Красного Креста Анри Дюнан подчёркивал: «Существованием Красного Креста мы сегодня обязаны благородному примеру оказания помощи раненым воинам во время Крымской войны, делу, вдохновительницей которого была Елена Павловна». Благодаря великой княгине Елене Павловне и профессору Н.И. Пирогову в декабре 1854 года впервые за всю историю Российского государства женщины по присяге отправились для помощи раненым воинам непосредственно на театр военных действий в Севастополь. Крестовоздвиженская община стала первым женским медицинским формированием по оказанию помощи раненым и больным во время Крымской войны. В Крымской и Русско-турецкой войнах женщины проявили себя не только в качестве сестёр милосердия и фельдшериц, но и в звании, требующем более обширного общего образования и специальных научных знаний, — в звании врача.

ИСТОРИОГРАФИЯ участия женщин в вооружённых конфликтах показала, что они были наиболее эффективны в области медицины: в военных госпиталях, на санитарных и хозяйственных работах. Первым официальным подтверждением этого явились принятые во времена реформ Петра I воинские уставы. В Уставе воинском 1716 года в главе 34 «О полевом лазарете» (или «шпитале») содержится следующая норма: «Понеже рядовые солдаты в поле и кампаниях от великих трудов и работы часто в болезни впадают и при жестоких акциях ранены бывают, что ради весьма потребно есть, чтоб для пропитания и пользования оным построить полевой лазарет, а над оным имеет учрежденным быть особливый шпитальный инспектор, доктор, священник, лекарь с доброю полевою аптекою и с некоторыми подмастерьями. Також-де потребно всегда при десяти больных быть для услужения одному здоровому солдату и нескольким женщинам, которые оным больным служить имеют, и платье на них мыть...»[1]. В 1722 году указом Петра I было «повелено в морских госпиталях: С.-Петербургском, Котлинском, Ревельском иметь из девичьих монастырей по одной старице и по одной помощнице ей...». Надо, правда, отметить, что функция этих первых сестёр ограничивалась главным образом хозяйством госпиталей («надзор за бельем и госпитальными работницами»). В 1725 году этот указ Екатериной I был отменён. После

Великая княгиня Елена Павловна

Петра I привлечение женщин для воинских нужд практически прекратилось. Это объясняется не столько военными, сколько социально-психологическими особенностями той эпохи.

В Уставе о непременных военных госпиталях (1728) и в Генеральном о госпиталях регламенте (1735) впервые юридически были определены функции женщин: хозяйственное и санитарное обслуживание.

В докладной записке на имя Н.И. Салтыкова от 21 мая 1790 года встречаем пожелание о введении «женского присмотра» за больными в госпиталях (Санкт-Петербургском, Кронштадтском и Ораниенбаумском), ибо «польза от сего весьма ощутительна».

В 1844 году в Санкт-Петербурге появилась Свято-Троицкая община сестёр милосердия. Её учредили дочери Николая I великие княжны Мария и Александра, а также приняли участие Пётр и принцесса Терезия Ольденбургские. Прототипом для неё стала община сестёр милосердия при детской больнице в Варшаве, где принцесса Терезия Ольденбургская побывала годом ранее. Для России это был совершенно новый тип благотворительного заведения, соединившего лечебные функции с воспитательными. Новшеством было и то, что с момента создания общины предполагалось совместить в одном комплексе стационар (женскую больницу) и общежитие сестёр милосердия. В 1855 году, в разгар Крымской войны, сёстры Свято-Троицкой общины работали в петербургской больнице для раненых и больных воинов.

Сёстры милосердия в те годы были и в Англии, и во Франции, но только в лазаретах и больницах внутри страны. Англичане, правда, довезли несколько сестёр до Константинополя, но оставили их там для обслуживания лазаретов в Скутарии. Так что России благодаря великой княгине Елене Павловне и профессору Н.И. Пирогову принадлежит почин в деле отправки сестёр Крестовоздвиженской общины попечения о раненых и больных в военных госпиталях непосредственно на театр военных действий в Севастополь в декабре 1854 года. Англичанам пришлось в этом уже подражать России, и первая партия их сестёр под начальством мисс Найтингель появилась под Севастополем только весной 1855 года.

Пребывание на войне женщин казалось обществу не только бесполезным, но и опасным в стратегическом плане — они будто бы будут стеснять армию при переходах и отступлениях и что вообще с прибытием их на театр военных действий ослабнет военная дисциплина. Много говорилось и о «слабости женского пола», и об «утрате женственности». Само служение женщины у постели больного не имело тогда ещё такого значения, каким оно стало позже. Побороть странный взгляд общества на зазорность служения больным интеллигентной женщины помогла великая княгиня Елена Павловна, которая ежедневно ездила в больницы и своими руками перевязывала кровоточащие раны. В созданную ею Крестовоздвиженскую общину сестёр попечения о раненых и больных в военных госпиталях (1854), ставившую своей задачей помощь раненым непосредственно на самом театре военных действий, стали вступать женщины разных сословий.

Уже одно то, что сёстры милосердия, имея возможность жить самостоятельно, на свободе, отказывались от своей личной жизни, от влекущих удовольствий мира, от своих желаний и отдавали себя на благо ближним, жертвуя своими физическими и нравственными силами, здоровьем, подвергая свою жизнь опасности заражения и самой смерти, — и всё это для помощи раненым и больным воинам на театре военных действий — представляло великий подвиг, на который не способна мелочная, эгоистичная душа. Вот что писал по поводу женщин на войне в своих путевых записках доктор И.О. Пильц: «Присутствие женщины возле кровати больного служит ручательством, что множество мелких желаний этих несчастных будет лучше исполнено, чем этого можно ждать от самой опытной мужской прислуги. Есть тут тонкости, которые трудно уловить, ещё труднее пересказать, но их как-то невольно чувствуешь». И дальше он продолжает: «Опрятность и чистота в палатах и кругом больных везде, где женская прислуга, — вещь совершенно естественная. С большим удовольствием я бы увидел у нас применение этого принципа в военных госпиталях»[2].

Крестовоздвиженскую общину сестёр попечения о раненых и больных в военных госпиталях торжественно открыли 5 ноября 1854 года, в день праздника Воздвижения Креста Господня, в церкви Михайловского дворца в присутствии её императорского высочества и многих приглашённых гостей. Сестёр приводили к присяге на один год службы (согласно правилам), но все понимали, конечно, что этот год может быть для многих из них наитруднейшим, а для некоторых и последним годом жизни. Поэтому и слова присяги казались им страшно значительными, «которые они повторяли кто вслух, кто шёпотом, но с одинаково встревоженно бившимися сердцами и с испариной на висках: эти слова падали на них, как ядра в октябрьскую канонаду там, в Севастополе»[3]. В заключение на каждую из них руками протоиерея Шишова был возложен крест на голубой ленте, составлявший лучшее утешение и гордость Крестовоздвиженской сестры.

Необычайность церемонии состояла в том, что впервые за всю историю Российского государства на театр военных действий по присяге отправлялись женщины для помощи раненым на службу, а служба в те времена была исклю-

чительно только военная (всякая другая называлась «должность»). Так появилась первая в мире военная служба для женщин.

Крестовоздвиженская община сестёр попечения стала новатором в создании первой медицинской формы. В Правилах общины было особым пунктом прописано, что сёстрам при отправлении на театр военных действий «назначается платье по утверждённой Ея Императорским Высочеством форме». И действительно, под руководством великой княгини Елены Павловны было разработано форменное платье для сестёр общины. При отправлении в Севастополь будущие сёстры милосердия были одеты в одинаковую, строго установленную форму: коричневые платья с белыми накрахмаленными обшлагами, ярко-белые и тоже накрахмаленные чепчики на простых гладких причёсках, белые фартуки с карманами и — самое главное и самое заметное — наперсные золотые продолговатые кресты на широких голубых лентах.

Во время Севастопольской кампании под руководством профессора Н.И. Пирогова сёстры Крестовоздвиженской общины работали непосредственно на передовых перевязочных пунктах, позднее по его указанию они были сконцентрированы на главном перевязочном пункте и в госпиталях.

23 декабря 1854 года несколько сестёр под управлением помощницы главной начальницы Э. Лоде начали работу в бахчисарайском военном госпитале. Что представлял собой бахчисарайский военный госпиталь того времени, можно видеть из следующего отзыва Пирогова: «Описать, что мы нашли в этом госпитале, нельзя: горькая нужда, славянская беззаботность, медицинское невежество и татарская нечисть соединились вместе в баснословных размерах… 350 больных, положенных на нарах, один возле другого, без промежутков, без разницы, с нечистыми вонючими ранами возле чистых… не перевязанных более суток. Это был уже не госпиталь, а нужное место… Только в Бахчисарае я начал предвидеть, в каком состоянии найду раненых защитников Севастополя, но всё-таки, что после нашёл — превзошло всю меру моих опасений»[4]. «За кого же считали солдата! Кто будет хорошо драться, когда он убеждён, что раненого бросят как собаку?»[5] — продолжал возмущаться Пирогов. После сражений раненые лежали на нарах или даже на голом полу «не только сплошь один подле другого, но даже отчасти один на другом». Роскошью были холщовые матрацы, набитые лыком и насквозь пропитанные мочой, гноем и кровью. В лазаретах «тысячи голосов взывали не о помощи, которую подать было невозможно, а о глотке воды; но нелегко было удовлетворить и такую смиренную просьбу: не было средства подойти к зовущему, иначе как наступив прежде на нескольких страдальцев»[6].

Не хватало врачей, совсем не было многих самых необходимых медикаментов; очень мало госпитальных служителей, а те, которые и были, оставленные без начальственного присмотра, старались ничего не делать. Госпитальное начальство, служители и даже иногда врачи не только не принимали мер к облегчению горькой участи страдавших защитников Севастополя, но, наоборот, на несчастье их строили своё благополучие, извлекая доход из всякого пустяка за счёт раненых. Вообще, что творилось в госпиталях Севастополя в начале войны, мы можем понять из такой фразы Пирогова: «В то время, когда вся Россия щипала корпию для Севастополя, корпией этой перевязывали англичане, а у нас была только солома»[7].

Но самым ужасным, что поразило Пирогова, было то, что «главнокомандующий ни разу не пришёл в госпиталь к солдатам, ни разу не сказал радушного слова тем, которые легли на смерть… не пришёл взглянуть, как лежали на нарах скученные, заморенные, полусгнившие легионы, высланные на смерть». «…Солдаты не знают своего полководца, полководец не заботится о своих солдатах», — пишет Пирогов в своих письмах к жене[8].

Вот в таких условиях — грабежа, беспечности, равнодушия со стороны командиров, недоверия к ним и даже прямой ненависти со стороны госпитального начальства — приходилось работать сёстрам. Невозможно передать словами, какие невероятные трудности и лишения они вынесли. «Только очевидец мог составить себе верное понятие о самоотвержении и героизме этих женщин», — говорил профессор Киевского университета Св. Владимира Х.Я. Гюббенет, который в Крымскую кампанию состоял при Севастопольском гарнизоне, пробыл там всю осаду, заведуя госпиталями левого фланга (его врачи работали на перевязочном пункте на Корабельной). «С редким мужеством переносили они не только тяжкие труды и лишения, но и явные опасности. Они выдержали бомбардирование с геройством, которое сделало бы честь любому солдату. На перевязочных пунктах и в госпитале они делали перевязки раненым, не трогаясь с места, несмотря на то, что бомбы то и дело летали кругом их и наносили присутствовавшим тяжёлые раны. Ещё более удивления достойны многие из них, с истинно христианскою любовью помогавшие врачам при самых трудных операциях, перевязывавшие кровоточащие сосуды с величайшим хладнокровием и подававшие больным всякого рода помощь»[9].

Они перевернули госпитали, по выражению Пирогова, «вверх дном», навели порядок и чистоту; они заботятся о пище, о питье, раздают чай и вино, чего нельзя было поручить служителям; наблюдают за служителями, и за смотрителями, и даже за врачами. Они ободряют страдальцев своим тёплым участием и ласковым обращением, утешают, пишут письма их родным, извещают последних и о смерти воинов, заботятся и об их христианском погребении. Отправив сестёр общины в Крым, великая княгиня оказала, как писал Пирогов, «услугу истинную страждущему человечеству и сделала переворот в госпиталях, введя в них чуткий женский элемент при уходе за больными»[10].

На перевязочном пункте в доме Дворянского собрания Пирогов впервые увидел помощниц. «При перевязке можно видеть ежедневно трёх или четырёх женщин, из них одна знаменитая Дарья, одна дочь какого-то чиновника, лет 17 девушка, и одна жена солдата. Кроме этих, я встречаю иногда ещё одну даму средних лет, в вуалях и с папироской в зубах. Это жена какого-то моряка. Да-

рья теперь является с медалью на груди, полученною от Государя, который велел её поцеловать Великим Князьям, подарил ей 500 рублей и приказал выдать ей ещё 1000 рублей, когда выйдет замуж. Она молодая женщина, недурна собой и, как кажется, легкого десятка. Под Альмой[11] она приносила бельё, отданное ей для стирки, и здесь в первый раз обнаружилась её благородная наклонность помощи раненым. Она ассистирует при операциях»[12]. Все эти женщины не входили в состав общины и трудились добровольно.

Особенно отметим Дашу Севастопольскую (Дарью Лаврентьевну Михайлову, по мужу Хворостову), которая считается одной из первых сестёр попечения (милосердия). В Альминском сражении, когда русские войска, сражаясь героически, под напором противника вынуждены были отступить к Севастополю, Дарья устроила в лощине перевязочный пункт и оказывала помощь раненым. Все 11 месяцев 16-летняя девушка работала в лазаретах и на перевязочных пунктах, перенося вместе с защитниками города обстрелы, отсутствие пищи и другие ужасы войны. Она была награждена императором денежной премией, а императрица прислала ей золотой крест с надписью «Севастополь».

По мысли Пирогова, сёстры должны были не только помогать врачам при операциях, раздавать лекарства, питьё и пищу больным и раненым, не только выслушивать последнюю волю умиравших и обещать твёрдо её исполнить — нет, они должны были стать и хозяйками в госпиталях, чтобы зорко следить за ворами-смотрителями этих весьма мрачных заведений. У сестёр, а не у госпитального начальства должны были храниться и личные деньги раненых и больных солдат, чтобы из этих денег покупать, по их желанию, то, на что не было отпущено средств казной, а в случае смерти больного отсылать деньги его родным.

По высочайшему повелению каждому воину за увечье выдавалось денежное пособие, иногда очень значительное — до 75 рублей. Но деньги у больных, лежавших без сознания, бессовестно похищались или же тратились самими больными на пустяки и водку. И вот сёстры, как любящие матери или жёны, взяли на себя добровольную хлопотливую опеку над ранеными, за что те были бесконечно благодарны. Только сёстрам они могли доверить свои деньги. Но и хлопот с этими средствами у сестёр было много: приняв деньги, надо было записать имя, полк, место жительства родственников, вести отчётность. Больные просили кто 10, кто 5 копеек, кто 1 рубль, крупные ассигнации менять иногда было негде, при перемещении больного нужно было возвращать его вклад и т.д. Иногда накапливалась большая сумма солдатских денег — до 2000 рублей и более, а хранить негде: ни комодов, ни сундуков. Но и с этими проблемами сёстры успешно справлялись.

На главном перевязочном пункте сёстры общины явились новаторами новой, разработанной Пироговым, системы организации труда. Сущность её заключалась в следующем.

Сёстры и медики были разбиты на четыре группы. Первая группа производила сортировку прибывавших раненых «по роду и градусу болезни»; все нуждавшиеся в экстренной помощи немедленно передавались второй группе, обслуживавшей перевязочную. Легкораненым тут же, в сортировочной, оказывалась необходимая помощь, и они отправлялись обратно в части (или другие лазареты). Третья группа обслуживала госпитализированных, обработка которых по каким-либо причинам откладывалась. Четвёртая группа, состоявшая из одних сестёр, обслуживала отделение умирающих и нетранспортабельных. Кроме этих четырёх групп были выделены две сестры-хозяйки. Они «были озабочены только тем, чтобы раздавать усталым и проголодавшимся или жаждущим раненым кому вина или пуншу, кому чаю или бульону».

Для каждой из групп профессор разработал точную инструкцию по выполнению их действий и решению задач. Такое распределение принесло огромную пользу для больных.

Кроме работы на перевязочных пунктах, в лазаретах и госпиталях в дни Севастопольской кампании стала востребована новая услуга сестёр: сопровождение транспортов с больными и ранеными. Было учреждено новое транспортное отделение, состоявшее из 9 сестёр под надзором старшей сестры. Две или три из них с достаточным запасом перевязочных средств, медикаментов, чая, сахара и белья должны были сопровождать транспорты, строго следя, чтобы раненые не испытывали в пути никаких недостатков.

В ходе осады Севастополя на разных перевязочных пунктах работали около 80 сестёр, и 4 из них были убиты. В то же время отряды сестёр находились и в других городах: Бельбеке, Херсоне, Николаеве, Бахчисарае, а после прекращения осады Севастополя — снова в Симферополе, Перекопе, Бериславле и Екатеринославле. Служение во всех этих городах, а также на Севере России — в Або и Гельсингфорсе было проникнуто той же беспредельной любовью к страждущим, тем же горячим желанием помочь им, спасти их. Из 120 сестёр Крестовоздвиженской общины, работавших в Крыму с декабря 1854 по 1 января 1855 года, умерли 17.

Все сёстры, которые служили во время Крымской войны, были удостоены бронзовой медали на Андреевской ленте. Сёстры из Севастополя, кроме этого, были награждены серебряной медалью на Георгиевской ленте.

Особо нуждавшимся сёстрам великая княгиня выделила единовременные денежные пособия до отправления их на театр военных действий, другие получали ежемесячные пособия по 6—15 рублей и, наконец, после окончания войны были выделены пособия всем без исключения в размере 100—300 рублей.

В 1867 году было создано Общество попечения о больных и раненых воинах. После присоединения России к Женевской конвенции общество было переименовано в Российское общество Красного Креста (РОКК) (1879). РОКК находилось под покровительством императрицы Марии Александровны. Основной его целью являлась подготовка опытного женского персонала для ухода за больными и ранеными как в военное, так и в мирное время: были организованы двухгодичные курсы сестёр милосердия, основана трёхгодичная женская фельдшерская школа.

С учреждением в 1867 году Общества попечения о больных

и раненых воинах, кроме уже существовавших Свято-Троицкой общины сестёр милосердия (1844), Крестовоздвиженской общины попечения о раненых и больных в военных госпиталях великой княгини Елены Павловны (1855) и Покровской общины сестёр милосердия великой княгини Александры Петровны (1858), в Петербурге начали утверждаться и другие общины: Св. Георгия (Георгиевская) (1870), Община сестёр милосердия Литейной части княгини М.Ф. Барятинской; в Москве: Никольская, Владычно-Покровская, «Утоли мои печали» княгини Н.Б. Шаховской (1872). В создании этих общин принимали участие высокопоставленные особы, не жалевшие ни средств, ни трудов, чтобы эти учреждения имели самые благоприятные условия для своей деятельности. Кроме того, Георгиевская и Покровская общины имели к тому же школы для фельдшериц.

В городах провинции также были учреждены общины сестёр милосердия: в Новгороде Екатерининская (1873), в Пскове Иоанно-Ильинская, в Одессе Стурдзовская община сердобольных сестёр, в Ялте Благовещенская Крымская (1875), общины сестёр Красного Креста имелись в Тифлисе, Костроме, Курске, Пскове, Вильне, Тамбове, Харькове, Варшаве, Ревеле, Гельсингфорсе[13].

В 1869 году утверждается устав для госпиталей, где впервые отмечается: «Для ухода за больными воинскими чинами при некоторых военных госпиталях назначаются сёстры милосердия по соглашению с обществами, при которых они состоят. Их права и обязанности определяются особым положением»[14].

Несмотря на положительные отзывы о работе сестёр в дни Севастопольской обороны, военное ведомство долгое время не решалось допустить их в военные госпитали. Обсуждение этого вопроса в Санитарном комитете вызвало горячие прения. После длительной дискуссии было наконец решено в виде опыта допустить сестёр в Московский, Варшавский-Уяздовский, Рижский и Херсонский госпитали и оставить их в двух госпиталях, где они работали до этого: в 1-м Сухопутном и Киевском. Официально в военные госпитали сёстры милосердия были допущены только в 1871 году (приказ по военному ведомству № 344 от 14 ноября). Их права и обязанности определялись особыми «Правилами для сестёр милосердия, назначаемых для ухода за больными и ранеными в военных госпиталях», утверждёнными военным министром.

В 1873 году военное ведомство пошло ещё дальше: сёстры, состоявшие в штатах госпиталей, приравнивались к офицерскому составу в плане пользования помещением, питания, бытовых услуг. За работу в военно-врачебных заведениях им устанавливалось жалованье: 25 рублей старшей и 15 рублей младшей сестре. При госпитале сёстрам предоставлялись бесплатная квартира и офицерское довольствие. Прослужившие в военном ведомстве не менее 25 лет приобретали право на пенсию в размере 100 рублей в год. Через 15 лет службы сёстры приобретали право на пенсию в случае утраты трудоспособности по болезни.

В 1875 году Министерством внутренних дел по согласованию с военным министром были изданы «Общие правила о сёстрах Красного Креста, назначаемых для ухода за больными и ранеными воинами».

Во время Сербско-турецкой войны (1876—1877) на театр военных действий прибыли женские медицинские формирования уже нескольких общин. Это был первый опыт деятельности русских женских медицинских формирований в другой стране.

Одними из первых в зону боевых действий убыли сёстры Крестовоздвиженской общины. 17 августа 1876 года отряд общины из 10 человек под начальством старшей сестры Н.А. Щеховской выехал на Балканы, в зону военных действий в Черногории. Сёстры развернули два военных госпиталя в Цетинье, каждый на 80—100 коек, также были арендованы 20 частных домов «кучи», в которых были размещены легкораненые. Сёстры распределялись следующим образом: «Одна сестра наблюдала за кухней и цейхгаузом, а три оставались для ухода за больными; одной сестре было поручено заведовать всеми кучами»[15]. Все сёстры были заняты на работе с 7 утра до позднего вечера. Наибольшую трудность в госпиталях и «кучах» представляло поддержание чистоты и тишины, так нужной для больных. При этом больных осаждали родные, знакомые, которые приносили грязь, поднимали шум и иногда оставались в госпитале на всю ночь. Но деятельность сестёр не ограничивалась госпиталем; в их распоряжении были склады белья и разных вещей, устроенные Обществом Красного Креста для раздачи бедным.

Сёстры общин работали не только в госпиталях, но и на передовых перевязочных пунктах. Так, на перевязочных пунктах работали 36 сестёр милосердия Московской Александровской общины «Утоли мои печали» под руководством основательницы общины княгини Н.Б. Шаховской. Целыми часами простаивали иногда сёстры на коленях, перевязывая раненых, в любую погоду, на открытом воздухе — во дворах, на улицах и прямо в поле, куда свозили ежедневно по 500—600 раненых. На отдых оставалось не более трёх часов в сутки. Надо отметить, что кроме ухода за ранеными и больными на сёстрах лежала ответственность за приготовление пищи и хозяйственную часть[16]. При отступлении армии они успевали быстро увозить раненых в безопасные места, не надеясь на милосердие противника, не признававшего никаких международных конвенций о сострадании к пленным.

За 8 месяцев деятельности другого отряда — общины Св. Георгия в Черногории — в его госпиталях лечились 1058 больных и раненых и были произведены 100 больших и 611 малых операций. Кроме того, был открыт ряд амбулаторных пунктов, где всем приходившим больным было дано 16 373 совета. При этих пунктах была организована раздача белья беднейшим жителям края[17].

Не осталась в стороне от тяжёлой участи раненых и больных на войне Покровская община великой княгини Александры Петровны. 10 июля она на свои средства отправила на театр военных действий группу врачей и студентов Медико-хирургической академии под руководством главного врача М.А. Лебедева (всего 10 человек) и 19 сестёр милосердия, которые составили Черногорский отряд при Покровской общине.

Самоотверженное служение русских сестёр в Сербии и Черногории во время их войны с Турцией было знаменательным предвестником помощи и участия в судьбе раненых и больных воинов, которую исполняли они впоследствии во время Русско-турецкой войны. Ещё не последовало объявления войны, ещё шли переговоры и приготовления к ней, как уже значительное число русских женщин заявляли о своём желании и намерении посвятить себя уходу за ранеными.

Первый опыт участия в войне женщин, получивших высшее медицинское образование в России, пришёлся на Сербско-турецкую войну. Россия оказывала Сербии материальную помощь и помощь добровольцами. Среди добровольцев находились также врачи и фельдшера, согласившиеся помогать раненым и больным сербам и черногорцам. Несколько женщин старших курсов воспользовались отпуском и выехали в составе смешанных санитарных отрядов на Балканы. Среди них были слушательницы пятого, две — четвёртого и одна — третьего курсов: С.И. Больбот, Е.А. Маркова, Н.П. Яновская, В.А. Петрова, В.П. Матвеева, Ю.А. Курвуазье, А.Н. Подрезан, П.А. Быстроумова, Н. Драгневич. В качестве фельдшериц они активно помогали военным врачам во время операций в лазаретах и на перевязочных пунктах. Одним из отрядов руководил доктор А. Щербак. Он писал во «Врачебных ведомостях»: «Нельзя не удивляться той энергии, неутомимости и постоянству, которые существуют в них. Невзирая на все трудности, неудобства, лишения и подчас опасности, которым подвергается перевязочный пункт, они неуклонно остаются верны той деятельности, которую приняли на себя, будучи не только разумными и деятельными помощниками врача, но подчас и заменяя его»[18].

Все слушательницы, работавшие в лазаретах и на перевязочных пунктах, вернулись домой в ноябре 1876 года с благодарственными отзывами. Это не были ещё женские медицинские формирования врачей, так как убывших на войну женщин было немного. Но уже во время Русско-турецкой войны появились первые такие формирования.

С началом Русско-турецкой войны (1877—1878) сёстры общин работали не только в госпиталях, санитарных поездах, но в целом ряде случаев и на передовых перевязочных пунктах, и в дивизионных лазаретах.

Так, 16 сестёр Крестовоздвиженской общины обслуживали передовой перевязочный пункт при переправе русских войск через Дунай у Зимницы. Отряд сестёр общины принимал участие в перевязке раненых во время упорных боёв под Плевной. Это были самые тяжёлые дни для Зимницкого отряда: только за первый день поступили 3000 раненых.

12 сестёр общины Св. Георгия участвовали в операции по форсированию Дуная при Зимнице; летучий отряд из четырёх сестёр общины работал на перевязочных пунктах и в дивизионном (полевом) лазарете при Аясларе, Езерджике, Карагасан-Киой. При отступлении 13-го корпуса этот летучий отряд шёл в арьергарде, собирая отставших раненых и больных.

Об оперативном применении летучих медицинских отрядов, условиях работы в них сестёр милосердия можно судить по их письмам. В одном из них от 17 октября 1877 года говорится: «Наш летучий отряд вёл бродячую, походную жизнь, переезжал с места на место, стараясь быть там, откуда легче узнать было, где ожидается дело, чтобы скорее на него попасть, так как дорога, расстояние, извещение, всё это составляло огромные затруднения. Жили мы по разным деревням: в Горном и Дольном монастырях, Карасане, Капровище, Бапачки и Обертенике и побывали на перевязочных пунктах после дел при Симанкией, Церковной и Иван-Чифтлике, затем поработали в Обертенике, при лазарете 33-й дивизии, а теперь снова в Беле, в 48-м госпитале»[19].

В этой войне впервые приняли участие выпускницы из Школы фельдшериц при общине Св. Георгия. Дипломированные фельдшерицы оказали большую практическую помощь в лечении раненых и больных.

Для участия в вооружённом конфликте Свято-Троицкой общиной были сформированы два отряда, переданные в распоряжение Главного управления РОКК. Первый из них, возглавлявшийся Е.А. Кублицкой-Пиотух, включал 11 сестёр общины и 9 дам, решивших посвятить себя уходу за больными и ранеными воинами. Этот отряд работал в эвакуационном бараке в Яссах. Второй отряд работал в лазарете 1-го отделения Санкт-Петербургского Дамского комитета, развёрнутом в Киприановском монастыре в Бессарабии. Оценка работы сестёр в эвакуационном бараке была дана в отчёте главноуполномоченного Красного Креста: «Отряд Свято-Троицкой общины явился в виде прекрасно подготовленного, прочно организованного и замечательно дисциплинированного целого и послужил кадром и образцом для отрядов, прибывших в Яссы позже. Самая важная заслуга в высокополезной деятельности Свято-Троицкого отряда принадлежит, без сомнения, начальнице его Е.А. Кублицкой, которая с необыкновенным умением, опытностью и кротостью руководила действиями сестёр не только своего отряда, но и всех других групп, прибывших в эвакуационный барак, и с редкою для её преклонных лет живостью и энергией разделяла с сёстрами все их труды, проводя целые дни в бараке и подавая пример трудолюбия и самоотвержения»[20].

Настоятельница общины сестёр милосердия «Утоли мои печали» княгиня Н.Б. Шаховская уже через четыре месяца после возвращения с Сербско-турецкой войны, в апреле 1877 года, была в Бессарабии, объезжая монастыри для найма прислуги для госпиталей на театре военных действий. Вскоре к ней прибыли 118 сестёр общины и начали свою самоотверженную работу. Нередко случалось работать по 16—19 часов в особенно тяжёлые дни, и так же, как и в предыдущей войне, из-за недостатка помещений приходилось в дни прибытия транспорта перевязывать раненых на открытом воздухе, при высокой температуре болгарского лета и пронизывавших холодах сырой, дождливой осени. Исключительная ответственность, лишения, бессонные ночи, нравственные страдания — всё это привело к тому, что только 45 сестёр вместе с настоятельницей выдержали до конца войны; остальные заболе-

ли и были отправлены в Москву, а некоторые отдали свои жизни.

Очевидцы в своих воспоминаниях отзывались о деятельности женщин на войне с особой похвалой, отдавая дань уважения высокой «подвижнице и труженице», какой, по их словам, явилась русская женщина. Корреспондент Е. Утин, писавший в разные органы русской печати, нередко останавливал в своих заметках общественное внимание на прекрасной и безупречной деятельности русской женщины. Его отзывы проникнуты особым и глубоким чувством уважения к самоотверженности сестёр милосердия и женщин-врачей. «Все, конечно, — писал Утин, — работали с неутомимой энергией, любовью, самоотвержением, но всё-таки на долю женщин выпало самое тяжкое дело. Женщина была душой госпиталя, она была и у кровати больного, она присутствовала во время ампутаций, она перевязывала раненого, она смотрела за чистотой, она наблюдала, чтобы больной получал пищу, заглядывала в котлы, заботясь, чтобы раненого не отравили гнилью; всюду чувствовалось её присутствие, но зато она и не знала покоя ни днём, ни ночью. Нельзя себе представить ту громадную разницу, которая существовала между госпиталем с сёстрами милосердия и госпиталем, где их не было. Стоило только войти в любую палату, чтобы, не спрашивая, знать, есть тут сёстры или нет. Там, где были сёстры милосердия, там и воздух лучше, и в комнатах чисто, и постельное бельё опрятно, там, кажется, больные и раненые меньше страдают. Нет сестёр — всё грязно и производит отталкивающее впечатление, там больные и раненые представляют несравненно более жалкий вид. Во время войны в госпиталях и бараках можно было убедиться, что в деле помощи больным и раненым ничто не способно заменить женской руки. Мне приходилось, само собой разумеется, наблюдать деятельность сестры милосердия и в сравнительно спокойное время, т.е. в те дни, когда ни откуда не доносился мучительный гул орудий, в госпиталях, не ожидавших с минуты на минуту подвоза нового транспорта больных и раненых; случалось видеть её и в тревожные дни, накануне сражений, наконец она прошла перед моими глазами в страшные ночи, следующие за битвой, когда десятки тысяч раненых превращают перевязочные пункты в невообразимый ад. И везде во всех случаях сестра милосердия всегда оставалась верна себе»[21].

Сёстры общины показали на войне образцы великодушия, человеколюбия, терпения, самоотвержения, не думая ни о каких наградах. Тем не менее их работа была оценена как непосредственным начальством, так и правительством. В память о прошедшей войне сёстры, работавшие на перевязочных пунктах, были удостоены бронзовых светлых медалей, учреждённых в память Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., а остальные, трудившиеся в госпиталях, бронзовых тёмных медалей. Некоторые из сестёр милосердия по особому представлению главнокомандующего великого князя были награждены особыми серебряными медалями с надписью «За храбрость», как то: Духонина, Бойэ, Ольхина, Полозова, Юханцева, Энгельгардт. Кроме этого, старшие сёстры Калинкинского морского госпиталя Трембовицкая и Александровской больницы Быстрицкая получили от Общества Красного Креста золотые часы за наблюдение за добровольными лицами, обучавшимися в означенных учреждениях уходу за больными; наконец, 6 сестёр, которые находились в санитарном поезде, получили знак отличия, установленный Обществом Красного Креста в память войны.

В Русско-турецкую войну на театр военных действий были командированы 52 слушательницы высших Женских врачебных курсов Петербургского Николаевского военного госпиталя. Они составили первое медицинское формирование из женщин-врачей. Практическая деятельность прибывших слушательниц во время войны была сконцентрирована в двух пунктах: в госпиталях действующей армии и в Ясской эвакуационной комиссии, в тылу армии.

Участница двух войн Н. Драгневич позже вспоминала: «В области военно-полевой хирургии некоторые из нас не были новичками, так как ещё за год до этого, в 1876 году, работали в Сербии на театре войны, где нам приходилось, между прочим, извлекать очень много пуль»[22].

Наблюдения за больными делали многие женщины, бывшие на войне. Меткость и основательность их заметок указывает на солидное медицинское образование женщин и на эффективность их деятельности. Война в этом отношении явилась как бы пробным камнем, она ещё раз подчеркнула способность женщины к высшему образованию и к самостоятельной специальной практической деятельности.

Им уже была доступна хирургия, они проводили серьёзные операции с таким же хладнокровием, уменьем и успехом, как и мужчины. Из многих свидетельств приведём одно из практики 47-го военно-временного госпиталя: «Состоявшими при нём женщинами-врачами было проведено много операций, как то: Бантле произвела ампутацию бедра и экзартикуляцию всех пальцев, Соловьёва — ампутацию бедра в верхней трети, Матвеева — резекцию локтя, ампутацию голени, плеча, операцию Лисфранка, Остроградская — ампутацию голени»[23]. В других госпиталях и на перевязочных пунктах, где находились на службе женщины-врачи, они также показали достаточные знания в хирургии. Некоторые из них, кроме того, были ординаторами в специальных отделениях, например глазных.

В феврале 1878 года полевым военно-медицинским инспектором был представлен доклад начальнику штаба действующей армии следующего содержания: «Слушательницы Женских врачебных курсов, командированные в действующую армию, с самого начала кампании, при непомерном рвении, сознательном понимании дела, выказали себя с самой лучшей стороны и доставленной ими хирургической и терапевтической помощью в госпиталях вполне оправдали, в этом первом опыте, ожидания высшего медицинского начальства. Самоотверженная работа женских ординаторов, среди опасностей и лишений, среди тифозной болезненности, жертвой которой была не одна из них, обратила на себя общее внимание и, как первый пример применения

женского труда в военном деле, заслуживает отличия и поощрения.

По сему решаюсь убедительно просить ваше высокопревосходительство ходатайствовать перед его императорским высочеством главнокомандующим о награждении участвовавших в войне слушательниц Женских врачебных курсов, не в пример другим, орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами или другим знаком отличия»[24].

Такое же одобрительное свидетельство было выдано Ясской эвакуационной комиссией слушательницам Женских врачебных курсов в том, что они во все времена служения исполняли свои обязанности с ревностью и научным пониманием дела и оказали существенную пользу в деле оказания медицинской помощи раненым и больным воинам.

Таким образом, в Русско-турецкую войну на обоих театрах военных действий — Балканском и Кавказском, в различных полевых медицинских учреждениях впервые уже с официального разрешения приняло участие формирование женщин-врачей. Именно тогда начал осуществляться принцип организованного применения женского медицинского персонала на войне.

Много писем, дневников, воспоминаний, путевых записок участниц тех событий было опубликовано в журналах «Русская старина», «Русское богатство», «Исторический вестник», «Русская мысль», «Русский вестник», «Вестник Европы»[25]. Читаются они с огромным интересом, передают нелёгкий труд женщин-врачей на театре военных действий, волнуют своей преданностью делу, стремлением оказывать помощь раненым воинам, совершенствовать своё мастерство и получать практические навыки в боевых условиях.

Приказом по военному ведомству № 114 от 31 мая 1887 года сёстры были введены в штаты полевых подвижных, полевых запасных и сводных госпиталей и в штат военно-санитарного транспорта. По этим штатам было положено: в полевых подвижных госпиталях — 4 сестры; в запасных — 4; в сводных госпиталях на 420 мест — 8 сестёр, на 630 мест — 12; в военно-санитарных транспортах — 2 сестры. По этому приказу «убыль сестёр в госпиталях во время войны пополняется попечением общества Красного Креста, по сношению Полевого военно-санитарного управления с главноуполномоченным общества на театре военных действий». В 1900 году приказом по военному ведомству штат сестёр в военных госпиталях был значительно увеличен.

В изданном в 1899 году «Сборнике законоположений по военному и морскому ведомствам, относящихся до службы сестёр милосердия во врачебных заведениях сих ведомств» прописаны обязанности сестёр милосердия, права, сроки службы, пенсионное обеспечение как по выслуге лет, так и при заболеваниях или получении ран и увечий. Так, например, ст. 152 определяла обязанности сестёр: «Главная обязанность сестёр милосердия есть уход за больными и забота о предоставлении последним всех возможных удобств». Ст. 170 гласила: «Сёстры, прослужившие в штате госпиталя двадцать лет, пользуются правом на пенсию из Государственного казначейства, по положению. Для тех же, которые сделаются по болезни неспособными к исполнению своих обязанностей, срок службы на право пенсии сокращается на десять лет». В ст. 632 говорилось: «Сёстрам милосердия при войсках и военных госпиталях, а равно сёстрам Красного Креста и другим лицам женского пола, допущенным военным начальством к уходу за больными и ранеными в военное время, в случае получения ими ран и увечий при исполнении служебных обязанностей назначаются пенсии из инвалидного капитала…»[26].

Таким образом, законом предоставлялась возможность женщинам служить в системе военного и морского ведомств (пока лишь в области медицины), что по сравнению с предыдущими годами было прогрессивным шагом, поскольку труд женщин внедрялся на государственном уровне в систему военного ведомства с вытекавшими отсюда обязанностями и правами.

В мае 1903 года сестринская форма была установлена Российским обществом Красного Креста единой и однообразной для всех общин и определялась уставом РОКК: зимой — шерстяное платье коричневого цвета, белый передник с нашитым на груди красным крестом и белая головная косынка. Летом — платье из холста. Эту форму сёстры не имели права снимать не только на дежурстве, но и в часы отдыха, пока находились в общине. При исполнении своих обязанностей сёстры носили на левой руке белую повязку с красным крестом[27].

С началом Русско-японской войны (1904—1905) вместе с госпиталями, лазаретами, полевыми подвижными госпиталями, военно-санитарными транспортами прибывали и сёстры милосердия, а вместе с ними летучие отряды и резервный медицинский персонал. Первыми продолжили свою деятельность на полях сражений сёстры Крестовоздвиженской общины: накануне войны они были командированы в госпиталь Порт-Артура, Крестовоздвиженский госпиталь в Мукдене открылся 24 апреля 1904 года.

Примечательной особенностью этой войны была служба на медицинских плавучих лазаретах для перевозки раненых по рекам Амуру и Сунгари и на госпитальных кораблях («Монголия», «Кострома», «Казань», «Орёл»), которые переоборудовались из обычных судов, чего не было в предыдущих военных конфликтах.

В мае 1904 года Красный Крест уже располагал в зоне боевых действий 13 500 кроватями, из которых 2000 приходились на долю земской организации и 700 — дворянства. Госпитали, работавшие под флагом Красного Креста, разделялись на собственные Красного Креста, дворянской и земской организаций и содержавшиеся на частные средства или на особых условиях.

Сёстрам милосердия и всему медицинскому персоналу приходилось работать в особо трудных условиях. Тем более интересно ознакомиться с воспоминаниями и дневниками непосредственных участниц этой войны.

1 февраля 1904 года медицинский отряд сестёр общины Св. Георгия убыл на театр военных действий. В Российской национальной библиотеке сохранился дневник сестры милосердия общины Св. Георгия О.А. фон Баумгартен, непосредственной

участницы грозных событий, в котором она описала свою и сестёр общины работу в 10-м военно-временном госпитале. О.А. фон Баумгартен писала: «Дай Бог в будущем никому не видеть и не пережить всего того, что мы здесь видим и переживаем»[28]. Было так тяжело, что «временами казалось, что приходит конец света; так всё близко подходит к тем представлениям, которые мы себе составили о конце земного шара, что нет сил отогнать от себя ощущения, чувства и мысли о близкой нашей гибели», — продолжала она. Оставшиеся в живых завидовали умершим, так как были убеждены, что всем неминуемо придётся погибнуть, но только после ужасных мучений — голода, холода и болезней: цинги, холеры, тифа или от свирепости жестокого победителя. Помощи ждать неоткуда. Непрерывные штурмы, неумолкающая канонада, разрушающиеся то тут, то там дома, смерть кругом — всё это било по нервам, не давало возможности поспать хотя бы два часа в сутки. Вредные газы, которые появлялись после разрыва японских гранат и снарядов, вызывали сильные головные боли и рвоту. «Мало удовольствия постоянно работать под ливнем снарядов, — пишет сестра. — Вечером ляжешь и не знаешь, проснёшься ли на этом свете… Ежесекундно мы должны быть готовы встретить смерть».

Весь медицинский персонал переболел, а на лечение и времени нет: больных всё подвозят и подносят, и немыслимо оставить работу. Вот запись сестры фон Баумгартен после одного из штурмов: «Ждём раненых, не спим до двух часов ночи, но больных не везут. Решили лечь спать. И только устроились поспать — стучат. Нас, сестёр, требуют на работу. По обеим сторонам коридора поставлена вереница носилок с тяжелоранеными; то же неимоверное количество во второй прихожей, напротив аптеки, изнурённых, несчастных… У кого оторвана рука, у кого раздроблена челюсть, гортань или прострелен язык. Повязки их, а также одежда пропитаны кровью, тело грязное, давно немытое; волосы в пыли; кто в сознании; кто спит крепким-крепким сном; кто мечется в судорогах»[29]. «Все привезённые раненые просят воды. “Сестричка, хоть перед смертью один глоточек!” Бывает, что и в этом случае не найдёшь… А сёстрам каково? Хотят облегчить страдания больного, а нечем. Это хуже всякой пытки!..»[30].

И во всём дневнике этой замечательной сестры общины Св. Георгия О.А. фон Баумгартен нет ни одной жалобы на своё тяжёлое положение. Она болеет только чужой болью; возмущается злоупотреблениями начальства военных госпиталей, смущается недостаткам лекарств, необходимых медицинских принадлежностей, грязью, матрацами и подушками, набитыми наполовину землёй, наполовину травой, и т.п. Она едет к уполномоченному Красного Креста и достаёт у него всё необходимое. Она читает лекции добровольным сёстрам и постоянно сменяющимся госпитальным служителям, учит их уходу за больными: как следует поднимать, носить, переодевать.

Многие имена остались нам неизвестны. Их непрерывный подвиг не так заметен на театре военных действий, как яркие примеры храбрости солдат и дальновидности распоряжений полководцев. Да, к сожалению, и не в обычае у нас увековечивать и чтить добродетель. Но мы имеем достоверные сведения, что таких скромных сестёр милосердия было множество. Вот одна из них — Евдокия Алексеевна Воронова.

С началом войны очень богатая женщина Е.А. Воронова на свои средства и на пожертвования знакомых составляет целый санитарный летучий отряд. Но ему долгое время не дают разрешения ехать на позиции. Тогда Евдокия Алексеевна не выдерживает и едет прямо к главнокомандующему маньчжурской армией генерал-адъютанту А.Н. Куропаткину, добивается аудиенции и получает «приказ» помогать ближним. «Желаю вам успеха, сестра; поезжайте на ваше святое дело, с Богом!» — напутствует Куропаткин.

Воронова со своим летучим отрядом отправилась на театр военных действий. Её энергии удивлялись многие. «Она везде поспевает: снимает с двуколок доставленных искалеченных солдат, отмачивает повязки, накладывает новые, даёт пить одним, утешает других, даёт марлю, эфир, спирт, объезжает верхом на лошади свой район. Работает, не покладая рук, голодная, питаясь иногда кое-чем, часто по два дня без отдыха, утомленная, измученная. Где только она брала силы, откуда они являлись в ней? — удивлялся военный корреспондент В.И. Немирович-Данченко. — Кажется, самой сейчас на носилки — а она вся в кипении страшного дела, в страде, подобной которой никто не придумает»[31].

Русско-японская война ещё раз подтвердила высокие моральные качества представительниц прекрасного пола и подняла их авторитет на небывалую высоту. Больше половины участниц войны были удостоены различных наград. Так, золотой и серебряной медалью на Аннинской ленте были отмечены женщины-врачи и фельдшерицы: Р.Г. Гуляева, Е.Ф. Докучаева, Н.А. Кашеринова, Е.Ф. Керенская, Н.В. Рено, студентка В. Никонова, а врач А. Ткачёва, кроме серебряной медали на Аннинской ленте, получила золотую и серебряную «За храбрость» на Георгиевской ленте. Некоторые из сестёр общин прошли по три войны и имели по несколько медалей, среди которых и самые почётные — золотые и серебряные на Георгиевской ленте.

К концу 1912 года в 109 общинах Красного Креста насчитывались 3442 сестры милосердия с двухлетней подготовкой. Недостаток в квалифицированных сёстрах дал себя сильно почувствовать в войну 1914—1918 гг. Только к началу 1916 года общее число сестёр достигло 24 966 человек, из них сестёр общин было всего 6288[32].

С началом Первой мировой войны, когда стали появляться тысячи жертв: раненые и искалеченные, отравленные удушливым газом, умершие от ран и убитые, значительно возросла роль Красного Креста. Скромный образ сестры милосердия, поддержанный активной пропагандой, по сути, стал символом патриотической мобилизации женщин всех возрастов и сословий.

На страницах журналов публиковались очерки о сёстрах милосердия, участницах громких сражений, свидетельницах великих побед русского оружия. Можно было встретить статьи и фотографии самой, пожалуй, известной

сестры — Екатерины Михайловны Бакуниной, которая в составе Крестовоздвиженской общины попечения о раненых и больных в военных госпиталях приняла участие в обороне Севастополя в 1855 году.

Форма сестёр милосердия внушала искреннее уважение и стремление подражать. Появились даже соответствующие детские костюмы с красным крестом, в которых маленькие девочки с удовольствием выступали перед ранеными в госпиталях, участвовали в различных благотворительных акциях и проводах военнослужащих на фронт.

Российское общество Красного Креста при командировании сестёр милосердия на театр военных действий дополнительно выдавало им кожаные куртки и тёплое ватное белье. Медицинский персонал РОКК обязан был носить на левой руке белую нарукавную повязку с эмблемой Красного Креста и личным номером, который указывался в удостоверении сестры милосердия. При сопровождении раненых на улице такая повязка надевалась на верхнюю одежду. Это должно было отличить сестёр РОКК от дам, не имевших на это права, но нередко облачавшихся в ставшую модной сестринскую форму.

В марте 1915 года с целью окончательной унификации формы одежды общин Главное управление РОКК издало специальные Правила ношения формы. Отныне каждая «крестовая» сестра, т.е. прошедшая соответствующее испытание и имевшая официальное звание сестры милосердия, зимой носила шерстяное коричневое платье длиной до щиколотки с белыми широкими манжетами. Поверх надевался полотняный передник с двумя лямками (или без них) и широким нагрудником, в центре которого алел крест. Голову и плечи сёстры покрывали белым платком. В тёплое время носили серое полотняное платье с теми же аксессуарами.

Кто не имел звания сестёр милосердия РОКК и входил в состав женского санитарного персонала, носили такую же форму, но без креста на груди. И те и другие при исполнении служебных обязанностей надевали широкую белую повязку с красным крестом на левый рукав платья (или верхней одежды).

Распространённой верхней одеждой женщин, служивших в РОКК, были драповые или суконные пальто. Однако со второй половины 1916-го и особенно в 1917 году сёстры милосердия стали предпочитать чёрные кожаные куртки, называвшиеся «шведками».

27 августа 1917 года был проведён 1-й Всероссийский делегатский съезд сестёр милосердия, на котором с докладом выступил доктор А. Войнич-Сяноженцкий. Он подвёл итоги деятельности сестёр милосердия за три года, высоко оценив их службу на полях сражений, и призвал их стать на положение военнообязанных[33]. Такого в истории русской армии ещё не было, чтобы женщины-медики наравне с мужчинами стали военнообязанными. Все предыдущие годы они приезжали на театры военных действий добровольно, в качестве гражданских лиц. Резолюция не прошла. В те годы женщины не стали военнообязанными, но женские воинские и флотские формирования всё же начали создаваться. Была попытка подготовить из женщин и офицерские кадры. Практика привлечения женщин в армию получала всё большее развитие по мере продолжения войны. В тот период наблюдалось как увеличение количества женщин в армии, так и расширение перечня их воинских специальностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Устав воинский. 1716 г. СПб., 1777. С. 148.

[2] *Пильц И.О.* По полям битв и лазаретам в 1870 г.: из путевых записок доктора И.О. Пильца. СПб.: тип. Гогенфельдена и К°, 1871. С. 44, 45.

[3] *Сергеев-Ценский С.Н.* Севастопольская страда: эпопея в 3 кн. / Ил. П.Я. Павлинова. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1942. С. 251.

[4] Севастопольские письма Пирогова Н.И. / Сост. А. Пирогова. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. С. 33, 34.

[5] Там же. С. 18.

[6] *Богданович М.И.* Восточная война 1853—1856 годов / Соч. чл. Имп. Рус. истор. о-ва ген.-лейт. М.И. Богдановича. 2-е изд., испр. и доп. Т. 4. Гл. 37. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1877.

[7] *Махаев С.К.* Подвижницы милосердия. Русские сёстры милосердия (краткие биографические очерки). М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1914. С. 12.

[8] Севастопольские письма Пирогова Н.И. С. 20, 21.

[9] *Гюббенет Х.Я.* Очерк медицинской и госпитальной части русских войск в Крыму в 1854—1856 гг. Прил. к «Описанию обороны Севастополя» [Э.И. Тотлебена] / Сост. проф. Ун-та Св. Владимира Х. Гюббенет. СПб.: Тип. Н. Неклюдова, 1870. С. 18, 19.

[10] Севастопольские письма Пирогова Н.И. С. 38, 45, 51.

[11] 20 сентября 1854 г. в сражении на р. Альме англо-французы отбросили войска князя Меншикова и приблизились к Севастополю.

[12] Севастопольские письма Пирогова Н.И. С. 26, 27.

[13] *Илинский П.А.* Русская женщина в войну 1877—1878 гг.: очерк деятельности сестёр милосердия, фельдшериц и женщин-врачей. СПб.: Типо-лит. П.И. Шмидта, 1879. С. 272.

[14] Россия. Военное министерство. Положение о постоянных военных госпиталях. СПб., 1869. С. 209.

[15] Очерк двадцатипятилетней деятельности Крестовоздвиженской общины сестёр милосердия. СПб.: Тип. В.И. Грацианского, 1879. С. 63.

[16] *Махаев С.К.* Указ. соч. С. 64, 65.

[17] Община сестёр милосердия Св. Георгия: исторический очерк Общины сестёр милосердия Св. Георгия в Санкт-Петербурге за двадцатипятилетие (1870—1895). СПб., 1895. С. 9.

[18] *Щербак А.* // Врачебные ведомости. 1876. 23 сентября.

[19] Сборник военных рассказов, составленных офицерами — участниками войны 1877—1878. Т. 6. СПб., 1879. С. 352.

[20] *Махаев С.К.* Указ. соч. С. 42, 43.

[21] *Илинский П.А.* Указ. соч. С. 48.

[22] *Драгневич Н.* Из воспоминаний женщины-врача // Русское богатство. 1903. № 1. С. 64.

[23] *Илинский П.А.* Указ. соч. С. 192.

[24] *Сущинский П.П.* Женщина-врач в России: очерк десятилетия Женских врачебных курсов, 1872—1882 гг. СПб.: Тип. Н.А. Лебедева, 1883. С. 15, 16.

[25] *Дагневич Н.* Страничка из воспоминаний бывшей студентки (1877) // Исторический вестник. 1901. № 8. С. 528—537; *Некрасова В.С.* Студентки на войне // Русская мысль. 1898. № 6—7; *Дагневич Н.* Из воспоминаний женщины-врача // Русское богатство. 1903. № 1.

[26] Сборник законоположений по военному и морскому ведомствам, относящихся до службы сестёр милосердия во врачебных заведениях сих ведомств. СПб., 1899.

[27] Российское общество Красного Креста. Нормальный устав общин сестёр милосердия Российского общества Красного Креста. СПб., 1910.

[28] *Баумгартен О.А. фон.* В осаждённом Порт-Артуре: дневник сестры милосердия О.А. фон Баумгартен. [СПб.]: Тип. А.С. Суворина, 1906. С. 189.

[29] Там же. С. 112, 113.

[30] Там же. С. 115.

[31] *Махаев С.К.* Указ. соч. С. 71.

[32] *Ивашов Н.Н.* Сёстры милосердия в русской армии // Военно-медицинский журнал. 1945. № 7—8 (июль-август). С. 50.

[33] Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 12651. Оп. 10. Д. 35. Л. 7—8. ■

А.Е. ПОТАПОВ,
С.В. ЯНУШ

A.Ye. POTAPOV,
S.V. YANUSH

ВТОРАЯ АХАЛТЕКИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1880—1881 гг.

(к 140-летию окончания Ахалтекинских походов 1879—1881 гг.)

THE SECOND AKHALTEKE CAMPAIGN OF 1880—1881

(on the 140th anniversary of the end of the Akhalteke campaigns of 1879—1881)

Сведения об авторах. *Потапов Андрей Евгеньевич — преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Краснодарского высшего военного авиационного училища лётчиков имени Героя Советского Союза А.К. Серова, подполковник запаса, кандидат исторических наук (г. Краснодар. E-mail: andrey140161@mail.ru);*

Януш Сергей Владимирович — профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Краснодарского высшего военного авиационного училища лётчиков имени Героя Советского Союза А.К. Серова, почётный работник высшего профессионального образования РФ, полковник запаса, доктор исторических наук (г. Краснодар. E-mail: iancos@mail.ru).

Аннотация. *Статья посвящена участию кубанских казаков во второй Ахалтекинской экспедиции 1880—1881 гг., в осаде и штурме крепости Денгиль-Тепе под руководством генерал-лейтенанта М.Д. Скобелева.*

Ключевые слова: *кубанские казаки; текинцы; сотни Лабинского, Полтавского, Таманского полков; М.Д. Скобелев; Н.И. Гродеков; Денгиль-Тепе; Ахалтекинский оазис.*

Information about authors. *Potapov Andrey — teacher of the Department of Humanitarian and socio-economic disciplines of the Krasnodar higher military aviation school of pilots named after Hero of the Soviet Union A.K. Serov, Lieutenant Colonel (res.), Cand. Sc. (Hist.) (city of Krasnodar. E-mail: andrey140161@mail.ru).*

Yanush Sergey — Professor of the Department of Humanities and socio-economic disciplines of the Krasnodar higher military aviation school of pilots named after Hero of the Soviet Union A. K. Serov, honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, Colonel (res.), D. Sc. (Hist.) (city of Krasnodar. E-mail: iancos@mail.ru).

Summary. *The article is devoted to the participation of Kuban Cossacks in the second Akhalteke expedition of 1880—1881, in the siege and assault of the fortress of Dengil-Tepe under the leadership of Lieutenant General M.D. Skobelev.*

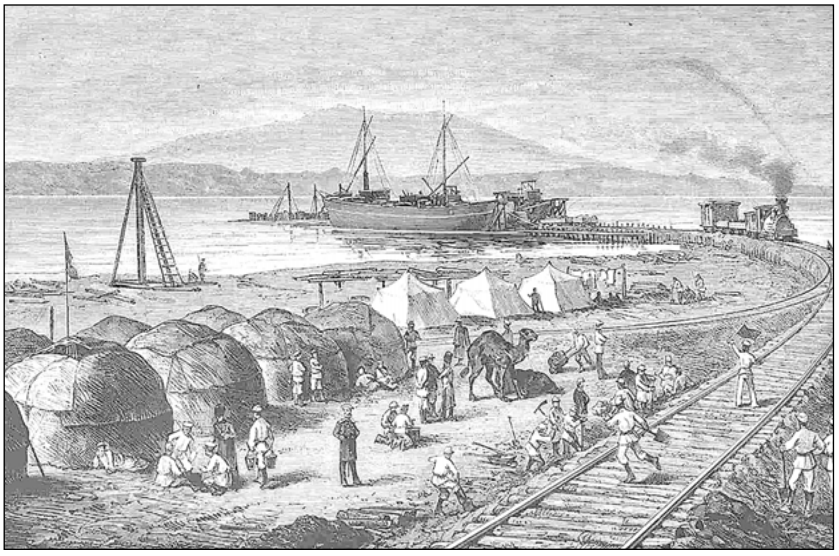
Keywords: *Kuban Cossacks; tekintsy; hundreds of Labinsk, Poltava, and Taman regiments; M.D. Skobelev; N.I. Grodekov; Dengil-Tepe; Akhaltekin oasis.*

К второй половине декабря 1880 года практически была завершена подготовка к осаде Денгиль-Тепе. Крепость представляла собой неправильный продолговатый четырёхугольник с 21 выходом, периметр стен которой составлял 4 версты и 55 сажен. Окружённая рвом стена имела земляной вал, «одетый глиной», за стеной — крайне неправильный, состоявший из ряда ям внутренний ров. Толщина стены у основания — до пяти сажен, вверху — от трёх до четырёх; везде был сооружён наружный и внутренний парапет на высоту груди с большим количеством траверзов, в северо-западном углу крепости насыпан холм высотой в семь сажен, несколько южнее находилась небольшая кала. В северо-восточном углу крепости были вырыты колодцы, обеспечивавшие защитников пресной водой. Всю территорию крепости заполняли кибитки (до 13 тыс.), был лишь оставлен широкий проезд с севера на юг, но это не спасало население от огромных потерь при артиллерийском обстреле[1].

Как писал полковник А.Н. Куропаткин, общее число вероятных защитников Геок-Тепе (основанное на данных экспедиции 1879 г. и расспросных сведениях, впоследствии проверенное и дополненное после падения крепости самими текинцами) «доходило до 20 000—25 000 человек, из них конницы до 5000, а всех жителей в крепости было до 45 000 душ. Защитники имели около 5000 ружей, из коих 500 скорострельных, одно медное орудие 6-ти фунтового калибра и два чугунных зембурека[2] на станках и массу пистолетов. Холодное оружие, шашки и пики имелись у всех защитников»[3]. Полковник Генерального штаба Н.И. Гродеков называл иные цифры (но это лишь оценочные сведения): до 30 тыс. (в т.ч. 10 тыс. конных) защитников[4].

Для борьбы с противником командующий экспедицией генерал-лейтенант М.Д. Скобелев считал достаточным иметь до 5000 человек пехоты, до 8—10 сотен конницы, до 8—10 орудий на тысячу человек (всего не менее 7500—8000 бойцов при 3000 лошадей)[5]. Кроме того, нужны были силы для обеспечения сообщения с Красноводском и Чикишляром. По расчётам генерала, только для охраны тыла требовались восемь сотен конницы[6].

Если ранее текинцы надеялись, что запасы у русских скоро закончатся и они вынуждены будут уйти, то теперь защитники оазиса осознали: данный поход радикально отличается от набегов августа 1879 года или июля 1880-го. Их ожидала «ускоренная осада», план кото-

Ахалтекинская экспедиция. Устройство железной дороги. Лагерь генерала Анненкова в Михайловском посту
Художник А. Бальдингер (рисунок с фотографии), 1881 г.

рой разработал подполковник Я.К. Рутковский, руководивший всеми осадными инженерными работами[7].

Утром 23 декабря 1880 года осадные работы начались с заложения первой параллели и двух батарей для анфилирования юго-восточного угла крепости в 500 саженях от стены при постепенном продвижении вперёд. Прокладывались траншеи, возводились редуты. Ничего подобного текинцы прежде не видели. Чтобы противник не смог бежать из крепости, генерал Скобелев приказал «23 декабря занять кавалериею постоянное расположение близ курганчи Джуми-кала[8] (укрепление в форме неправильного четырёхугольника, обнесённое глиняными стенками высотой в 2 ½ аршина) с целью висеть на пути отступления жителей из крепости в пески. Кавалерии предписывалось окопаться, сохранить тактическую связь с остальными войсками отряда и производить“благоразумные рекогносцировки”»[9].

Для удобства ведения осады Скобелев разделил работы на два фланга, подчинив правый (Ольгинская и Правофланговая калы) полковнику А.Н. Куропаткину, а левый (укрепление Опорное) — полковнику П.А. Козелкову. Подполковника Н.К. Гайдарова назначили комендантом лагеря[10]. Для его охраны в общем резерве оставили семь рот.

26 декабря из находившихся у Денгиль-Тепе частей кавалерии командующий экспедицией создал конный резерв под командованием князя Д.Е. Эристова (дивизион драгун и 2-я сотня Полтавского полка). Остальные сотни образовали сводный полк под начальством полковника А.Ф. Арцишевского (5-я лабинская, 1-я и 3-я таманские сотни, 2-я сотня Оренбургского № 5 полка, конно-горный взвод). Одновременно Скобелев расформировал «сводную Ахалтекинскую кавалерийскую бригаду», учреждённую 18 ноября 1880 года[11].

К 28 декабря построенные батареи и редуты были вооружены пушками. В первые дни осады текинцы не проявляли особой активности, вели редкую стрельбу. Видя, что русские «копаются в земле», они приняли меры, которых, по мнению Куропаткина, трудно было ожидать от кочевников: «Вышли из крепости своими контр-апрошами[12] нам навстречу. Так они выстроили длинную траншею впереди южного фронта, параллельно ему, и затем вывели из рва два хода сообщения: один, длиной в 33 сажени, оканчивался полукруглою траншеею, которая получила у нас название подковы, и другой ход почти с середины южного фронта длиною до 100 сажен, названный ледорезом. Этот второй ход оканчивался сильно укреплённой калою Мельничной. Таким образом, у текинцев получился обширный плацдарм между стеною, Мельничною калою, ледорезом и ручьём Опорным»[13].

В тот же день в крепости Денгиль-Кала состоялся большой совет. Как позже стало известно, «Тыкма-сардар убеждал произвести ночное нападение, брался сам руководить им и обещал истребить русских. Предложение его было принято. Желающих участвовать набралось 4000 человек. Между ними было много мервцев и несколько женщин. Все поклялись не возвращаться, не победив русских. Ханы и старшины должны были стать у выходов из крепости, чтобы рубить голову тем, которые побегут назад»[14].

После того как стемнело, одновременно по всей линии на русские траншеи обрушились значительные силы неприятеля: «Текинцы наступали почти исключительно с холодным оружием (с шашками, которыми они отлично владеют). Большинство босиком, с голыми руками и ногами, многие с непокрытыми головами и даже без рубах». Всем своим видом они показывали, что идут на смертный бой. «Стремительным, как лава, натиском текинцы, несмотря на наш ружейный огонь, прорвали линию наших траншей и заставили апшеронцев отойти назад после горячей схватки врукопашную»[15]. Удар был настолько неожиданным и сильным, что солдаты потеряли своё батальонное знамя. Уже в первые минуты вылазки неприятель овладел значительной линией траншей, двумя батареями (№ 5, 6) и редутом № 2, захватив при этом три мортиры, три горных и одно 4-фунтовое орудия. Часть защищавшей их артиллерийской прислуги была изрублена.

Текинская конница отправилась в тыл русских позиций, но здесь её встретили дружные залпы пехоты. Хотя врагу удалось ворваться в редут

№ 1, подошедший резерв правого фланга осады и артиллерия окончательно остановили нападавших, а затем обратили их в бегство.

Во время вылазки неприятеля 28 декабря потери экспедиционного отряда составили: 5 офицеров и 91 нижний чин убитыми, офицер и 30 нижних чинов ранеными. Более других пострадали три роты Апшеронского полка. Значительной части убитых отрезали головы, которые были вскоре надеты на палки возле кибиток текинцев[16]. Такая дикость, естественно, вызвала у солдат жажду мести.

Эта вылазка была самым удачным боем текинцев за всю войну: никогда им ещё не удавалось захватить русское знамя. Кроме того, их трофеем стало одно горное орудие вместе с гранатами, которое уже на следующий день стреляло по русским позициям (почти не принося вреда — гранаты действовали как ядра). Хотя результаты вылазки неприятель посчитал победоносными, уже на следующий день он получил ощутимый ответный удар.

29 декабря по приказу Скобелева войска правого фланга под командованием полковника Куропаткина штурмом захватили Великокняжескую позицию. С наступлением сумерек лагерь перенесли вперёд на 250 сажен, чтобы приблизить войска резерва к частям, занимавшим траншеи. Так что до конца осады лагерь находился в сфере ружейного огня. Наконец, к рассвету 30 декабря была окончена третья параллель в 210 сажен длиной, находившаяся всего в 100 саженях от крепостной стены. Это доказывало, что падение крепости должно было произойти в ближайшее время, и этому не могли помешать никакие вражеские вылазки.

Захваченные три калы на Великокняжеской позиции получили названия «Главная», «Охотничья» и «Туркестанская». В верхнем этаже угловой башни Охотничьей калы, с которой просматривалась внутренняя часть крепости, русские устроили наблюдательную станцию, что позволяло им корректировать огонь. 7 января на этой станции был составлен план внутреннего пространства крепости с приблизительным числом текинских кибиток и личного состава гарнизона[17].

30 декабря крупные силы текинцев вновь совершили вылазку, захватив ещё одно русское орудие, но были вынуждены бежать в крепость. Её внутреннюю часть стала усиленно обстреливать гранатами и бомбами русская артиллерия, нанося врагу огромные потери. Тем не менее опыт борьбы с текинскими вылазками 28 и 30 декабря показал, что «при подобном противнике… храбром и многочисленном, но лишённом артиллерии, лучшими опорными пунктами являлись не редуты, а калы со стенками, для эскалады которых требуются штурмовые лестницы. Поэтому, несмотря на наибольшую близость к крепости, самой безопасной от атаки была позиция Великокняжеская с её тремя калами»[18].

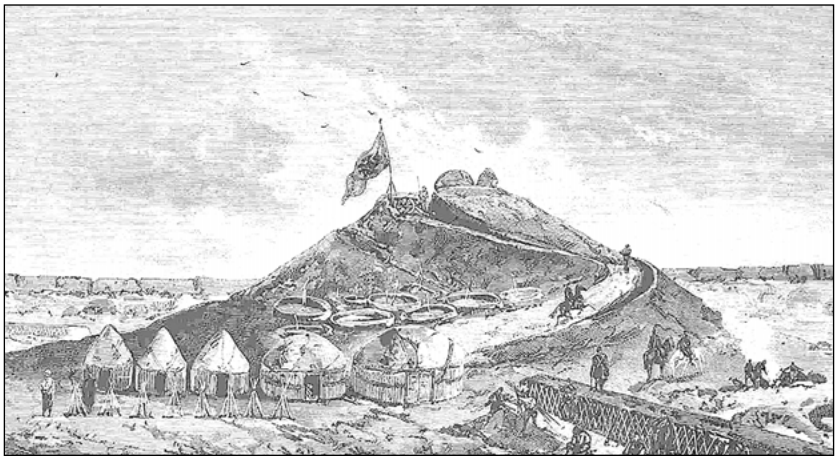
Тем временем слухи об успехах текинцев (захвативших два орудия и знамя), «раздутые до размера серьёзных побед, проникли в тыл и сильно волновали туркмен племени йомудов». В лагерь Скобелева проникли сведения о том, что йомуды готовы к поголовному восстанию и ждут лишь удобного случая, чтобы всеми силами напасть на тыл экспедиционного отряда. Поэтому генерал не мог терять ни дня — требовалась решительная победа. Начавшиеся в лагере разговоры о невозможности продолжать осаду с такими малыми силами и о том, что она, «когда осаждающий во много раз слабее осаждённого, противна теории, — все эти толки были самым энергичным образом прекращены»[19].

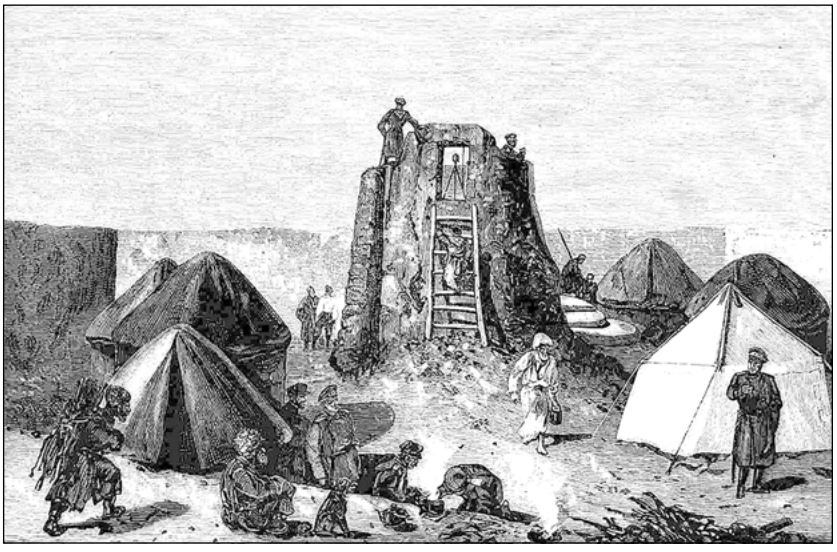
Чтобы иметь возможность продолжать осадные работы малочисленными силами, Скобелев решил сократить фронт атаки, сделав «центром осады» Великокняжескую позицию вместе с редутом № 2. Кроме движения вперёд работами траншейными и сапными (одна из отраслей сапёрных работ), он приказал начать минные — из калы Охотничьей.

Начальником «центра осады» назначили полковника Куропаткина, в распоряжении которого находились 12 рот пехоты, 3 роты сапёров, сотня спешенных казаков (оренбургских и уральских)[20], 6 орудий, 2 картечницы, 10 мортир, ракетная команда. Остальные осадные работы правого фланга («правый фланг осады») были вверены командованию полковника Навроцкого, который имел в подчинении шесть рот пехоты. Начальником «левого фланга осады» был назначен полковник Козелков, получивший в распоряжение восемь рот.

Для уменьшения занимаемой отрядом площади (что облегчало оборону осадных работ и лагеря) Скобелев ещё раз перенёс лагерь вперёд, вплотную к 1-й параллели (в 280 саженях от

Холм Денгли-Тепе после занятия его русскими войсками
Художник Н.Н. Каразин (рисунок с наброска поручика Петникова), 1881 г.

Гелиографическая станция в Янги-Кала
Художник Н.Н. Каразин (рисунок с наброска поручика Петникова), 1881 г.

крепостной стены). Артиллерией текинцы не располагали, а чтобы укрыть людей от пуль, генерал приказал углубить кибитки и юламейки в землю и обсыпать их снаружи валиками. Здесь, в лагере, был сосредоточен общий резерв под личным начальством Скобелева (17 рот, вся кавалерия и 30 орудий). Кавалерия, поступившая в общий резерв, состояла из сводного казачьего полка (четыре сотни), резерва (два эскадрона и сотня) и сводной сотни казаков-туркестанцев[21]. Принятые в условиях малочисленности экспедиционного отряда меры позволили «собрать возможно более сил в точке удара»[22]. При этом она должна была оставаться секретом для противника.

В целях предотвращения ночных атак текинцев командующий решил больше внимания уделить «кавалерийскому охранению в тёмные ночи». 2 января 1881 года он распорядился направлять кавалерию в ночную службу к Великокняжеской позиции, Правофланговой и Опорной калам. Начальниками кавалерийских постов поочерёдно назначались полковники Арцишевский и Эристов[23]. В ночь на 4 января между Охотничьей калой и крепостной стеной был сооружён Ширванский редут, находившийся в 25 саженях от текинской крепости. Именно оттуда и производились минные работы.

Вечером 4 января текинцы предприняли третью вылазку, на которую возлагали большие надежды. Около 8000 человек атаковали центр и левый фланг русских, а также только что укреплённую ими калу Великокняжеской позиции. Хотя нападение было отбито и текинцы понесли большие потери, им всё же удалось утащить в крепость один ракетный станок. С этого дня оборонявшиеся (их энергия ощутимо ослабевала) надеялись только на рукопашный бой внутри крепости. В ней находилось много раненых, но сохранялась решимость сопротивляться до конца — в период осады среди текинцев не было ни одного перебежчика.

Передовые работы центра осады прикрывали ежедневно четыре роты пехоты и 50 спешенных казаков. Сапёры рассчитывали закончить минные работы 9 января, поэтому Скобелев приказал начать пробивание бреши в стене утром 8-го, а штурм планировался на 10 января[24]. Орудия брешь-батареи стали разбивать стену в 30 саженях от юго-западного угла крепости. После двухчасовой канонады обвалился парапет на 10 сажен длины и образовался обвал. Однако ночью текинцы поправили стену и парапет — частично при помощи плетёных корзин, наполненных землёй.

Произошедший утром 9 января обвал в минной галерее заставил Скобелева перенести штурм крепости на 12 число. Накануне все войска предупредили, что команды «отбой» не будет — начальник отряда объявил о решимости «вести штурм до последнего человека и лучше умереть, чем отступить всем войскам». Поэтому вся кавалерия спешилась и тоже должна была участвовать в штурме. К тому моменту Скобелев собрал под стенами Денгиль-Тепе 47 рот пехоты, 9 эскадронов и сотен конницы, 58 орудий, 5 картечниц, 16 мортир — всего 227 офицеров и 6672 нижних чина[25].

Спешенная конница была представлена следующими силами: дивизион Тверского драгунского, 2-я сотня Полтавского, 1-я и 3-я — Таманского, 5-я — Лабинского, 2-я — Оренбургского № 5, 1-я — Оренбургского № 1 и 5-я — Уральского № 2 полков. 1036 человек составляли общее количество кавалеристов — участников штурма. В целом к его началу численность кубанских казаков составляла 422 человека — 40,73 проц. конницы отряда, а если исключить драгун, то 53,76 проц. всех находившихся у крепости конных казаков. В отличие от генерал-майора Н.П. Ломакина, легкомысленно бросившего на штурм крепости войска, не имевшие даже штурмовых лестниц, генерал Скобелев собрал для этой цели 280 туров, 380 фашин, 1800 земляных мешков, 47 штурмовых лестниц[26].

После ожесточённой борьбы, продолжавшейся три недели, 12 января начался штурм. Если он у Ломакина был неудачной импровизацией, то Скобелев накануне расписал всем начальникам чёткие диспозиции. Важнейшей задачей стало взятие штурмом юго-восточного угла главного вала крепости. Начальник экспедиционного отряда создал три штурмовые колонны. Первая (полковника Куропаткина) должна была овладеть обвалом, произведённым взрывом мины, укрепиться в юго-восточном углу крепости и войти в связь со

второй колонной (полковника Козелкова). В её составе находились спешенные казаки — по 50 уральцев и оренбуржцев. Этой колонне ставилась задача овладеть брешью в стене, которую проделает артиллерия, и войти в связь с первой колонной. Отвлечь внимание противника от направления главного удара, взяв Мельничную калу и ближайшие к ней ретраншементы[27], затем действовать усиленным огнём по внутренней части крепости, обстреливая её продольно и в тылу неприятеля, должна была колонна подполковника Гайдарова. В случае успеха главной атаки этой колонне затем предстояло атаковать главный вал.

В общем резерве Скобелев оставил 21 роту (в том числе «спешенный трёх ротный батальон из дивизиона драгун и Полтавской сотни»[28]) и 18 орудий. В качестве гарнизона в редутах, калах и батареях осады были оставлены 4 роты, 1½ сотни, 24 орудия и 17 мортир[29], а для прикрытия лагеря — сотня казаков, распределены по фасам сборные команды из всех частей, все нестроевые и денщики. Комендантом лагеря на время штурма был назначен полковник А.Ф. Арцишевский.

Как и намечалось, 12 января в 7 ч утра колонна подполковника Гайдарова начала наступление на Мельничную калу и через полтора часа заняла её. Почти одновременно была занята находившаяся рядом плотина. После этого артиллерия и пехота русских стали обстреливать текинцев, всё более сосредоточивавшихся на стенах юго-западного угла крепости, считавших, что оттуда будет нанесён главный удар. Именно здесь собрались все вожди текинцев.

Наряду с этим в 7 ч утра брешь-батарея (12 орудий) открыла огонь по пробитой ещё 8 января бреши, чтобы расширить её и сделать более удобной для восхождения. Вскоре к выполнению данной задачи подключился весь артиллерийский резерв (18 орудий). С соседних с брешью участков стены туркмены интенсивно обстреливали русскую артиллерию, но ничего изменить не смогли: около 10 ч утра брешь была готова[30].

Взрыв мины на Великокняжеской позиции назначили на 11 ч 20 мин. За полчаса до взрыва все орудия отряда начали усиленно обстреливать юго-восточный угол Денгиль-Тепе. К постоянному гулу выстрелов добавились залпы некоторых рот с передовых траншей — они обстреливали стены крепости, куда с началом общей бомбардировки в большом количестве взобрались ожидавшие штурма текинцы. Они слышали какой-то подземный шум, предполагая, что русские делают подкоп, чтобы оказаться внутри крепости, но думали, что легко истребят тех, кто дерзнёт показаться из-под земли. В намеченное время произошёл мощный взрыв: задрожала почва, и огромный столб земли и кусков стены вместе с её защитниками высоко поднялся и медленно осел на протяжении 15 сажен; вместо стены образовался обвал, открывший дорогу штурмовавшим; стоявшие там туркмены погибли.

Не успел ещё взрыв улечься, как роты первой колонны атаковали обвал, чтобы пробиться в крепость: «50 человек уральцев, назначенные, как отличные стрелки, бить по стенам текинцев, встречавших штурм огнём, не выдержали и бросились тоже на штурм с передовыми ширванцами и охотниками»[31], т.е. фактически не выполнили поставленную задачу.

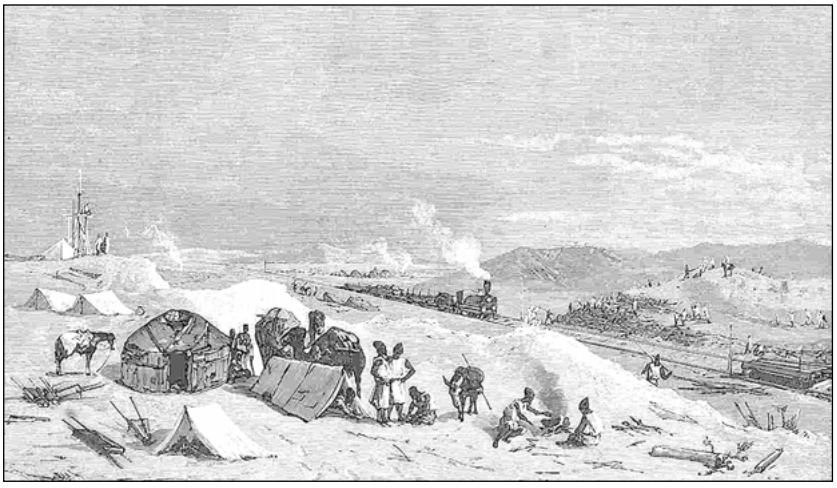
Лишь после взрыва текинцы поняли, откуда им грозит главная опасность: массы защитников крепости, столпившихся в её юго-западном углу, бросились к месту взрыва, но опоздали — когда их толпы приблизились к обвалу, русские успели его занять. Надо отдать должное мужеству противника: туркмены, ошеломлённые мощным взрывом, уже через минуту отбили место обвала и соседние участки стены, чтобы встретить плотным огнём атаковавших. Затем началась яростная рукопашная схватка. В первое время, занимая широкий парапет, текинцы встречали передовых бойцов, «карабкавшихся по излому стены, и сбрасывали их вниз огнём и страшными ударами своих шашек и батиков»[32]. Лишь после упорной борьбы удалось заставить текинцев отступить.

С обвала и стены был открыт убийственный огонь по столпившимся на площади крепости текинцам. Целые ряды защитников падали убитыми и ранеными. Но даже после этого стоявшие на ближайших участках стены текинцы продолжали стрелять по русским сверху вниз. Постепенно защитники крепости отступили к своим расположенным у стен кибиткам, открыв огонь по русским с самого близкого расстояния.

Чтобы выбить противника, писал Куропаткин, «несколько рот и спешенные казаки были двинуты с обвала внутрь крепости. Опять завязался рукопашный, но на этот раз уже не долгий бой;

Штурм Геок-Тепе
Художник Н.Н. Каразин, 1881 г.

Пробный поезд на Закаспийской военной железной дороге
Художник Н.Н. Каразин (рисунок с наброска и фотографии), 1881 г.

мы овладели кибитками, вошли в связь с колонною Козелкова, вышли до внутренней площади крепости и по линии крайних к площади кибиток начали работы по устройству ретраншемента. В это время на обвале уже были установлены три горных орудия и картечница, которые и открыли огонь по холму внутри крепости, покрытому текинцами»[33].

Последние, несмотря на огромные потери, продолжали упорное сопротивление, но, теснимые колоннами Куропаткина, а затем и Козелкова, начали медленно отходить к холму Денгли-Тепе — ключевому пункту обороны крепости. Потери русских были тоже ощутимыми, учитывая малочисленность отряда. Так, во время штурма командовавший передовой группой колонны Козелкова граф П.М. Орлов-Денисов был смертельно ранен и умер 26 января.

Хотя Скобелев предполагал, что бой внутри крепости может растянуться на несколько дней, его войска продолжали настолько энергичное наступление, преодолевая контратаки противника, что сумели занять ключевой холм. К общему наступлению присоединилась и колонна Гайдарова, овладевшая участком западного фаса крепости, а затем продвинувшаяся по стене к северному фасу, где вошла в связь с колонной Куропаткина. Продвигаясь вдоль стены, 2 роты, 1½ сотни таманцев и 10 орудий из колонны Гайдарова с боем овладели калой Махтумкули-хана и находившимся к северу от неё укреплённым холмом[34].

«Прижатые к северной стене, расстреливаемые с холма, видя надвигавшиеся на них всё новые части, текинцы, наконец, не выдержали и обратились в бегство из крепости через широкие северные выходы»[35], однако несколько сот их предпочли смерть бегству. Они остались внутри крепости, вели одиночную перестрелку и погибли.

Заняв северный фас, часть рот открыла огонь вслед убегавшему противнику. Затем его энергично преследовали 13 разгорячённых боем рот, которые вышли из крепости и разделились на несколько колонн. Около часа дня генерал Скобелев, убедившись в несомненном успехе всех штурмовых колонн, приказал спешенному кавалерийскому резерву (под командованием Эристова) отправиться в лагерь, сесть на коней и прибыть к пробитой артиллерией бреши. Как вспоминал Куропаткин, во втором часу дня, лично возглавив два эскадрона драгун и 2-ю сотню полтавских казаков, «Скобелев провёл их через крепость, опередил пехоту, присоединил две Таманских сотни с конно-горным взводом и ударил на текинцев, отступавших в двух массах в пески. Преследование и рубка продолжались 15 вёрст»[36]. По уточнению Гродекова, командующий экспедицией преследовал противника, возглавив драгун и сотню казаков, «в то же время таманские сотни с конно-горным взводом из колонны Гайдарова преследовали бегущих на левом фланге»[37] (что было более логично, поскольку преследовались две убегавшие массы текинцев).

Лишь ночью преследование побеждённого противника прекратилось. В результате последние сплочённые текинцы понесли большие потери и были рассеяны, а «значительную часть женщин удалось возвратить в крепость с целью иметь залог для возвращения жителей в свои жилища»[38], без чего нельзя было добиться окончательного замирения покорённого края. По распоряжению коменданта переводчик ротмистр Байтоков с несколькими казаками ездил по крепости и приказывал женщинам с детьми собираться в одно место у холма, и к вечеру собрались до 5000 женщин и детей. Женский лагерь был оцеплен часовыми, чтобы «оградить их от разных печальных случайностей, так как внутри крепости и днём, и ночью бродили солдаты, которым было разрешено пользоваться неприятельским имуществом в течение четырёх дней». Все мужчины «были убиты или бежали»[39].

В ходе штурма у противника удалось отбить потерянные ранее два горных орудия, знамя 4-го батальона Апшеронского полка, одно медное гладкоствольное орудие; среди трофеев также оказались два чугунных зембурека, 1500 ружей, пистолетов и шашек.

По оценке Куропаткина, потери текинцев во время бомбардирования, при штурме и при преследовании составили свыше 6000 человек. Гродеков оценил вражеские потери во время штурма в 6000—8000 человек. А.В. Щербак предоставил иные данные: до 4000 убитыми внутри крепости и до 2000 убитых во время преследования[40]. По словам генерал-майора артиллерии, участника Ахалтекинской экспедиции К.К. Гейнса, «жандармский офицер, наблюдавший за закрыти-

ем трупов, насчитывал в одной крепости более 8 000, а сами текинцы насчитывают погибших товарищей за всё время осады до 14 000 человек»[41].

На стенах погибли двое из четверых руководителей туркменской обороны (Хазрет-кули-хан и Магомет Аталык), а также сын её главы Тыкма-сардара. Во время штурма русские использовали 872 тыс. патронов и 12,4 тыс. снарядов. Против такой мощи храбрые, но плохо вооружённые и не имевшие представления о воинской дисциплине текинцы, даже обладая многократным численным превосходством, не могли устоять.

Потери экспедиционного отряда убитыми и ранеными 12 января составили 34 офицера и 364 нижних чина. Участвовавшие в штурме пехота и спешенные казаки потеряли 31 проц. офицеров и 11 проц. нижних чинов убитыми и ранеными, но отдельные роты — до 35 проц. своего состава. За всю осаду (включая штурм) русские потери убитыми и ранеными составили 1104 человека[42].

Приводя соответствующие данные относительно кубанцев, И.И. Кияшко указывал, что в результате штурма Денгиль-Тепе был убит казак Таманского полка Карп Калмычек, а позже умерли от ран казаки того же полка Лука Божко, Пётр Котко, а также казак Полтавского — Михаил Коломиец[43].

За проявленный во время осады и штурма Геок-Тепе героизм большинство офицеров и казаков Кубанского казачьего войска были награждены золотым оружием, орденами и медалями[44].

Именным указом Александра II (адресованным военному министру) «в память блестящих подвигов, оказанных войсками нашими в делах с текинцами во время обложения укреплённой позиции Геок-Тепе и при взятии штурмом этой позиции», была учреждена для ношения на груди на георгиевской ленте особая медаль — «За взятие штурмом Геок-Тепе — 12 января 1881 года». Серебряная медаль жаловалась всем непосредственным участникам штурма, а светло-бронзовая — «лицам, принимавшим участие в экспедициях 1879 и 1880 годов в Закаспийском крае, но не участвовавшим в самом взятии Геок-Тепе». Об этом было объявлено в приказе по военному ведомству от 19 февраля 1881 года за № 35[45].

Высочайшим приказом от 4 июня 1882 года Таманскому полку был пожалован георгиевский штандарт «За отличие в войне с Персией и Турцией в 1827, 1828 и 1829 годах и за штурм крепости Геок-Тепе 12 января 1881 года». Знаки отличия на головные уборы получили Полтавский полк — «За отличие при покорении Западного Кавказа в 1864 году и за штурм крепости Геок-Тепе 12 января 1881 года», 5-я и 6-я сотни Лабинского полка — «За штурм крепости Геок-Тепе 12 января 1881 года»[46].

Нередко в научной литературе генерала Скобелева называют беспощадным. Но верно ли это по сравнению с действиями текинцев, которые зверски убивали раненых и пленных, часто подвергая их при этом нечеловеческим мучениям? Обрушивая карательные меры на побеждённого противника, генерал учитывал менталитет местного населения, рассматривавшего любое проявление мягкости в условиях неоконченной войны как признак слабости. Ещё 12 мая 1880 года Скобелев писал из Чикишляра российскому посланнику в Тегеране И.А. Зиновьеву, что в Азии всегда по-своему понимали победу и поражение: «С победой должен быть непременно связан материальный ущерб для противника. Здесь нужно действовать наверняка и окончательно доконать [его] после успеха»[47]. Тем же были продиктованы и действия командующего войсками Туркестанского военного округа генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана против хивинских туркмен в 1873 году: без наложенной контрибуции и совершённой карательной экспедиции противник обязательно восстановил бы довоенное положение в Хивинском ханстве.

По той же причине Скобелев на четыре дня отдал солдатам на разграбление Денгиль-Тепе. На второй день после штурма победители стали тащить «ковры, деньги, женские украшения, всё, что текинцы награбили в Персии, — всё тащили солдаты из кибиток»[48]. Современные историки, примеряя на генерала сегодняшние нормы международного права, часто несправедливо упрекают его в чрезмерной жестокости. Между тем командующий экспедицией даже незадолго перед штурмом во избежание кровопролития ещё раз предложил текинцам капитулировать, от чего они отказались 6 января. В беседе с врачом экспедиции О.Ф. Гейфельдером Скобелев так объяснил свои действия: «Если бы я не разрешил разграбления

Штурм крепости Геок-Тепе 12 января 1881 года
Художник Ф.А. Рубо, 1898 г.
Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)

Геок-Тепе, то азиаты не считали бы себя побеждёнными. Разрушения и разграбления должны сопровождать победу, иначе они не будут считать её победою». Лишь позже Гейфельдер признался: «Теперь, по прошествии нескольких лет, — уже благодаря приобретённой опытности и знакомству с азиатской жизнью, мне понятнее аргументация Скобелева в этом отношении. Но в то время он не мог убедить меня»[49]. Впрочем, эти человеколюбивые размышления не помешали врачу Гейфельдеру в день штурма наравне со многими солдатами, казаками, офицерами «присвоить текинские коврики»[50].

Нет сомнения, что текинцы проявили бы самое жестокое отношение к пленным и их семьям. Некоторых пленников могли подвергнуть зверским казням, что бывало неоднократно. Воспитанные в таких традициях местные семьи ожидали подобного отношения к себе со стороны противника. Однако неожиданно для женщин и детей их собрали под охраной часовых; известны и случаи спасения текинских детей русскими солдатами. Уже 13 января был создан попечительский комитет, занимавшийся снабжением семей поверженного врага предметами первой необходимости из запасов и оставленного в крепости имущества[51]. Всё это способствовало быстрому умиротворению края.

По словам Куропаткина, «в Денгиль-Тепе нашими войсками взята большая добыча; она состояла из 12 000 кибиток (юрт), стоявших тесными рядами, со всем домашним скарбом, массою дорогих ковров и изделий из серебра. Взяты также значительные продовольственные запасы и большое количество скота. Общая стоимость добычи оценена в 6 000 000 рублей»[52].

Петербург ликовал. Скобелев был произведён в генералы от инфантерии и награждён орденом Св. Георгия 2-й степени. Он заслуженно стал народным героем (в том числе у кубанских казаков)[53], чем гордились все, кто служил под его командованием. Падения Геок-Тепе ожидали не только в российской столице — на это надеялись и жители соседних персидских территорий, поэтому здесь разгром туркменского разбойничьего гнезда встретили с радостью. Так возникли предпосылки для присоединения к России остальных туркменских племён.

Уроки истории Закаспийских походов 70—90-х годов XIX века и участия в них кубанского казачества важны для правильного понимания процессов его возрождения и могут быть использованы в целях военно-патриотического воспитания молодёжи и соблюдения принципа преемственности славных боевых традиций России.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Куропаткин А.Н.* Завоевание Туркмении в 1880—1881 гг. С очерками военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. СПб., 1899. С. 105.

[2] Обобщающий термин для артиллерийской установки с малокалиберной пушкой (как правило, диаметр канала ствола колебался в диапазоне 40—65 мм), размещавшейся на верблюдах и применявшейся частями верблюжьей кавалерии арабских, персидских, индийских, монгольских, китайских и других азиатских армий в XVI—XIX вв., а кое-где — вплоть до начала XX века.

[3] *Куропаткин А.Н.* Указ. соч. С. 149.

[4] *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880—1881 гг. Т. 3. СПб., 1883. С. 150.

[5] *Куропаткин А.Н.* Указ. соч. С. 105.

[6] *Гродеков Н.И.* Указ. соч. Т. 2. СПб., 1883. С. 151.

[7] *Куропаткин А.Н.* Указ. соч. С. 156.

[8] *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т.III. СПб., 1906. С. 155, 158.

[9] *Куропаткин А.Н.* Указ. соч. С. 157, 158.

[10] Военная энциклопедия / Под ред. В.Ф. Новицкого и др. Т. VII. СПб., 1911. С. 141.

[11] *Гродеков Н.И.* Указ. соч. Т. 3. С. 217.

[12] Контр-апроши — глубокие зигзагообразные продолговатые рвы (траншеи) с внешней насыпью, служившие для безопасного приближения к атакованному фронту крепости или другого укрепрайона, которые служили для прикрытого от выстрелов сообщения с параллелями, промежуточными узлами и осадными батареями; поэтому апроши называли также «ходы сообщения».

[13] *Куропаткин А.Н.* Указ. соч. С. 165.

[14] Там же; *Гродеков Н.И.* Указ. соч. Т. 3. С. 222.

[15] *Куропаткин А.Н.* Указ. соч. С. 167, 168.

[16] Там же. С. 170; *Гродеков Н.И.* Указ. соч. Т. 3. С. 224—228.

[17] *Куропаткин А.Н.* Указ. соч. С. 189.

[18] Там же. С. 246.

[19] Там же. С. 181, 182.

[20] *Гродеков Н.И.* Указ. соч. Т. 3. С. 249.

[21] Там же. С. 249, 250; *Куропаткин А.Н.* Указ. соч. С. 182, 183.

[22] *Куропаткин А.Н.* Указ. соч. С. 219.

[23] *Гродеков Н.И.* Указ. соч. Т. 3. С. 247, 248.

[24] *Куропаткин А.Н.* Указ. соч. С. 193, 194.

[25] Там же. С. 199.

[26] Там же. С. 200.

[27] Ретраншемент (фр. «retrancher», «укрепить, обнести окопами») — военное укрепление, располагавшееся позади главной позиции для усиления внутренней обороны.

[28] *Гулыга И.Е.* 1-й Полтавский Кошевого атамана Сидора Белого полк Кубанского казачьего войска. 1788—1912. Тифлис, 1913. Приложение № 86. С. 58 (2-я пагинация).

[29] *Гродеков Н.И.* Указ. соч. Т. 3. С. 279.

[30] *Куропаткин А.Н.* Указ. соч. С. 203.

[31] *Гродеков Н.И.* Указ. соч. Т. 3. С. 283, 285; *Куропаткин А.Н.* Указ. соч. С. 205.

[32] *Куропаткин А.Н.* Указ. соч. С. 206. Батик — разновидность булавы.

[33] Там же. С. 207.

[34] Там же. С. 210.

[35] Там же. С. 207.

[36] Там же. С. 210.

[37] *Гродеков Н.И.* Указ. соч. Т. 3. С. 292.

[38] Там же; *Куропаткин А.Н.* Указ. соч. С. 210, 211.

[39] *Куропаткин А.Н.* Указ. соч. С. 211; *Гродеков Н.И.* Указ. соч. Т. 3. С. 292.

[40] *Щербак А.В.* Ахал-Тэкинская экспедиция генерала Скобелева в 1880—1881 гг. 2-е изд. СПб., 1900. С. 170.

[41] *Гейнс К.К.* Очерк боевой жизни Ахал-Текинского отряда 1880—1881 гг. СПб., 1882. С. 82.

[42] Там же.

[43] *Кияшко И.И.* Именной список генералам, штаб- и обер-офицерам, старшинам, нижним чинам и жителям Кубанского казачьего войска (бывших Черноморского и Кавказского линейных казачьих войск), убитым, умершим от ран и без вести пропавшим в сражениях, стычках и перестрелках с 1788 по 1908 год. Екатеринодар, 1911. С. 319.

[44] *Шахторин А.А., Бурдун В.Н.* Участие кубанских казаков в среднеазиатских походах 1879—1881 гг. // Голос минувшего: Кубанский исторический журнал. Краснодар, 2004. № 3—4. С. 26.

[45] Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. Т. LV. Отделение первое. СПб., 1884. № 61881. С. 924, 925.

[46] *Казин В.Х.* Казачьи войска: Краткая хроника казачьих войск и иррегулярных частей. Справочная книжка Императорской Главной квартиры. По 1-е апреля 1912 года / Под ред. В.К. Шенка. СПб., 1912. С. 128.

[47] *Гродеков Н.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 45.

[48] *Терентьев М.А.* Указ. соч. С. 201.

[49] *Гейфельдер О.Ф.* Воспоминания врача о М.Д. Скобелеве 1880—1881 гг. // Русская старина.1886. № 11. С. 142.

[50] *Щербак А.В.* Указ. соч. С. 170.

[51] *Гродеков Н.И.* Указ. соч. Т. 4. СПб., 1884. С. 6.

[52] *Куропаткин А.Н.* Указ. соч. С. 211, 212.

[53] *Матвеев О.В.* Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII — начало XX в.): категории воинской ментальности. Краснодар, 2005. С. 340—344. ■

И.А. ЧЕКМАСОВ I.A. CHEKMASOV

НЕРАСКРЫТЫЕ ТАЙНЫ «МАЙНИЛЬСКОГО ИНЦИДЕНТА»

UNDISCLOSED SECRETS OF THE MAINILA INCIDENT

Сведения об авторе. *Чекмасов Иван Александрович — аспирант Московского государственного областного университета. (Москва. E-mail: chekan993@gmail.com).*

Аннотация. *В статье рассматриваются различные версии инцидента в Майнила накануне Советско-финляндской войны 1939—1940 гг., проводится анализ использованной авторами исторических трактовок аргументации, оценивается достоверность источниковедческой базы по данному событию.*

Ключевые слова: *Советско-финляндская война; Майнила; провокация в Майнила; майнильский инцидент 1939 года.*

Information about author. *Ivan Chekmasov — postgraduate at Moscow State Regional University (Moscow. E-mail: chekan993@gmail.com).*

Summary. *The paper examines various versions of the incident in Mainila on the eve of the Soviet-Finnish War of 1939—1940, analyzing the historical interpretations of argumentation used by the authors, and assessing the trustworthiness of the source base on this event.*

Keywords: *Soviet-Finnish War; Mainila; Mainila provocation; 1939 Mainila incident.*

26 ноября 1939 года на участке советско-финляндской границы произошло событие, вошедшее в историю под названием «Майнильский инцидент». Инцидент стал отправной точкой обострения отношений между СССР и Финляндией и поводом для начавшейся спустя несколько суток Советско-финляндской войны 1939—1940 гг.

Несмотря на то что первые официальные версии произошедшего вблизи деревни Майнила появились в печати уже на следующий день после обстрела, в отечественной историографии до сих пор нет однозначного ответа, по какую сторону от границы прогремели те выстрелы.

Официальная реакция советской стороны была озвучена вечером 26 ноября 1939 года, когда народный комиссар иностранных дел СССР В.М. Молотов принял посланника Финляндии Ирье-Коскинена и вручил ему ноту советского правительства. В переданном документе говорилось: «По сообщению Генерального Штаба Красной армии сегодня, 26 ноября в 15 часов 45 минут наши войска, расположенные на Карельском перешейке у границы Финляндии, около села Майнила, были неожиданно обстреляны с финской территории артиллерийским огнём. Всего было произведено семь орудийных выстрелов, в результате чего убито трое рядовых и один младший командир, ранено семь рядовых и двое из командного состава. Советские войска, имея строгое приказание не поддаваться на провокации, воздержались от ответного обстрела». Правительство СССР не желает раздувать этого факта, заявляет протест и предлагает финляндскому правительству отвести свои войска от границы на 20—25 км[1].

27 ноября 1939 года финский посланник передал В.М. Молотову ответную ноту, в которой сообщалось: «Финляндское правительство в срочном порядке произвело надлежащее расследование. Этим расследованием было установлено, что пушечные выстрелы, о которых Вы упоминаете в письме, были произведены не с финляндской стороны. Напротив, из данных расследования вытекает, что упомянутые выстрелы были произведены 26 ноября между 15 часами 45 минутами и 16 часами 5 минутами по советскому времени с советской пограничной стороны близ упомянутого Вами селения Майнила. С финляндской стороны можно было видеть даже место, где взрывались снаряды, так как селение Майнила расположено на расстоянии всего 800 метров от границы, за открытым полем. На основании расчёта скорости распространения звука от семи выстрелов можно было заключить, что орудия, из которых произведены были эти выстрелы, находились на расстоянии около полутора—двух километров на юго-восток от места разрыва снарядов. Наблюдения, относящиеся к упомянутым выстрелам, занесены были в журнал пограничной стражи в самый момент происшествия. При таких обстоятельствах представляется возможным, что дело идёт о несчастном случае, произошедшем при учебных упражнениях, имевших место на советской стороне, и повлекшем за собой, согласно Вашему сообщению, человеческие жертвы. Вследствие этого я считаю своим долгом отклонить протест, изложенный в Вашем письме, и констатировать, что враждебный акт против СССР, о котором Вы говорите, был совершён не с финляндской стороны»[2].

Таким образом, уже по горячим следам были выдвинуты две официальные версии произошедшего инцидента. Однако дальнейшее расследование было прервано из-за начавшихся вскоре боевых действий. После Второй мировой войны в обстановке складывавшихся дружеских советско-финляндских отношений и стремления СССР в этих условиях не ворошить негативные страницы прошлого историкам было нецелесообразно углубляться в тему Советско-финляндской войны. Так, например, в книге В.В. Похлёбкина «СССР — Финляндия.

НАГЛАЯ ПРОВОКАЦИЯ ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЕНЩИНЫ

ЛЕНИНГРАД, 26 ноября (ТАСС). По сообщению штаба Ленинградского округа 26 ноября в 15 часов 45 минут наши войска, расположенные в километре северо-западнее Майнила, были неожиданно обстреляны с финской территории артогнем. Всего финнами произведено семь орудийных выстрелов. Убиты три красноармейца и один младший командир, ранено семь красноармейцев, один младший командир и один младший лейтенант. Для расследования на месте выслан начальник первого отдела Штаба округа полковник Тихомиров. Провокация вызвала огромное возмущение в частях, расположенных в районе артналета финнов.

Газета «Правда» от 27 ноября 1939 г.

260 лет отношений» инцидент в Майнила не упоминается. Вместо этого говорится о множественных провокациях и отказе правительства Финляндии отвести войска на 20—25 км от границы[3]. В книге «Тридцать лет добрососедства» Ю. Комиссаров упоминает ноту советского правительства от 26 ноября 1939 года, однако по какой причине с советской стороны последовало предложение правительству Финляндии отвести войска на Карельском перешейке, автор не указывает[4].

В начале 90-х годов прошлого столетия в связи с наметившимися изменениями в оценке советского периода отечественной истории в качестве основной стала рассматриваться концепция западной историографии, трактовавшей «Майнильский инцидент» как сознательную провокацию советской стороны, искавшей повод к началу войны. Содержание таких публикаций имело политизированно-публицистический характер и не отличалось высоким с научной точки зрения качеством[5].

Первым отечественным сторонником данной позиции стал доктор исторических наук М.И. Семиряга. В своей статье «Незнаменитая война», опубликованной в 1989 году в журнале «Огонёк»[6], автор подводит читателя к мысли, что инцидент в Майнила был подготовлен в Москве, акцентируя внимание на отказе СССР от совместного с Финляндией расследования происшествия и отказе от посредничества со стороны Лиги Наций. При этом однозначного вывода об ответственности Советского Союза в организации инцидента М.И. Семиряга не делает, ограничиваясь фразой, что «расследование подобных инцидентов, совершённых опытными провокаторами, — весьма сложное дело»[7].

В настоящее время в отечественной историографии сложилось несколько неравнозначных подходов к оценке этого происшествия. Наименее изученной при этом оказалась советская версия инцидента. Как правило, авторы, разделяющие позицию СССР, ограничиваются критикой аргументов финской стороны, не проводя собственных изысканий[8]. Некоторые историки вовсе не акцентируют внимание на организаторе провокации, справедливо полагая, что в настоящий момент нет объективных свидетельств в пользу одной из сторон. Тем не менее значительная часть исследователей поддерживает упомянутую выше концепцию западной историографии.

Попытаемся сформулировать основные позиции, на которые опираются авторы этих исторических гипотез.

1. Отсутствие информации о пострадавших. Пожалуй, наибольшее количество версий связано с отсутствием точных сведений о пострадавших в результате инцидента. В статье «Выстрелов не было», напечатанной в журнале «Родина» в 1995 году, историк-архивист П.А. Аптекарь установил, что район Майнила занимал 68-й стрелковый полк 70-й стрелковой дивизии, в журнале боевых действий которого на первой же странице написано: «26 ноября полк подвергся обстрелу белофиннов. Взорвалось 7 снарядов. Погибло 3 человека и ранено 6». П.А. Аптекарь замечает, что в заявлении В.М. Молотова в газете «Правда» от 27 ноября 1939 года говорится о четырёх убитых и девяти раненых[9]. В книге «Тайны и уроки зимней войны 1939—1940» авторы обратили внимание, что нота Правительства СССР, переданная Молотовым посланнику Финляндии, указывает на четырёх убитых и девять раненых[10].

В книге В.Н. Барышникова упоминается оперативная сводка, отправленная в Москву 26 ноября 1939 года в 22.00 из Ленинградского военного округа: «В районе Майнила расположение наших войск было обстреляно артогнём со стороны финнов, произведено 7 выстрелов, имеются убитые и раненые, число их выясняется». Однако в сообщении ТАСС по радио было сразу совершенно определённо названо число жертв артобстрела[11].

Причиной такого разброса цифр может быть принадлежность пострадавших к разным частям, а то и ведомствам, например, пограничных или внутренних войск[12]. Тем не менее отсутствие опубликованных материалов, содержащих сведения, из каких конкретно подразделений были пострадавшие, требует дальнейшей разработки этого вопроса.

Также многих исследователей настораживает отсутствие до настоящего времени рассекреченных списков фамилий погибших советских военнослужащих[13].

2. Звонок из Генштаба РККА в штаб ЛВО. В двухтомнике «Советско-финляндская война 1939—1940» авторы отмечают, что во всей этой истории с обстрелом бросается в глаза необыкновенная быстрота, с которой были выяснены и доложены в Москву подробности инцидента в Майнила. Складывается впечатление, пишут авторы, что Москва узнала об этом происшествии даже раньше, чем командование Ленинградского военного округа[14].

Основанием для такого суждения послужила запись телефонного разговора. Генштаб Красной армии запрашивал оперативного дежурного ЛВО: «Что за провокационная стрельба была со стороны финнов?» В результате выяснений оказалось, отмечает историк В.Н. Барышников, что даже в штабе 19-го стрелкового корпуса, части которого дислоцировались в районе Майнила, о случившемся узнали в этот день лишь в 21.00 из сообщения московского радио. Обстрел же этого района произошёл почти пятью часами ранее[15].

Между тем, как утверждает другой историк — Г.А. Куманёв, на самой записи телефонного разговора нет отметки, в какое время этот разговор состоялся. Также стоит отметить, что в статье Куманёва воспроизведён несколько иной вариант начала диалога между Москвой и ЛВО, в его версии из Москвы спрашивали: «Что там у вас произошло в Майниле?»[16].

Все эти факты свидетельствуют о необходимости более тщательного изучения данного документа, а пока сделанные на его основе выводы не стоит воспринимать как абсолютную истину.

3. Отказ от совместного расследования. В ноте правительства Финляндии, которую финский посланник Ирье-Коскинен передал народному комиссару иностранных дел В.М. Молотову, среди прочего предлагалось пограничным комиссарам обеих сторон на Карельском перешейке совместно произвести расследование по поводу данного инцидента в соответствии с Конвенцией о пограничных комиссарах, заключённой 24 сентября 1928 года[17].

Советским правительством это предложение было проигнорировано, что дало основание ряду исследователей оценить такой шаг как попытку скрыть свою ответственность за организацию провокации[18]. Вот что по этому поводу пишет ленинградский историк О. Поляков: «…Осколки снаряда разлетаются не по кругу, а по эллипсу, вытянутому в направлении полёта снаряда. Обследовав с помощью двусторонней комиссии места разрывов снарядов, можно было бы с полной уверенностью определить направление стрельбы»[19].

Теперь трудно сказать, чем в данном случае руководствовалась советская сторона, однако, как показывает опыт истории, даже результаты расследования независимых международных комиссий не всегда могут поставить точку в подобного рода спорах.

4. Отсутствие итогов советского расследования. Серьёзную проблему в изучении обстоятельств инцидента представляет незначительное количество официальных документов, касающихся «майнильской истории». В своей статье «Что там у вас произошло в Майниле?» Г.А. Куманёв, анализируя основной документ — донесение К.А. Мерецкого и члена военного совета округа А.Н. Мельникова Сталину, Молотову и Ворошилову, обращает внимание на отсутствие материалов советского расследования инцидента.

«26 ноября в 15 час. 45 мин. наши войска, расположенные в километре северо-западнее Майнила, были неожиданно обстреляны с финской территории артогнём. Всего финнами произведено семь орудийных выстрелов. Убиты три красноармейца и один младший командир, ранено семь красноармейцев, один младший командир и один младший лейтенант. Для расследования на месте выслан начальник первого отдела Штаба округа полковник Тихомиров. Провокация вызвала огромное возмущение в частях, расположенных в районе артналёта финнов»[20].

В этом донесении, как пишет автор статьи, много странностей. Во-первых, в деле хранится не оригинал, а копия. На ней стоит виза Б.М. Шапошникова — начальника Генерального штаба Красной армии с той же датой — 26 ноября. Во-вторых, нет времени поступления. Наконец, в тексте правка: последняя ранее содержавшаяся в документе фраза «Прошу указаний» вычеркнута. Но как можно было править копию? Нет сведений и о результатах расследования полковника Тихомирова, о поездке которого к месту происшествия идёт речь в конце донесения[21].

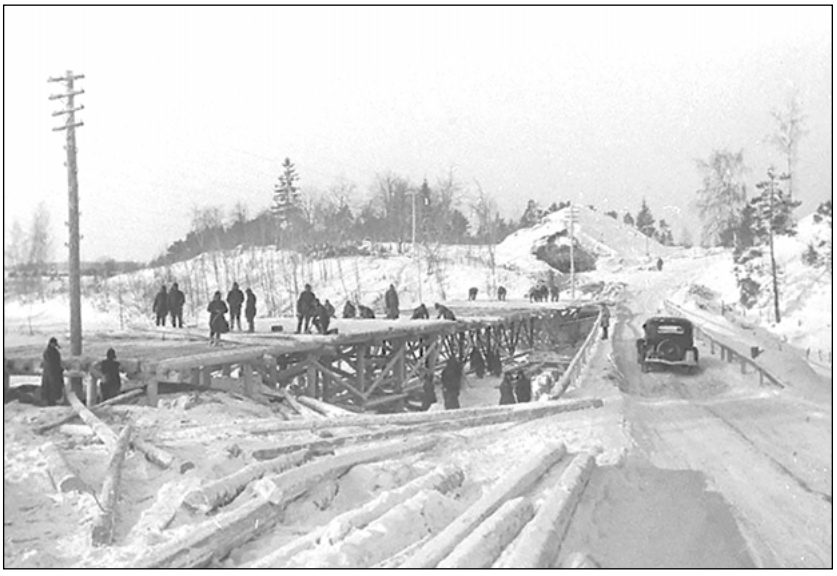
Помимо всего вышеизложенного К.М. Александров в своей статье «Новое об инциденте в Майниле» выразил сомнение относительно подлинности самого донесения: Мерецков в своих мемуарах «На службе народу» об этом не упоминает, что даёт основание предположить, что это донесение было составлено уже задним числом[22].

5. Записка А.А. Жданова. В научный оборот этот документ был введён профессором О. Манниненом, который опубликовал его в статье «Выстрелы были» на страницах журнала «Родина»[23]. В изложении финского историка эти записи выглядят так: 1) к границе должен быть подтянут батальон войск НКВД; 2) происходит инцидент с выстрелами; 3) затем организуется митинг для демонстрации всеобщего возмущения. Не совсем понятно, что подразумевал Жданов под словом, идущим отдельным пунктом 4 — «люди», но весьма вероятно, что это политработники, так как вслед за этим следует пункт 5 — распространения 30 тыс. пропагандистских листовок. Последним пунктом следует 6 — речь В.М. Молотова с перечислением агрессивных действий в Финляндии.

Следует подчеркнуть, пишет О. Маннинен, что Жданов использовал слово «расстрел», смысл которого отличен от понятия «артиллерийский огонь». Это слово в большинстве случаев используется, когда имеют в виду казнь,

Иностранные журналисты в Майнила
29 ноября 1939 г.

Сапёры на строительстве моста в районе финляндской пограничной заставы Яппинен
1939 г.

исполнение приговора. Отсюда следует, что конкретная форма инцидента в Майнила была определена позже. Возможно, Жданов думал об инсценировании ситуации, в которой финский патруль атакует советские войска, и, возможно, намечал, что будут обнаружены несколько трупов в Майнила[24].

Тут необходимо отметить, что слово «расстрел» в записке Жданова отсутствует. На самом деле в блокноте была сделана совершенно другая запись, которая лишь отдалённо напоминала понятие «расстрел». А.А. Ждановым было написано слово «рация», что вполне соответствовало тому, о чём в целом на данной странице его записной книжки шла речь, и никакого отношения к так называемому расстрелу оно не имело[25].

Попытка О. Маннинена связать эти записи с инцидентом в Майнила также не выдерживает критики. В своей статье «Советские архивные документы о “плане Жданова” накануне начала “зимней войны”» историк В.Н. Барышников убедительно показывает, что они касались не инцидента у деревни Майнила, о чём пишет профессор О. Маннинен, а организационной работы, относившейся к деятельности «финского народного правительства»[26].

6. Записка В.К. Деревянского. Подобно записке Жданова «сценарий» Майнильского инцидента был обнаружен в докладной записке В.К. Деревянского В.М. Молотову от 17 ноября 1939 года. В статье «Предъявлялся ли Финляндии ультиматум?» А.Г. Донгаров приводит содержание этого документа, который, по его мнению, стал своего рода «партитурой» советского ультиматума — инцидента в Майнила.

Полномочный представитель СССР в Финляндии В.К. Деревянский в своей записке предлагал создать обострённо-напряжённую обстановку на границе, начать антифинляндскую кампанию в советской печати, организовать митинги и демонстрации трудящихся под соответствующими лозунгами, а в качестве последнего шага пойти на денонсацию пакта о ненападении. Такой документ, вероятно, действительно хранится в Архиве внешней политики РФ, однако выглядит по меньшей мере странно, что В.К. Деревянский, бывший директор электродного завода, назначенный в конце января 1938 года полномочным представителем СССР в Финляндии и передававший в Москву информацию о политической обстановке в Хельсинки, спланировал провокацию против Финляндии.

7. Расследование полковника К. Инкала. Упомянутое в ноте правительства Финляндии расследование действительно проводилось. Материалы этого расследования были переведены на русский язык и напечатаны в развёрнутой статье И.И. Сейдина[27], где инциденту в Майнила отведена отдельная глава.

Изложенная в статье точка зрения очень интересна тем, что, во-первых, она опирается на впервые опубликованные в отечественной историографии протоколы опроса финских пограничников. Во-вторых, эти показания органично вписаны в «сценарии» записок Деревянского и Жданова. И, наконец, в-третьих, автор снабдил свою работу не только подробным описанием того, как могла быть организована провокация, но и схемами и картами с нанесёнными на них показаниями финских пограничников.

На основании всего вышесказанного работу И.И. Сейдина можно считать наиболее обстоятельным развитием версии правительства Финляндии. В изложении автора, вблизи погранзаставы Майнила, район которой хорошо просматривался финнами, был обстрелян пустой участок местности, стреляли из 82-мм миномёта, который в отличие от пушки обладает целым рядом преимуществ, в частности, возможностью стрелять с закрытой от зрительного наблюдения позиции, хорошей кучностью падения мин и их малым срединным рассеянием, малым весом и габаритами. Всего были сделаны 7 выстрелов, так как стандартный ящик боеприпасов содержал 7 осколочных мин, 2 дымовые и 1 агитационную мины[28]. Подтверждением чему служат результаты дознания полковника К. Инкала.

Рядовой В. Пекканен во время допроса, проведённого 27 ноября 1939 года в канцелярии 4-й пограничной роты по поводу разрывов, слышанных с территории СССР из района Майнила 26 ноября, показал следующее: «26 ноября в 14.45 послышались два выстрела с интервалом в 20 сек. из деревни Майнила. Судя по звуку, я решил, что выстрелы произведены из миномёта. Примерно через 20 сек. послышались два разрыва с того же направления, но ближе к границе. Судя по звуку, я решил, что разрывы произошли примерно в 1,5—2 км от границы. В 14.58 снова послышался один разрыв из Майнилы с того же направления, но немного дальше от границы. Во время произведения наблюдений я находился на шоссе неподалёку от моста у деревни Яппинен».

Рядовой М. Мякиля показал: «26 ноября 1939 г. я находился на охране границы, в 14.45 я услышал выстрел с направления 24-25. Ещё примерно через 20 сек. послышался разрыв со стороны заставы Майнила. Примерно через 3 минуты послышался снова разрыв с того же места, что и предыдущий. Ещё примерно через 3 минуты снова послышался выстрел, за которым последовал разрыв. Я продолжал обход и больше не считал последующие разрывы, которых было ещё несколько».

Рядовой щюцкора О.Э. Саволайнен показал: «Я находился на наблюдательном пункте в дозоре 26.11.39 между 15.00 и 18.00. Когда я прибыл на место несения наряда, я услышал выстрел и примерно через 20 сек. после этого отметил разрыв в направлении 15-00. Расстояние от места наблюдения составляло примерно 1100 м. Примерно через 3 минуты после этого я услышал второй выстрел и отметил разрыв приблизительно в том же месте. Примерно через 10 минут после этого на месте разрывов появился один человек, а затем на место прибыло ещё 5 или 6 человек. Они осматривали воронку от взрыва в течение примерно 3-х минут. Солдаты не производили раскапывания земли и не забирали ничего с собой. После этого на том месте никто не появлялся. Насколько я представляю, выстрелы были произведены с русской стороны с направления 18-00 или 19-00. С этого направления после разрывов были слышны также винтовочные выстрелы»[29].

Однако И.И. Сейдину не удалось «поставить точку» в истории Майнильского инцидента. Использованный им в качестве основы текст записки Жданова был намеренно или случайно процитирован с той же самой ошибкой, что была у О. Маннинена. Кроме того, в показаниях финских пограничников историком был упущен ряд обстоятельств, ставящих под сомнение ценность материалов финского расследования в качестве доказательства финляндской версии инцидента.

Несколько таких фактов приводит автор статьи «О Майнильском инциденте и немного о Мухине». Во-первых. Обозначенные финнами направления стрельбы указаны в делениях угломера. Этой системой измерения углов пользуются только артиллеристы, и никто более. Любой другой человек сказал бы, что разрыв наблюдал к востоку от себя. Или на три часа. Или на 90 градусов. Наблюдать разрыв на 15-00 может только артиллерист. Причём имеющий сориентированный прибор наблюдения. Но не пограничник. Во-вторых. Указать по звуку направление на позицию стреляющего миномёта с такой точностью (+-0-50=3 градуса) способна хорошо подготовленная батарея звуковой разведки. Но не 19-летний пограничник[30].

В. Гончаров в статье «Так кто же стрелял в Майнила?» обратил внимание на то, что все три свидетеля показали, что слышали звук выстрела до звука разрыва, а не после него. Между тем скорость артиллерийского снаряда (в среднем 500 м/сек) значительно выше скорости звука (300 м/сек). Следовательно, для того чтобы услышать выстрел раньше разрыва, надо находиться к месту выстрела заметно ближе, чем к месту разрыва, либо стоять близко к линии выстрела и позади орудия. Наибольшим интервал между выстрелом и разрывом будет в том случае, если наблюдатель будет стоять совсем рядом с пушкой. Но поскольку все трое находились рядом с границей, остаётся предположить, что снаряды летели с финской стороны[31].

Стоит отметить, что эта версия также имеет свои допущения. Например, автор утверждает, что в случае с пушкой интервал между звуком выстрела и звуком разрыва должен быть меньше 20 секунд, указанных в материалах финского расследования.

Попытку увязать интервал между звуком выстрела и звуком разрыва и утверждением финских пограничников о том, что стрельба велась из миномёта, предпринял Ю.И. Мухин в книге «Красная армия. Парад побед и поражений»[32]. В своих расчётах автор приходит к следующему выводу.

При взрыве мины 82-мм миномёта через 20 секунд после того, как Пекканен услышал выстрел, миномёт должен был находиться в 3,3 км от места разрывов его мин. Но у этого миномёта предельная дальность стрельбы — 3 км. 120-мм миномёт должен был находиться на удалении 6,6 км от места разрывов его мин, но у него максимальная дальность стрельбы — 5,7 км. Полковая пушка должна была находиться в 13,2 км от места разрывов её снарядов, но у этой пушки предельная дальность стрельбы — 8,5 км. То есть у Красной армии не было такого оружия, чтобы при стрельбе в направлении противника была услышана разница между выстрелом и разрывом в 20 секунд. Но если считать, что выстрелы произведены из финского 81-мм миномёта из-за спины пограничников с расстояния 1—1,5 км, через голову финских наблюдателей у границы и на километр перед ними, то тогда выстрел ими будет услышан примерно через 3—5 секунд соответственно. А разрыв — через 21—26 секунд. Разница между звуком выстрела и звуком разрыва как раз и будет 18—21 секунду, то есть около этих пресловутых 20 секунд[33].

Опираться на такие исследования, не имея предметных знаний в военной области, очень сложно. Кроме того, авторы подобных расчётов часто обвиняют друг друга в незнании тактико-технических характеристик и реальных качеств описываемого вооружения и, как следствие, допущенных в результате этого ошибках.

8. Признание С.Л. Окуневича. В 1985 году генерал КГБ в отставке С.Л. Окуневич рассказал писателю из Санкт-Петербурга Игорю Буничу, что именно он возглавлял спецгруппу, совершившую провокацию. Специальная команда НКВД, прибывшая на Карельский перешеек из Ленинграда, состояла из 15 человек, с ними было одно орудие на конной тяге. По словам Окуневича, их направили на Карельский перешеек с приказом испытать действие секретного снаряда, указав точно место стрельбы, направление и угломер. Команду сопровождали два специалиста по «баллистике»[34].

Эту же версию (только более подробно) раскрывает Станислав Грачёв в статье «Лев сражается с мышонком, или Россия, кровью умытая».

Советскую воинскую часть обстреляла команда НКВД. В команде были 15 человек с одной пушкой, которую тащили лошади. Командовал группой майор НКВД Окуневич (умер в 1986 г.). Ему было строго-настрого предписано, когда и с какого места

стрелять, в каком направлении и под каким углом. Он, как и все остальные в группе, был уверен, что снаряды лягут на далёкий невидимый полигон, где за их действием будут наблюдать те, кому надо. С виду снаряды были самые обычные, но ведь в снаряде важен не внешний вид, а начинка. Поскольку снаряды были секретные, то и вся группа действовала секретно. Значимость экспедиции подчёркивалась тем, что ленинградскую команду сопровождали два соглядатая из Москвы — они отрекомендовались специалистами по баллистике. Специалисты особо проследили, чтобы выстрелы из пушки были произведены в строгом соответствии с предписанием. Что и было сделано[35].

Подробный разбор этой версии был проведён в статье Константина Филиппова «Майнила. В дебрях лжи»[36]. Стоит только отметить, что автор нескольких книг о «белых пятнах XX века» Игорь Бунич уже неоднократно был уличён в искажении фактов с целью придания им большей сенсационности[37].

9. Мемуары Н.С. Хрущёва. Публикации «Воспоминаний» в Советском Союзе начинаются в конце перестройки в журналах «Огонёк»[38] и «Вопросы истории». Хрущёв пишет, что решение о провокации было принято в Москве, для непосредственной организации инцидента в Ленинград заранее послали Г.И. Кулика.

«Мы сидели у Сталина довольно долго, ожидали часа истечения ультиматума. Сталин был уверен, и мы тоже верили, что не будет войны, что финны в последнюю минуту примут наши предложения, и тем самым мы достигнем своей цели без войны, обезопасим страну с Севера. <…> Потом позвонили, что мы всё-таки произвели роковой выстрел. Финны ответили артиллерийским огнём. Началась война. Говорю это потому, что существует и другая трактовка событий: дескать, финны выстрелили первыми, а мы вынуждены были ответить»[39].

Именно на этот отрывок ссылаются некоторые исследователи, подтверждая таким образом, что именно Советский Союз подготовил и осуществил эту провокацию. Однако, как можно судить из текста, о самой погранзаставе Майнила там нет ни слова, да и описание выглядит очень странно. Вопрос о том, кто выстрелил первым, а кто вынужден был открыть ответный огонь, в контексте Майнилького инцидента вообще не возникал.

10. Мемуары К.Г. Маннергейма. В книге «Сталин и Великая Отечественная война» историк А.Б. Мартиросян организатором провокации называет К.Г. Маннергейма. В подтверждение этих слов автор указывает, что в своих мемуарах маршал Финляндии собственным же пером признал, что лично был причастен к данным событиям. 26 ноября 1939 года он побывал на Карельском перешейке в связи с происшедшим инцидентом. Однако Советский Союз вручил ноту протеста только 27 ноября. До этого дня никто в мире и не знал, что там произошёл артиллерийский инцидент. Кроме, естественно, того, кто его организовал, и тех, кто пострадал[40].

Какой именно публикацией мемуаров пользовался автор и на какой странице содержится эта информация, в книге не указано. В переводе мемуары К.Г. Маннергейма стали доступны в нашей стране в 1999 году, когда издательство «Вагриус» напечатало сокращённую версию «Воспоминаний». Перевод был сделан с финского издания, однако в русском издании присутствуют существенные сокращения. Инциденту в Майнила в них отведено всего несколько строк, тем не менее там нет упомянутых А.Б. Мартиросяном фактов.

«И вот провокация, которую я ожидал с середины октября, свершилась. Когда я лично побывал 26 октября на Карельском перешейке, генерал Ненонен заверил меня, что артиллерия полностью отведена за линию укреплений, откуда ни одна батарея не в силах произвести выстрел за пределы границы. Во время войны 1941—1944 гг. пленные русские детально описали, как была организована неуклюжая провокация»[41].

В 2012 году издательством «Попурри» перевод был сделан с английского издания «Воспоминаний». Общее содержание эпизода, где Маннергейм упоминает свой визит на Карельский перешеек, осталось прежним, что может свидетельствовать о соответствии оригинальному тексту.

«Это была провокация, которую я ожидал с середины октября. Когда 27 октября я посетил Карельский перешеек, то получил личные разъяснения генерала Ненонена, что артиллерия полностью была сконцентрирована за укреплённой линией обороны, из-за которой выстрелы не могли достигнуть границы. Во время войны 1941—1944 гг. было взято несколько пленных, которые точно описали, как готовилась эта примитивная провокация»[42].

Из всего вышеперечисленного можно сделать вывод, что обстоятельства «Майнильского инцидента», представленные А.Б. Мартиросяном, являются грубой фальсификацией.

Почти слово в слово «открытие» Мартиросяна можно обнаружить в книге историка Ю.И. Мухина «Красная армия. Парад побед и поражений»[43]. Учитывая разницу во времени выхода в печать этих исследований, можно предположить, что Мухин позаимствовал идею у своего коллеги, не дав ссылку на него. Интереснее выглядит замечание историка Ю.И. Мухина, что незадолго до инцидента Маннергейм ожидал именно артиллерийской провокации и специально удалил артиллерию подальше от границы, оставив войска на передовой без артиллерийской поддержки[44]. Стоит только обратить внимание, что свои мемуары К.Г. Маннергейм составлял спустя значительный срок после описываемых событий. В таких случаях имеет место наложение позднейших впечатлений на мотив ранее совершённых поступков. Всё это свидетельствует о том, что использовать такой источник нужно крайне осторожно, также необходимо помнить то, с какой тщательностью автор мемуаров выверял каждую фразу перед публикацией.

11. Показания советских военнопленных. Упомянутые Маннергеймом в своих «Воспоминаниях» показания советских военнопленных действительно существовали, их удалось обнаружить в архиве МИД Финляндии. Е. Балашов в статье «Провокация в Майнила» приводит содержимое соответствующей папки[45].

Первым приведён протокол допроса военнопленного Ивана Сергеевича Удовиченко от 15 сентября 1941 года в лагере военнопленных № 1. По его утверждению, два полевых орудия (калибра

76 мм) артиллерийского полка (номера он не помнит) обстреляли Майнила. Военнопленный говорит, что сам слышал 5 орудийных выстрелов. Целью был провокационный обстрел своей территории, но один из снарядов попал в пулемётное гнездо, в котором были убиты младший лейтенант Пятаев, один младший сержант, один рядовой и один рядовой был ранен. Согласно рассказу пленного все солдаты 1-й и 2-й рот 1-го батальона 68-го стрелкового полка знали, что их обстреляли со своей территории. По крайней мере уже 15 ноября 1939 года всем было известно, что война начнётся.

Показания второго военнопленного, к сожалению безымянного, содержат больше интересных подробностей, поскольку он в момент обстрела находился непосредственно на границе на своём наблюдательном посту.

«Итак, наступил день мирового преступления — позорной Майнильской провокации 26 ноября 1939 г. В этот день мы, как обычно, находились на боевом дежурстве на своих передовых позициях. Был туманный осенний день. Мы бдительно наблюдали за ближними окрестностями и за тем, что находилось далеко от нас на сопредельной стороне. <…> В 15.00 зазвонил телефон. Всем дозорам, находившимся на открытых позициях, был дан приказ перейти в блиндажи и оставаться в них до особого распоряжения. Начальник дозора отправился оповещать остальных подчинённых. Я поспешил к своему наблюдательному пункту, поскольку я не относился к пулемётной роте, а был артиллеристом. Я также не относился и к дозорным открытых позиций, так как сидел внутри наблюдательного пункта. <…> Всё было спокойно. Внезапно откуда-то с тыла, со стороны деревни Майнила, где находился мой полк, послышались раскатистые звуки и чуть позднее с того же направления мощные взрывы. Я посмотрел на часы, они показывали 16.00. Всего я насчитал примерно дюжину разрывов. Я посмотрел назад, откуда донеслись эти взрывы, но не заметил ни огня, ни дыма. Я перевёл взгляд на финскую сторону, где возле сосны сидел ихний наблюдатель и что-то записывал в блокнот. Начало смеркаться. В свою буссоль я больше ничего не мог увидеть, поэтому, забрав её с собой, я поспешил в казарму»[46].

Интересен тот факт, что финны опрашивали пленных об инциденте в Майнила даже после окончания Советско-финляндской войны, когда, казалось бы, эта информация уже не имела значения. Сам автор статьи воздержался от критического анализа этих свидетельств. Однако данные показания советских военнопленных представляют собой интересный источник, требующий тщательного изучения, в том числе и источниковедческого.

12. Провокация НКВД. Основываясь на показаниях советских военнопленных, О. Маннинен называет ещё одного непосредственного организатора Майнильского инцидента — начальника НКВД Ленинградской области комиссара 3 ранга С.А. Гоглидзе, который присутствовал на полевых испытаниях близ Майнила новой модели миномёта. О. Маннинен утверждает, что это неплохо увязывается с тем обстоятельством, что С.А. Гоглидзе — одно из ближайших к Л.П. Берии лиц — был награждён орденом Красного Знамени в связи с «Зимней войной»[47].

Однако основание для таких выводов не очень убедительное. Во-первых, О. Маннинен ссылается на показания безымянного советского военнопленного на финском языке, в которых тот рассказывает, что, по слухам, вблизи Майнила проходили испытания нового миномёта. Такой источник информации не только является субъективным, но и не выдерживает никакой источниковедческой критики. Во-вторых, сам по себе факт учебных стрельб, только с другими участниками, уже упоминался выше, кроме того, С.А. Гоглидзе не был единственным представителем органов госбезопасности, получившим награду в ходе войны.

Подводя итог, можно констатировать следующее: единственное, с чем были согласны авторы представленных выше версий, так это с тем, что в районе Майнила 26 ноября 1939 года действительно стреляли. Но появилась ещё одна версия, согласно которой выстрелов не было вовсе. Такую трактовку произошедшего инцидента у погранзаставы Майнила высказал в своей работе «Советско-финские войны» историк-архивист П.А. Аптекарь. Автор установил, что район Майнила занимал 68-й стрелковый полк (сп) 70-й стрелковой дивизии (сд), и разыскал его журнал боевых действий, в котором содержится запись об имевшем место инциденте. Исследователя настораживает то, что все 25 страниц заполнены одним и тем же почерком, а подписан этот журнал командиром полка капитаном Салыниным и начштаба старшим лейтенантом Князевым. Между тем оперативные документы первых дней войны подписаны командиром полка полковником Коруновым и начальником штаба капитаном Русецким[48]. В пользу своей версии П.А. Аптекарь также отмечает отсутствие в разведывательных и оперативных сводках 70 сд и 19-го стрелкового корпуса сведений о выстрелах. Не обнаружил архивист и изменений боевого или численного состава 68 сп в период с 25 по 28 ноября 1939 года. Основываясь на всех этих фактах, автор констатирует: «Можно сделать вывод, что никакого обстрела Майнила с советской или с финской стороны не было, разве что провокаторы из НКВД могли взорвать в Майнила несколько холостых зарядов или взрывпакетов»[49].

Эту же версию в статье «Новое об инциденте в Майниле» приводит историк К.М. Александров. Упоминание о выстрелах в документах 68 сп 70 сд он объясняет тем, что журнал 68-го полка был составлен уже после окончания боевых действий, в марте 1940 года[50]. Особый интерес представляет источник информации, на который ссылается автор: это неопубликованная статья, составленная по документам бывшего ЦГАСА (ныне РГВА) и переданная в издательство «Посев» сотрудником архива под псевдонимом С.А. Королёв в 1991 году. Примечательно, что в это же время обязанности архивиста в ЦГАСА выполнял П.А. Аптекарь, безуспешно пытавшийся, как следует из его предисловия к книге «Советско-финские войны», опубликовать результаты своих научных изысканий.

По мнению К.М. Александрова, против официальной версии свидетельствует также тот факт, что в Ленинградском медицинском

архиве нет историй болезней раненых, поступивших в период с 25 по 30 ноября 1939 года.

Попытка опровергнуть версию П.А. Аптекаря была предпринята в книге «Тайны и уроки зимней войны 1939—1940»[51]. Не отдавая предпочтение советскому или финскому варианту развития событий, авторы указывают на очевидную несостоятельность тезиса об отсутствии самого факта обстрела. Критике также были подвергнуты слова архивиста о вероятной правке журнала боевых действий. Практика показывает, пишут авторы книги, что многие документы (журнал боевых действий, исторический формуляр и др.), которые обязаны были вести командир, начальник штаба или его помощник, перепоручалось заполнять другим офицерам или даже писарям[52].

По мнению авторов книги, более убедительно выглядит тезис П.А. Аптекаря о том, что в сводке и донесениях штаба 70 сд и её частей не зафиксированы сведения о выстрелах с другой стороны, а данные о боевом и численном составе 68 сп с 25 по 28 ноября 1939 года оставались неизменными. Однако даже основываясь на этих документах, нельзя утверждать, что выстрелов не было, и убитых и раненых тоже.

Гипотеза о том, что никаких выстрелов в Майнила не было, оказалась более живучей, чем это могло показаться на первый взгляд. Вновь мы встречаем её в статье «Выстрелов в Майнила не было» С. Исотало[53]. В подтверждение своей теории автор ссылается на финские архивные источники, но без указания названия архива, номеров фондов и описей.

С. Исотало утверждает, будто до выступления московского радио финские пограничники сообщали в штаб о спокойной обстановке на границе. Однако после телефонограммы из Хельсинки о том, что Москва знает о произошедшем на границе инциденте, «свидетели» этого происшествия были найдены и среди финских пограничников, которые слово в слово повторили переданную из Москвы информацию[54]. В каких именно аспектах показания финских пограничников совпадают с сообщением ТАСС, автор статьи умалчивает.

В заключение стоит отметить, что, несмотря на значительное число работ, посвящённых непосредственно инциденту в Майнила, эта тема не является закрытой и имеет достаточный потенциал для дальнейших исследований. Представленные версии не имеют прямых доказательств, а подбор косвенных зависит лишь от занимаемой автором позиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Правда. 1939. № 328. 27 ноября. С. 2.
[2] Там же. № 330. 29 ноября. С. 1.
[3] *Похлёбкин В.В.* СССР — Финляндия: 260 лет отношений. М.: Международные отношения, 1975. С. 296, 297.
[4] *Бартеньев Т., Комиссаров Ю.* Тридцать лет добрососедства (к истории советско-финляндских отношений). М.: Международные отношения, 1976. С. 41.
[5] *Степаков В.* Майнила или история семи выстрелов // Россия. 1991. № 39(47). 2—8 августа. С. 5; *Бунич И.Л.* «Гроза»: кровавые игры диктаторов. СПб.: Облик, 1997; *Соколов Б.В.* Тайны финской войны. М.: Вече, 2000; *Грачёв С.* Лев сражается с мышонком, или Россия, кровью умытая: Советско-финляндская война 1939—1940 гг. // Вестник. 1999. № 7(214). 30 марта. Интернет-ресурс: http://www.vestnik.com (дата обращения: 8 сентября 2019 г.); *Аптекарь П.А.* Советско-финские войны. М.: Эксмо; Яуза, 2004.
[6] *Семиряга М.И.* Незнаменитая война. // Огонёк. 1989. № 22(3227). 27 мая — 3 июня. С. 28—30.
[7] *Семиряга М.И.* Советско-финляндская война. М.: Знание, 1990. С. 14.
[8] *Гончаров В.* Кто же стрелял в Майнила? // *Захаров М.В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005; *Мухин Ю.И.* Красная армия: парад побед и поражений. М.: Алгоритм, 2016.
[9] *Аптекарь П.* Выстрелов не было. // Родина. 1995. № 12. С. 53—55.
[10] Тайны и уроки зимней войны 1939—1940 / Ред.-сост. Н.Л. Волковский. СПб.: Полигон, 2000. С. 106.
[11] *Барышников В.Н.* От прохладного мира к зимней войне: восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1997. С. 282.
[12] Тайны и уроки зимней войны 1939—1940. С. 104—106.
[13] Советско-финляндская война 1939—1940 в 2 кн. / Сост. П.В. Петров, В.Н. Степаков. Кн. 1. СПб.: Полигон, 2003. С. 29; *Куманёв Г.А.* «Что там у вас произошло в Майниле?» // Новое время. 1992. № 26. С. 46—48; *Степаков В., Орехов Д.* Майнила, или Загадка зимней войны // Стерх. 1991. № 1. С. 40—42; *Барышников В.Н.* Указ. соч. С. 283.
[14] Советско-финляндская война 1939—1940. Кн. 1. С. 29.
[15] *Барышников В.Н.* Указ. соч. С. 281, 282.
[16] *Куманёв Г.А.* Указ. соч. С. 46—48.
[17] Правда. 1939. № 330. 29 ноября. С. 1.
[18] Советско-финляндская война 1939—1940. Кн. 1. С. 29; *Куманёв Г.А.* Указ. соч. С. 46—48; *Степаков В., Орехов Д.* Указ. соч. С. 40—42; *Барышников В.Н.* Указ. соч. С. 283.
[19] *Степаков В.* Указ. соч. С. 5.
[20] *Куманёв Г.А.* Указ. соч. С. 46—48.
[21] Там же. С. 46—48; *Барышников В.Н.* Указ. соч. С. 284.
[22] *Александров К.М.* Новое об инциденте в Майниле (малоизвестные страницы истории советско-финляндской войны 1939—1940 гг.) // Новый часовой. 1994. № 1. С. 24—29.
[23] *Маннинен О.* Выстрелы были // Родина. 1995. № 12. С. 56, 57; Принимай нас, Суоми-красавица!: «освободительный» поход в Финляндию 1939—1940 гг. в 2 ч. Ч. 1. М.: Цитадель, 2000. С. 10; Советско-финляндская война 1939—1940. Кн. 1. С. 28.
[24] *Маннинен О.* Указ. соч. С. 56, 57.
[25] *Барышников В.Н.* Советские архивные документы о «плане Жданова» накануне начала «зимней войны» // Вестник СПбГУ. 2013. № 3. С. 48.
[26] Там же. С. 43—52.
[27] Принимай нас, Суоми-красавица! С. 11—16; Тайны и уроки зимней войны 1939—1940 / Ред.-сост. Н.Л. Волковский. СПб.: Полигон, 2000. С. 104, 105.
[28] Принимай нас, Суоми-красавица! С. 11—16.
[29] Тайны и уроки зимней войны 1939—1940. С. 104, 105.
[30] О Майнильском инциденте и немного о Мухине // Интернет-ресурс: https://nesvidomij.livejournal.com (дата обращения: 8 сентября 2019 г.).
[31] *Гончаров В.* Указ. соч. С. 528.
[32] *Мухин Ю.И.* Указ. соч. С. 304—316.
[33] Там же. С. 313.
[34] *Бунич И.Л.* Указ. соч. С. 67, 68.
[35] *Грачёв С.* Указ. соч.
[36] *Филиппов К.* Майнила: в дебрях лжи // Интернет-ресурс: http://www.rkka.ru (дата обращения: 8 сентября 2019 г.).
[37] *Захаров М.В.* Указ. соч. С. 529.
[38] *Хрущёв Н.С.* Воспоминания // Огонёк. 1989. № 30(3235). С. 10—13.
[39] *Он же.* Воспоминания: время, люди, власть в 2 кн. Кн. 1. М.: Вече, 2016. С. 199.
[40] *Мартиросян А.Б.* Сталин и Великая Отечественная война. М.: Вече, 2007.
[41] *Маннергейм К.Г.* Мемуары / [Пер. с финс.]. М.: Вагриус, 1999. С. 256.
[42] *Он же.* Воспоминания / [Пер. с англ.]. Минск: Попурри, 2012. С. 228.
[43] *Мухин Ю.И.* Указ. соч.
[44] Там же. С. 308.
[45] *Балашов Е.* Провокация в Майнила // Интернет-ресурс: https://diletant.media (дата обращения: 8 сентября 2019 г.).
[46] Там же.
[47] *Маннинен О.* Указ. соч. С. 80.
[48] *Аптекарь П.А.* Советско-финские войны. М.: Эксмо, Яуза, 2004. С. 62.
[49] Там же. С. 59—64.
[50] *Александров К.М.* Указ. соч. С. 24—29.
[51] Тайны и уроки зимней войны 1939—1940.
[52] Там же. С. 106.
[53] *Исотало С.* Выстрелов в Майнила не было // От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939—1944 гг.: сборник статей. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. С. 66—68.
[54] Там же. С. 67. ■

М.В. УЛЬЯНОВА

M.V. ULYANOVA

«К НАМ ОТНОСЯТСЯ, КАК К РОДНЫМ БРАТЬЯМ...»

Медицинская помощь китайским военнопленным на КВЖД (1929 г.)

«WE ARE TREATED LIKE MEMBERS OF THE FAMILY...»

Medical assistance for Chinese POWs at the East Chinese Railroad (1929)

Сведения об авторе. *Ульянова Мария Васильевна — доцент кафедры философии ФГБОУ ВО ДВГМУ Минздрава России, кандидат исторических наук (г. Хабаровск. E-mail: cms@mail.fesmu.ru).*

Аннотация. *В статье рассматривается советская медицина как инструмент «мягкой силы» в работе с китайскими военнопленными в ходе конфликта на КВЖД 1929 года.*

Ключевые слова: *конфликт на КВЖД 1929 года; «мягкая сила»; советская медицина; китайские военнопленные.*

Information about author. *Maria Ulyanova — Assistant Professor of the Philosophy Department, Far Eastern State Medical University of the Russian Health Ministry, Cand. Sc. (Hist.) (city of Khabarovsk. E-mail: cms@mail.fesmu.ru).*

Summary. *The paper looks at Soviet medicine as a soft power tool in the work with Chinese POWs in the course of the 1929 conflict at the Chinese Eastern Railroad.*

Keywords: *1929 conflict at the Chinese Eastern Railroad; soft power; Soviet medicine; Chinese POWs.*

В СОВРЕМЕННОЙ политической и научной лексике при оценке деятельности государства на международной арене и анализе его потенциала активно используется термин «мягкая сила». Американский политолог, профессор Гарвардского института государственного управления имени Дж. Кеннеди Дж.С. Наймладший так характеризовал это понятие: «Способность влиять на других путём... убеждения и оказания позитивного и привлекательного воздействия для достижения желаемых результатов»[1]. Эта концепция является частью более широкого понятия «умная сила», в которую помимо мощи, спрятанной в «бархатную перчатку», входит традиционный военный потенциал. При ретроспективном взгляде на историю СССР можно увидеть, что одним из первых примеров использования «умной силы» являлся конфликт на КВЖД 1929 года, в котором советское правительство продемонстрировало способность применить наиболее эффективную военно-политическую стратегию.

В отечественной историографии, кроме подробного освещения хода боевых действий, рассматривались вопросы информационно-психологического воздействия на китайских военнопленных со стороны политических органов Особой Дальневосточной армии (ОДВА)[2]. Однако советская медицина ещё нигде не позиционировалась историками как отдельный и значимый инструмент «мягкой силы», способствовавший проводившейся СССР в сопредельных государствах успешной пропагандистской политике.

Вначале следует отметить, что китайская медицина — одна из древнейших медицинских традиций мира, развивавшихся независимо от европейской врачебной науки и практики. Поэтому она использовала особые методы диагностики, специфические приёмы лечения и лекарственные средства. Европейцы, привыкшие к иным способам оказания медицинской помощи, относились недоверчиво к китайским лекарям, считая их шарлатанами.

Так, в очерках, посвящённых действиям международных сил по подавлению восстания ихэтуаней в Китае в начале XX века, русский корреспондент Д.Г. Янчевский описал работу военных врачей Цинской империи: к свежей ране прикладывалось раскалённое железо, чтобы остановить кровь; протыкали её раскалёнными иголками; для очищения крови давали отвар из полевых кузнечиков, а для приобретения храбрости поили желчью тигра. Далее автор иронично резюмировал: «Через несколько дней раненый либо умирал, либо поправлялся, и тогда все солдаты дивились искусству врачей»[3].

В конце XIX — начале XX века власти Поднебесной проводили политику модернизации в различных областях, в т.ч. и в медицине. Западная врачебная практика, привнесённая европейскими миссионерами и дипломатическими миссиями, в первые десятилетия XX века уже составляла конкуренцию традиционной китайской медицине. Молодые китайские врачи получали образовательные дипломы не только в университетах Европы и Америки, но и в созданных в Китае высших медицинских школах. Большую роль в трансфере западных медицинских знаний в Поднебесную сыгра-

Хирургическое отделение Хабаровского военного госпиталя
1930-е гг.

ла Япония, начавшая подобный процесс несколькими десятилетиями раньше. В 1920-х годах медицинские учреждения по европейскому образцу (больницы, амбулатории, школы) были распространены уже по всему Китаю, причём модернизация сначала затронула военную медицину, а потом гражданскую[4].

Несмотря на все реформаторские попытки, в первой четверти XX века Китай представлял собой отсталую, полуколониальную, раздираемую внутриполитическими кризисами страну с неразвитой экономической и социальной сферами жизнедеятельности общества. Такое положение крайне негативно сказывалось на состоянии медицины. Этот факт признают и современные китайские историки Лю Вэньсюй и У Фан. В своём исследовании «Техническая и военная помощь СССР Китаю (в 20—50 гг. XX в.)» они отмечали, что в 20-е годы прошлого столетия «гигиенично-медицинские отрасли были очень неразвиты, качество культуры и здоровье народа было куда плохо»[5]. Примером, иллюстрировавшим состояние китайской медицины в исследуемый период, являлась информация, которую привела в своих воспоминаниях переводчик группы советских военных советников, работавших в этой стране в 1925—1927 гг., В.В. Вишнякова-Акимова. Она писала о том, что когда в провинциях Гуандун и Хунань вспыхнула эпидемия холеры, то местные власти, чтобы «прогнать злых духов», устраивали процессии с хлопушками, на что потратили все деньги, выделенные на борьбу с болезнью[6].

Уровень военной медицины также был крайне низок, что объяснялось не только объективными причинами, но и существовавшей среди генералов и офицеров армии Поднебесной установкой: «В Китае народу много, солдаты всегда найдутся»[7].

По свидетельству советских военных специалистов, которые работали за несколько лет до конфликта в вооружённых силах Гоминдана, «вообще её (китайской армии. — **Прим. авт.**) санитарное состояние находилось на самом низком уровне… в некоторых частях были врачи без медицинского образования, получившие назначение по знакомству»[8]. Кроме того, казармы китайских солдат находились в антисанитарном состоянии. Из-за скученности и неряшливости среди них широко были распространены чесотка, венерические и другие заболевания. Около 5 проц. личного состава из-за плохого питания страдало от бери-бери (авитаминоз B1), около 2 проц. — от малярии, 1 проц. — от дизентерии, 15 проц. — от туберкулёза[9]. Поэтому китайский солдат в 1929 году представал перед красноармейцами человеком «с лицом чахлой, изморённой голодом лошади», «шаркающим мокрым рукавом сопли», со слезящимися глазами и с «чёрными, полусгнившими зубами»[10].

Попавшие в плен военнослужащие армии Чжан Сюэляна на основании информации о Красной армии из официальных источников ожидали применения пыток, в т.ч. таких изощрённых, как пиление деревянной пилой, и смерти. Им внушалось, что «красные войска не берут в плен, а убивают, грабят мирных жителей, насилуют женщин»[11].

Однако идеологическая установка, определявшая отношение РККА к военнопленным в подобном конфликте, была высказана ещё в 1918 году И.В. Сталиным: «Задача коммунизма — разбить вековую спячку угнетённых народов Востока, заразить рабочих и крестьян этих стран освобождающим духом революции, поднять их на борьбу с империализмом»[12]. Такой же концепции придерживались командование ОДВА и военно-политическое руководство Дальневосточного края (ДВК). В документе, разосланном по районным комитетам партии 14 декабря 1929 года, говорилось, что «целевая установка работы с военнопленными — использование каждого дня их нахождения на советской территории для полного политического перевоспитания их, для превращения бывшего активного противника Советского Союза в сочувственно настроенного человека, для превращения бывшей боевой силы в фактор, который будет способен разложить китайскую армию простой передачей правдивого рассказа о советской стране». Предполагалось решение этой задачи не только через пропагандистско-агитационную работу, но и через заботливое отношение к нуждам военнопленных. Местным органам власти предписывалось обеспечить их «бесперебойное хозснабжение», в т.ч. «медицинско-санитарное обслуживание (баня, бельё, дезинфекция, амбулатории, госпитальные пункты)»[13].

Первую медицинскую помощь пленные китайские воен-

нослужащие получали ещё на поле боя, когда красноармейцы перевязывали их раны собственными индивидуальными пакетами. Затем их отправляли в передовые перевязочные пункты, находившиеся в нескольких километрах от линии фронта, где им обеспечивали отдых, питание и лечение вместе с советскими солдатами. Это становилось важным аспектом в работе со специальным контингентом, так как нахождение в одних палатах с бойцами ОДВА позволяло убедиться, что все получают равноценные питание и медицинский уход. При этом красные командиры и рядовой состав не проявляли чувства злобы и не стремились мстить побеждённым, уступали им первую миску супа, пытались беседовать, помогая себе жестами. Такой подход быстро давал результаты, пленные меняли свои мировоззренческие установки. Например, военнопленный Хо Бо-чень писал в обращении к мукденским солдатам: «В госпитале я увидел, что к нам относятся, как к родным братьям. Теперь я убедился, что всё рассказанное капитанами о Красной Армии — ложь». Другие пленные после оказания помощи заявляли: «Большевики хорошие, у большевиков большое сердце», «моя воевать не хочет»[14].

В наиболее сложных случаях попавших в плен китайских солдат и офицеров отправляли в лечебные учреждения на советской территории. Так, за время конфликта на КВЖД Хабаровский окружной военный госпиталь принял 276 раненых и обмороженных, в т.ч. 208 раненых красноармейцев и командиров Красной армии и 68 пленных китайской армии. Во Владивостокском госпитале проходили лечение 70 раненых китайских военнослужащих. По их отзывам, они встретили самое хорошее отношение как со стороны больных и раненых красноармейцев, так и со стороны врачей: «живём в госпитале, как капитаны», «наши раны лечат врачи в очках и белых халатах»[15].

Одним из таких кудесников был главный врач Хабаровского военного госпиталя Ф.А. Шахматов. По воспоминаниям его сослуживца Г.Ф. Быстрикова (в последующем — генерал-лейтенанта), «это был человек высокой культуры, большого военно-медицинского опыта, замечательных душевных качеств, большого организаторского размаха»[16].

Среди ранений, с которыми поступали в это лечебное учреждение, преобладали ружейные пулевые (около 65 проц.), остальные были нанесены осколками артиллерийских снарядов и ручных гранат. Больше всего было ранений конечностей — до 77 проц. Повреждения головы и шеи — 8 проц., груди — 6 проц., живота и таза — 4 проц. и множественные ранения — 6,5 проц., обморожения 2—3 степени встречались довольно часто.

Лечение проводилось весьма квалифицированно. Хирурги под руководством заведующего отделением Д.Н. Тихомирова делали пластические операции, например пересадку кожи по Тиршу, производили невролиз срединного и седалищного нервов, перевязывали артерии. Раны с повреждением костей и слепые ранения были большей частью инфицированы и требовали удаления инородных тел и вскрытия гнойников. После этого раны ушивались частично или совсем, швы на них не накладывались[17].

Медицинская помощь оказывалась не только военнопленным, но и мирному населению Поднебесной. В ходе Маньчжуро-Чжалайнорской операции войска Забайкальской группы ОДВА заняли на китайской территории крупные населённые пункты: города Маньчжурия, Хайлар и др. В период своего временного пребывания там Красной армии приходилось не только решать проблемы, связанные с установлением порядка и безопасности, но и обеспечивать население продовольствием, топливом, оказывать медицинскую помощь.

На станции Маньчжурия ещё до занятия её частями ОДВА городская больница не работала несколько месяцев из-за отсутствия денег в местном бюджете. Советское командование оказало помощь медикаментами, направило туда своих врачей и санитаров. В клинике лечились также раненые китайские солдаты 15-й бригады охранной стражи КВЖД. Стоит отметить, что их размещение, уход и лечение проверялись специальной комиссией, состоявшей из представителей советского командования, китайских местных властей, японских дипломатов и специалистов Международного общества Красного Креста. Результаты были зафиксированы в специальном акте, в котором говорилось, что «лечебная помощь раненым оказывалась… под руководством и контролем врачей РККА», со стороны советского медицинского персонала были «заботливый уход, хорошее питание и внимательное лечение»[18].

В г. Хайларе советское военное командование организовало бесплатное лечение для бедного населения, поместило раненых солдат китайской армии в городскую больницу. При этом военные врачи были вынуждены заменить местных коллег, т.к. те бежали из города при приближении частей ОДВА. Местных жителей поражал тот факт, что советские медики

Главный врач Хабаровского военного госпиталя Ф.А. Шахматов

«проявляли самую внимательную заботливость к солдатам своего противника»[19].

При уходе из посёлка Чжалайнор частей РККА смешанными советско-китайскими комиссиями 23—24 декабря 1929 года были составлены три документа, в которых констатировалось, что врачами Красной армии проделана большая работа по оказанию «лечебной помощи и обслуживанию китайских раненых солдат»[20].

Подтверждением эффективности использования советской медицины как инструмента воздействия на сознание военнопленных являлись их высказывания, зафиксированные в политических донесениях политуправления ОДВА, в многочисленных письмах и обращениях, а также информация, полученная военной разведкой.

В политдонесении № 24 ПУ ОДВА цитировались слова одного из пленных, что «такого лечения китайских солдат в Китае никогда не видел»[21]. В обращении к своим товарищам, которое написали военнослужащие 15-й бригады охранной стражи КВЖД Ван Хой, Лю Кун-ю, Хан Вин-ю и др., говорилось, что они благодарят Красную армию и всех сотрудников больницы[22].

Разведке ОДВА 9 декабря 1929 года удалось перехватить переговоры между командирами батальона и роты китайской армии, в которых обсуждалась информация, полученная в ходе допроса бывших военнопленных, отпущенных советской стороной. Во время беседы офицеры подчёркивали тот факт, что бывших в плену на территории СССР кормили, водили в баню, «хорошо за ними ухаживали», «не ругались и не били». Они транслировали мнение своих сослуживцев о том, что «русские солдаты хорошо воспитаны», дисциплинированы, «русский народ умный… образован», а «всех рабочих и крестьян считают своими братьями»[23].

Хайларский городской комитет благодарил Красную армию, «которая спасла жизнь населению», и от имени всех жителей заявлял: «Да будет известно всем врагам Великого Русского народа, всем врагам Союза Социалистических Советских Республик, всем врагам Красной Армии, что никакие наветы в будущем не смогут изменить наше мнение и уничтожить в нас ту благодарность, которую мы чувствуем как к Красной Армии, так и всем вождям Союза»[24].

Результативность советской работы с китайскими пленными признавал и правитель Маньчжурии Чжан Сюэлян. В своей телеграмме, разосланной по всем восточным провинциям, он писал: «Возвращающиеся из русского плена солдаты разбегаются по деревням и распространяют слухи о том, что в Советской России живётся хорошо. Примите решительные меры к пресечению этого нового вида коммунистической пропаганды»[25].

Таким образом, советская медицина являлась эффективным инструментом в борьбе за «умы и души» как китайских военнослужащих, так и мирного населения, оказавшегося в зоне боевых действий. Она ненавязчиво демонстрировала более высокий уровень развития, преимущества советской системы здравоохранения (доступность, бесплатность и интернациональный характер). Всё это придавало достоверный характер пропагандистским мероприятиям, способствовало убеждению китайцев в справедливости действий Советского Союза в конфликте на КВЖД и созданию его позитивного образа в массовом сознании противоборствующей стороны.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Най С. Джозеф (младший).* Будущее власти / Пер. с англ. В.Н. Верченко. М.: АСТ, 2014. С. 56.

[2] *Залесская О.В.* Конфликт на КВЖД 1929 г. и работа с китайскими военнопленными // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики в 2 ч. Ч. II. Тамбов: Грамота, 2012. № 11(25). С. 86—90; *Дацышен В.Г.* Китайские солдаты в России в 1929 г. // Общество и государство в Китае. 2015. Т. 45. № 18-2. С. 730—739.

[3] *Янчевский Д.Г.* У стен недвижного Китая: дневник русского корреспондента. М.: Вече, 2019. С. 160.

[4] *Andrews B.* The making of modern Chinese medicine, 1850—1960. Vancouver: UBC Press, 2014. 294 p.; Medical transitions in twentieth-century China / Eds. B. Andrews, M.B. Bullock. 2014. 435 p.

[5] *Лю Вэньсюй, У Фан.* Техническая и военная помощь СССР Китаю (в 20—50 гг. XX в.). М.: Спутник, 2013. С. 7.

[6] *Вишнякова-Акимова В.В.* Два года в восставшем Китае, 1925—1927: воспоминания. 2-е изд. М.: Наука, 1980. С. 192.

[7] *Липман Н.* Записки красноармейца дальневосточника. М.; Л.: Молодая гвардия, 1930. С. 141.

[8] *Вишнякова-Акимова В.В.* Указ. соч. С. 192.

[9] *Онуфриев И.* В боях против белокитайцев: личные воспоминания комдива. М.; Хабаровск, 1933. С. 83, 84; *Wilbur C.M.* Missionaries of revolution: Soviet advisers and nationalist China, 1920—1927. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1989. P. 636—639.

[10] Тревога. 1929. 20 сентября; 27 сентября.

[11] *Липман Н.* Указ. соч. С. 139.

[12] Цит. по: *Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом: образ Китая в России в XVII—XXI веках. М.: АСТ; Восток — Запад, 2007. С. 163.

[13] Государственный архив Хабаровского края (ГА ХК). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 154. Л. 11—12.

[14] *Липман Н.* Указ. соч. С. 129.

[15] *Воробьёв В.* Тысяча девятьсот двадцать девятый: особая Дальневосточная в борьбе за мир. Хабаровск: Дальпартиздат, 1933. С. 85, 86; Конфликт на КВЖД: Из истории Советских Вооружённых сил / Под ред. В.П. Зимонина. Хабаровск: Кн. изд-во, 1989. С. 147.

[16] Ветеран военной медицины на Дальнем Востоке: очерк истории Хабаровского окружного военного госпиталя. Хабаровск: Суворовский натиск, 1967. С. 47.

[17] Там же. С. 52.

[18] *Ткаченко Г.И.* Советские трудящиеся на КВЖД в борьбе за укрепление пролетарской солидарности с китайским народом (1924—1935 гг.). М.: Институт ДВ АН СССР, 1988. С. 88, 89.

[19] *Кулагин В.М., Яковлев Н.Н.* Подвиг Особой Дальневосточной. М.: Молодая гвардия, 1970. С. 172, 173.

[20] *Каченко Г.И.* Указ. соч. С. 90.

[21] ГА ХК. Ф. 2. Оп. 1 Д. 167. Л. 95.

[22] *Кулагин В.М., Яковлев Н.Н.* Указ. соч. С. 170.

[23] ГА ХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 183. Л. 272.

[24] *Кулагин В.М., Яковлев Н.Н.* Указ. соч. С. 172, 173.

[25] *Воробьёв В.* Указ. соч. С. 85, 86. ■

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00031).

А.В. ЧЕРЕПАНОВ

A.V. CHEREPANOV

ГЕНЕРАЛ АРМИИ ИВАН ЧЕРНЯХОВСКИЙ: СЕМЬ КОЛЕН ПРОСЛАВЛЕННОГО РОДА

GENERAL OF THE ARMY IVAN CHERNYAKHOVSKY: SEVEN GENERATIONS OF THE ILLUSTRIOUS FAMILY

Сведения об авторе. *Черепанов Андрей Владимирович — директор некоммерческого учреждения «Проект национального развития» (Москва. E-mail: www.istokoved.ru).*

Аннотация. *В статье на основе изучения церковных метрических книг, исповедных росписей и ревизских сказок (переписей населения) впервые восстанавливается подробная родословная прославленного советского полководца И.Д. Черняховского.*

Ключевые слова: *генерал армии И.Д. Черняховский; фамильная родословная; метрические книги; исповедные росписи; ревизские сказки.*

Information about author. *Andrey Cherepanov — Director of the National Development Project non-profit organization (Moscow. E-mail: www.istokoved.ru).*

Summary. *The paper falls back on the study of church birth registers, confessional records and census lists to recreate for the first time the detailed genealogy of the illustrious Soviet army leader Ivan Chernyakhovsky.*

Keywords: *General of the Army I.D. Chernyakhovsky; family genealogy; registers of births; confessional records; census lists.*

18 февраля 1945 года у небольшого городка в Восточной Пруссии под названием Мельзак (ныне это польский Пененжно) погиб командующий 3-м Белорусским фронтом Иван Данилович Черняховский, дважды Герой Советского Союза, самый молодой генерал армии, по праву уважаемый за свой высочайший воинский талант и сбережение солдатских жизней.

До сегодняшнего времени историкам так и не удалось полностью раскрыть тайну его смертельного ранения, установить, из какого орудия — вражеского или своего — был выпущен роковой снаряд, разорвавшийся рядом с автомобилем командующего. Оставалось покрытой тайной и происхождение Ивана Черняховского. Многочисленные мемуаристы публиковали лишь место и дату его рождения и ещё имена и отчества его родителей, оставляя повод для домыслов — был он по национальности украинцем, как указывал в официальных документах, либо евреем, на что сам же якобы намекал. Но главное — дошедшая до нас его фамильная родословная оказывалась слишком лаконичной для прославленного полководца.

Лично меня заняться исследованием происхождения Ивана Даниловича Черняховского подвигла семейная легенда о том, что он имел родственные связи и в молодости дружил с моим дедом по материнской линии Фёдором Александровичем Куликовским. Они были почти ровесниками и родились на юге Киевской губернии: Иван в селе Оксанина Уманского уезда, а Фёдор — на расстоянии менее сотни вёрст, в селе Скибин Таращанского уезда (ныне это Уманский район Черкасской области Республики Украина).

В ходе исследования мне пришлось подробно ознакомиться с несколькими сотнями дел, содержащих церковные метрические книги, исповедные росписи и ревизские сказки (переписи) Киевской губернии. Они хранятся в фондах Центрального государственного исторического архива Украины, государственных архивов Киевской и Черкасской областей, но в большинстве своём оцифрованы и размещены в интернете в открытом доступе.

Но даже изучив огромную массу документов, мне так и не удалось подтвердить или опровергнуть информацию о месте рождения Ивана Даниловича Черняховского, который, по анкетным данным, родился 16(29) июня 1906 года, а по мнению мемуаристов, годом позже. Хотя и сохранилось несколько метрических книг Воздвиженской церкви села Оксанина начала XX века, включая книгу за 1906 год, но записей о рождениях, венчаниях и смертях в том селе Черняховских вообще не обнаружено. Не было их и в многочисленных сохранившихся до наших дней исповедных росписях церкви. Числились же в тех росписях в основном владельческие подданные (крепостные), а после отмены крепостного права — сельские обыватели или крестьяне с привычными украинскими фамилиями.

Между тем если оксанинские Черняховские действительно были украинцами, то наверняка православными, прихожанами вышеназванной церкви, которая по законам Российской империи должна была вести метрические записи по всему своему приходу. Впрочем, судя по метрикам 1906—1908 гг. близлежащих к селу Оксанина костёлов Уманского уезда, Черняховских не было и среди католиков, к которым в те времена принадлежало

Генерал армии И.Д. Черняховский

большое число местных жителей польских кровей. Иудеи же в селе тогда вообще не жили. Из таких обстоятельств напрашивался вывод о том, что родословные корни Ивана Черняховского надо искать не в Оксанине. Тогда, может, в Скибине?

И действительно, при составлении родословного древа моего деда я часто встречал фамилию Черняховских. Причём что важно: несмотря на понесённые в этих местах огромные потери в период Гражданской и Второй мировой войн, метрические книги церкви Святой великомученицы Параскевы того села с 1783 по 1921 год сохранились почти полностью, и нет особого труда воссоздавать по ним фамильные истории. Однако среди скибинских Черняховских не было родителей Ивана Даниловича — Данила (Даниила) Николаевича и Марии Людвиговны, а также его деда Николая.

Поиск «нужных» Черняховских по нескольким сотням поселений южной части Киевской губернии грозил занять многие месяцы и вовсе не факт, что оказался бы успешным. Но, к счастью, помог интернет-портал «Памяти героев Великой войны 1914—1918 годов», в именных списках которого числится Черниховский Трофим Николаевич, служивший рядовым солдатом в 59-м пехотном Люблинском полку и пропавший без вести в мае 1915 года. Место его рождения: Киевская губерния, Таращанский уезд, Жашковская волость, с. Багва. И, как выяснилось, такой населённый пункт — деревня Багва — когда-то был (не путать с ныне существующим одноимённым селом в бывшей Маньковской волости того же уезда!). А располагался он всего-то в 5 вёрстах по прямой от Скибина, на небольшой речушке напротив села Тетеревка (в 1958 г. к нему административно присоединён). Последующее подробное изучение метрических книг и исповедных росписей местной Михайловской церкви (храма Святого архистратига Михаила) показало, что пропавший без вести солдат Трофим Николаевич приходился Ивану Даниловичу Черняховскому родным дядей, а несколько поколений их предков состояли прихожанами именно этого религиозного учреждения.

Деревня Багва известна с древности тем, что под ней в январе 1655 года произошло сражение объединённого войска гетмана Богдана Хмельницкого и москвитян под предводительством боярина Василия Шереметьева, с одной стороны, с польскими, татарскими и немецкими войсками — с другой. И тогда благодаря своей смелости и воинскому искусству, а также неожиданно сильному морозу украинско-русские воины сумели выдержать натиск противника, имевшего трёхкратное численное преимущество, и вырваться из окружения. Ещё через ту деревню когда-то проходила главная дорога из Киева в Крым.

Собственной церкви Багва не имела, и её православные жители с момента постройки в 1768 году деревянной Михайловской церкви в Тетеревке проходили в ней обряды крещения, венчания и отпевания, в ней же причащались и исповедовались.

До наших дней дошли метрические книги этой церкви 1771—1922 гг. почти в полном составе (нет их лишь за 1817, 1876, 1902, 1916, 1920 и 1921 гг.), имеется и более полусотни исповедных росписей 1802—1865 гг. с перечнями семей прихожан отдельно по Тетеревке и Багве. По ним Черняховские изначально числились багванскими шляхетными, или шляхтичами, а с 1840-х годов — однодворцами и, значит, наверняка были выходцами из польских дворян, имевших ратные заслуги и исстари поселившихся на дарованных им землях правобережной части Украины.

Интересно, что в сохранившихся метриках Михайловской церкви за XVIII век записи на русском языке довольно часто перемешаны с латиницей. К тому же они относятся как к православным жителям Тетеревки и Багвы, так и к католикам, и среди багванских шляхтичей в них приведены представители лишь польских фамилий: Белецкие, Волицкие, Врублевские, Голембиовские, Журавские, Косовские, Лановские, Манковские, Ростовские, Сведерские, Сикорские, Яновские и др. А вот прихожане, относившиеся к «посполитию», имели привычные нам сегодня украинские фамилии. Судя по всему, были они тогда крепостными крестьянами.

Самое древнее упоминание Черняховских в сохранившихся ме-

Метрическая запись о венчании родителей Ивана Черняховского

МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ НА

Счёт брачных.	Месяц и день.	Звание, имя, отчество, фамилия и вероисповедание жениха, и которых брачных.	Лета жениха.	Звание, имя, отчество, фамилия и вероисповедание невесты, и которых брачных.	Лета невесты.
4.	Май 22.	Крестьянина Багвы Антония Черняховского православного вероисп. первым браком.	27.	Крестьянина д. Багвы Марфы Медвинова православ. вероисп. первым браком.	21.
5.	29.	Крестьянина Татуры Антония Захарь Ефимова Кравченко православного вероисп.	48.	Крестьянина Багвы Агафии Гаврилова православ. вероисп.	48.

триках Михайловской церкви села Тетеревка относится к 1789 году, когда у Семиона Черниховского, а он прапрапрадед (трижды прадед) Ивана Даниловича, родился сын Гаврила. В 1796 году под той же фамилией была крещена их дочь Мария, а другая дочь — Марфа — под ней же пришла на обряд венчания с багванским шляхтичем Яковом Беленским. А вот в начале 1790-х годов, когда Семён стал восприемником (крёстным отцом) одного из младенцев и когда крестили уже его сына Ивана, он дважды записывался в метриках под несколько иной фамилией — Чернявский.

Чернявским был ещё один шляхтич из Багвы, вероятно, его брат — Матвей, в семье которого в 1792 и 1795 гг. рождались дети. Но семейство этого Матвея не отмечено в исповедных росписях Михайловской церкви начала XIX века наверняка потому, что относилось к католикам.

Семён же Черняховский был православным и, скажем, в 1807 году только он в возрасте 46 лет с женой Анастасией и двумя детьми, а также с семьями Якова Беленского и Иоана Грабовского (всего 11 человек) оказались в шляхетной части исповедной росписи по жителям Багвы. В посполитной же части той росписи — 205 крестьян.

Из более поздних росписей видно, что Семён Черняховский носил отчество Тимофеевич, однако родился и жил ли в Багве его отец Тимофей, приходившийся Ивану Даниловичу Черняховскому четырежды прадедом, осталось неизвестным. Впрочем, не исключено, что он — багванский шляхтич Тимофей Предок либо Тимофей Старый, первый из которых умер в 1773 году, второй — восемь лет спустя.

А сам Семён Тимофеевич Черняховский ушёл из жизни, вероятно, в 1819 году, за который метрическая книга сохранилась, но не оцифрована, и ознакомиться с ней мне не удалось. Не удалось выяснить и девичью фамилию его жены Анастасии Павловны, умершей 20 декабря 1825 года[1] «с покаянием» вдовой в приведённом в метрике возрасте 75 лет. Между тем, по обычаям тех времён, она наверняка тоже была польских кровей.

Прапрадед нашего прославленного генерала армии Гаврила, или Гавриил Черняховский, родился в Багве 3 апреля 1789 года, в исповедных росписях иногда приводился также под именем Лаврентий. 14 февраля 1815 года он повенчался с Марианной (впоследствии она приводилась под именем Мария), дочерью багванского католика Ивана Добровольского. Как полагаю, её братом был Томаш, или Тимофей Добровольский, дочь которого Лукия в 1870-х или 1880-х годах вышла замуж за однодворца из Скибина Казимира (Кузьму) Черняховского. В результате Черняховские и Добровольские породнились как минимум дважды.

В браке же Гавриила и Марианны Черняховских родились сначала сыновья Василий, Иоанн и Лука, затем — дочери Устинья и Мария и, наконец, ещё два сына, названные в честь их деда Семёнами. Однако все их сыновья, кроме Луки, умерли во младенчестве. А за день до смерти своего последнего ребёнка, 16 февраля 1828 года, ушла из жизни от чахотки и сама Марианна (Мария).

В мае 1829 года вдовец Гавриил вступил в брак с Александрой, дочерью багванского шляхтича Максима Кобылянского. Была она почти на два десятка лет младше своего мужа и в исповедные росписи и метрические книги попала также под именами Евфросинии и Настасьи Максимовны и Александры Михайловны. В том браке были рождены не менее шести детей. Но дожили до своего совершеннолетия лишь двое из них, и они связали себя с военной службой: Фёдор назван в 1858 году солдатом Житомирского пехотного полка и числился солдатом вплоть до своей смерти в 1904 году[2], Мария была женой солдата конного полка Варлаама (Авраама) Ивановича Бондарчука.

Однодворец Гавриил Черняховский умер 10 июля 1848 года от холеры, немного не дожив до своего 60-летия.

Лука, прадед Ивана Даниловича Черняховского, по всей вероятности, родился в Багве в 1817 году. Происхождение его первой жены Феодосии Стефановны, появившейся на свет около 1826 и умершей в 1865 или 1866 году, в ходе исследования не определено, однако известно, что в их браке рождены сыновья Иван, Николай и Василий (умер младенцем), дочери Феодосия и Надежда.

Осенью 1866 года состоялось второе венчание однодворца Луки Гаврииловича Черняховского — на сей раз с вдовой из

Таблица

Семь колен рода Черняховских

Тимофей
Семён Тимофеевич (около 1761 — 1819) его жена Анастасия Павловна (около 1766 — 20 декабря 1825)
Гавриил Семёнович (3 апреля 1789 — 10 июля 1848) его жена Марианна Ивановна (Добровольская) (около 1798 — 16 февраля 1828)
Лука Гавриилович (около 1817 — 17 января 1882) его жена Феодосия Степановна (около 1826—1865)
Николай Лукич (около 1850 — после 1906) его жена Анна Гордеевна (Пухирчук) (3 февраля 1851 — 18 декабря 1906)
Даниил Николаевич (10 декабря 1872 — 1919) его жена Мария Людвиговна (Белинская) (12 августа 1878 — 1919)
Иван Данилович (16 июня 1907(?) — 18 февраля 1945) его жена Анастасия Григорьевна (Добрянская) (1908 — 1992)

села Кривец Уманского уезда сорокалетней однодворкой Марией Игнатьевной Костецкой. В том браке детей не было, а 17 января 1882 года «деревни Багвы крестьянин из однодворцев» Лука Гавриилович Черняховский умер в возрасте 65 лет «по старости».

Метрика о рождении Николая, деда Ивана Даниловича, не обнаружена, но, судя по приведённому в исповедной росписи 1865 года возрасту, появился он на свет в самой середине XIX века. Имеется запись от 6 октября 1870 года о его бракосочетании с однодворкой из Багвы Анной Ордиевой, однако тут есть интересный момент: в том же 1865 году, да и прежде, в Багве не было жителей с такой или близкой к ней фамилией, не было и однодворцев с именем Ордей или Гордей, чьей дочерью могла оказаться Анна. Поэтому мне пришлось потратить уйму времени на изучение разнообразных версий, прежде чем прийти к однозначному выводу о том, что жена Николая Лукича, она же — бабушка Ивана Даниловича Черняховского, родилась 3 февраля 1851 года у жителя присёлка Багва Гордея Гавриловича Пухирчука и его жены Софии Ивановны — крестьян помещика Михаила Покривницкого. Интересно, что восприемниками новорождённой (крёстными отцом и матерью) стали багванские однодворцы католического вероисповедания. Ещё интереснее то, что на состоявшемся за 18 лет до того венчании помещичьих крестьян Гордея Гавриловича Пухиря и Софии, дочери Ивана Иванюка, поручителем (свидетелем) по жениху выступил дворянин Франк Иванович Тишкевич. Это предполагает близкое родство (кровное либо духовное) крестьян Гордея, Софии или их обоих с представителями более высоких сословий.

Не буду вдаваться в подробные детали происхождения родителей Анны Гордеевны и родителей их родителей, но скажу, что фамилия вдовы Софии Ивановны, её детей от брака с Гордеем Пухирем (Пухирчуком) и позднее рождённых от неё внебрачных детей постепенно модифицировалась в Бондарчуки и закрепилась за их потомками.

В семье однодворца, затем — крестьянина Николая Лукича Черняховского и его жены Анны Гордеевны были рождены сыновья Даниил, Александр, Иоанн, Алексей и Трофим, дочери Мария, Афанасия, Ольга и Екатерина. Однако в 1889 году сначала малолетний Алексей, через три дня — Афанасия умерли от дифтерита; в 1898 году от крупа — Екатерина; в 1899 году, через полгода после собственной свадьбы, от чахотки — Мария; в 1905 году от простуды — Ольга.

Сама Анна Гордеевна ушла из жизни 18 декабря 1906 года в возрасте 55 лет «от старости», Николай Лукич — позднее, но когда точно, выяснить не удалось.

Даниил, отец Ивана Черняховского, появился на свет 10 декабря 1872 года, а 29 мая 1900 года состоялось венчание багванских крестьян Даниила Николаевича Черняховского и Марии Людвиговны Белинской. В августе того же года у них родилась дочь Анна. Метрические записи Михайловской церкви о рождении других детей этой семьи не обнаружены, но по записям о восприемниках и поручителях Даниил Черняховский вплоть по октябрь 1909 года числился крестьянином деревни Багва, а не, к примеру, села Оксанина.

Людвиг Белинский — дед Ивана Даниловича Черняховского по материнской линии — был по вероисповеданию католиком. Но в отличие от семей своих старших братьев его жена и дети исповедовали православие.

Первая же из обнаруженных метрических записей о багванских Белинских, приводимых также как Беленские, Билинские, Былинские и Белецкие, внесена Михайловской церковью ещё 19 января 1783 года, когда венчался Марцын Беленский с панною Анастасией, дочерью Василия Сведерского. 18 сентября 1793 года у них родился сын Михаил, который и стал отцом Людвига, вероятно, в 1840 году[3].

Венчание багванского однодворца Людвига Михайловича Былинского, римско-католического исповедания, с жительницей села Тетеревки 20-летней однодворкой Параскевой Потапиевной Клисаковской (Клинковской) пришлось на 21 января 1868 года. Интересно отметить, что у невесты имелся брат Василий, ставший дедом ещё одного прославленного выходца из здешних мест — Героя Советского Союза Александра Кузьмича Клинковского, командира батальона, майора, отличившегося при освобождении Крыма и умершего 6 декабря 1943 года от тяжёлого ранения. Значит, Александр Клинковский с Иваном Черняховским были троюродными братьями, ведь имели общего предка — прадеда Потапия Клинковского[4].

В семье Людвига и Параскевы Белинских были рождены сначала дочери — две Татьяны, Дарья, Марфа и Мария (она появилась на свет 12 августа 1878 г.), затем сыновья — Василий, Гавриил, Самсон, Михаил, Пётр, но за несколько дней февраля 1889 года друг за другом все три их средних сына двух, четырёх и шести лет умерли от дифтерита.

Дата смерти Людвига Михайловича Белинского осталась неизвестной. А его вдова Параскева Потапиевна ушла из жизни 27 февраля 1919 года, почти одновременно со своими зятем и дочерью — родителями Ивана Даниловича Черняховского. Который, как мы теперь знаем, имел польско-украинские корни[5] и, получается, погиб при освобождении от фашистов как Европы в целом, так и конкретно — родных земель своих далёких предков.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь и далее даты метрических записей даны по старому стилю.

[2] Солдат Фёдор Гавриилович Черняховский стал в 1878 г. восприемником (крёстным отцом) Марии Белецкой, матери Ивана Черняховского.

[3] Согласно метрической книге костёла с. Ставищи Михаил Марцынович Билинский прожил почти 82 года и умер вдовцом 2 июля 1875 г. в Багве.

[4] Однодворец Потап Степанович Кленковский умер 21 мая 1867 г. в Багве от простуды в возрасте 39 лет.

[5] Вероятно, накануне и в период Второй мировой войны И.Д Черняховский был заинтересован в распространении слухов о своих еврейских корнях, чтобы не провоцировать опасные тогда для жизни проблемы из-за польского происхождения. ■

И.В. ОСТРОВСКАЯ

I.V. OSTROVSKAYA

ПЕРВАЯ СОВЕТСКАЯ ПАНОРАМА: РАРИТЕТЫ ФОНДОВОЙ КОЛЛЕКЦИИ

Из фондов Севастопольского военно-исторического музея-заповедника

THE FIRST SOVIET PANORAMA: RARITIES IN THE STOCK COLLECTION

From the stock of the Sevastopol Military History Museum Preserve

Сведения об авторе. *Островская Инна Валериевна — научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Севастопольский военно-исторический музей-заповедник», кандидат исторических наук (г. Севастополь. E-mail: ostrov-33@mail.ru).*

Аннотация. *В статье раскрываются малоизвестные страницы истории создания первой советской батальной панорамы «Штурм Перекопа».*

Ключевые слова: *Южный фронт Красной армии; армия П.Н. Врангеля; первая советская панорама; батальная живопись; штурм Перекопа; советские художники-баталисты.*

Information about author. *Inna Ostrovskaya — Researcher at the Sevastopol Military History Museum Reserve, Federal State Budgetary Culture Institution, Cand. Sc. (Hist.) (city of Sevastopol. E-mail: ostrov-33@mail.ru).*

Summary. *The paper goes over little-known episodes in the making of the first Soviet panoramic battle-piece The Seizure of Perekop.*

Keywords: *Southern Front of the Red Army; army of Pyotr Wrangel; first Soviet panoramic painting; battle-pieces; seizure of Perekop; Soviet painters of battle-pieces.*

СОЗДАНИЕ панорамы «Штурм Перекопа» стало самым крупным советским художественным проектом в довоенный период. Панорама посвящена Перекопско-Чонгарской операции войск Южного фронта под командованием М.В. Фрунзе против белогвардейских сил генерала П.Н. Врангеля с целью прорыва укреплений на Перекопском перешейке и Сиваше и занятия Крыма. Итогами данной операции стали выход Красной армии на территорию полуострова и установление советской власти в Крыму. За 10 дней ноября 1920 года в Перекопско-Чонгарской операции Красная армия потеряла убитыми и ранеными 10 тыс. человек[1]. Численность потерь белогвардейских сил сегодня окончательно не установлена. В историю эта военная операция вошла как одно из успешных сражений молодой Красной армии на завершающем этапе Гражданской войны.

Переломные моменты истории всегда притягивали внимание не только историков, но и деятелей искусств.

В советской историографии хроника подготовительных работ по созданию панорамы досконально представлена в многочисленных газетных и журнальных публикациях за 1934—1941 гг. Исчерпывающие сведения об истории создания батального полотна находим в сборнике «Советская панорамная живопись», вышедшем в 1965 году в издательстве «Художник РСФСР», их дополняют материалы справочника «Выставки советского изобразительного искусства», выпущенного в 1973 году. Истории создания панорамы «Штурм Перекопа» как монументального памятника эпохи, посвящены работы современных крымских исследователей Л.Ю. Андреевой[2], С.А. Андросова[3].

Решение о создании панорамы «Штурм Перекопа» и четырёх диорам, запечатлевших наиболее значительные эпизоды боёв за Перекоп, было принято осенью 1934 года. Планировалось к её созданию привлечь ведущих московских мастеров живописи. Была создана специальная бригада из 11 художников (Г.К. Савицкий, Г.Н. Горелов, В.П. Ефанов, Б.В. Йогансон, В.В. Крайнев, А.Е. Куликов, А.В. Моравов, А.А. Пржецлавский, П.П. Соколов-Скаля, М.М. Соловьёв и Н.П. Христенко) во главе с художником-баталистом М.Б. Грековым.

Выбор в пользу жанра панорамной живописи был обусловлен тем, что как высшая форма живописного произведения он позволял художникам суммировать все свои знания, опыт, глубину чувств, понимание эпохи. В ней всецело использовалось умение компоновать, владеть рисунком и цветом, а также представить типичное, достойное художественного отбора.

Г.К. Савицкий замечал: «Панорамная живопись — весьма сложный и трудный вид изобразительного искусства. Мастер получает возможность широкой творческой деятельности

М.Б. Греков
Художник Г.Н. Горелов

во всех областях живописи: пейзажа, портрета, батальной живописи и т.п. Необычайный простор трактовки пейзажа, глубокие перспективы, возможность оперировать большими массами людей, динамическое изображение полных огромного напряжения событий — это ли не увлекательная задача для художника!»[4].

Приступив к работе, коллектив художников выражал единодушное мнение, что «в основном панорама должна быть не только иллюстрацией событий 9 ноября под Перекопом. Мы стремимся дать синтез всей эпопеи гражданской войны в Перекопской панораме, ибо Перекопская операция является одним из наиболее ярких и выразительных примеров, на котором художник получает возможность раскрыть сущность всей гражданской войны»[5].

Уже к осени 1935 года первый подготовительный этап работы был завершён. В Центральном доме Красной армии к 15-летию освобождения Крыма открылась выставка предварительных эскизов. Написанию эскизов предшествовала большая кропотливая работа. Художники выезжали на места сражений. Командованием Красной армии были организованы инсценировки боёв, позволившие художникам сделать необходимые натурные зарисовки, а главное, с особенной ясностью понять и представить суровую правду противостояния.

4 октября 1935 года в связи со скоропостижной смертью М.Б. Грекова по решению правительственной комиссии единое художественное руководство всем комплексом работ по данному проекту возлагалось на Г.К. Савицкого. К этому моменту художник был уже известен как мастер многофигурных композиций. Он умел свободно компоновать, передавая натуру в движении, в самых сложных позах и поворотах; большая зрительная память и хорошо развитое творческое воображение давали возможность реалистически воссоздавать конкретную историческую обстановку.

Модель главной панорамы «Штурм Перекопа», изображавшая бои Красной армии за овладение Турецким валом, была создана художниками Г.К. Савицким (бригадир), Н.П. Христенко и В.П. Ефановым. Пионеры советского панорамного искусства за образец взяли панораму Франца Рубо «Оборона Севастополя», которая была открыта в 1905 году, к 50-летию обороны города в ходе Крымской войны. Выполненная мастером, севастопольская панорама наглядно раскрывала необычайные возможности батальной живописи. Художник блестяще продемонстрировал, как возможно в единой композиции и перспективе охватить огромные массы людей, показать зрителю значительное число ярких, незабываемых персонажей, а также разные сюжеты, но подчинённые единому замыслу.

Однако у работы над «первой советской» были и свои специфические черты. Если Ф. Рубо рассчитывал исключительно на дневной свет, то советские художники использовали разнообразные подсветы. В процессе создания эскизов активно привлекалась светотехника. В центр работ группы художников ставились передача переживаний человека, портретное сходство и психология участников Гражданской войны. В своих воспоминаниях Г.К. Савицкий отмечал: «В нашей панораме мы хотим на первый план выдвинуть психологию людей. Это необходимо, потому что на Турецком валу в 1920 году столкнулись люди, психология которых была диаметрально противоположна»[6]. Важно и то, что была пересмотрена «самодовлеющая» роль предметного плана. Теперь он играл скромную, подчинённую роль, являясь дополнением к живописному образу. Главная задача авторского коллектива состояла в том, чтобы панорама Перекопа предстала не «наглядным пособием», а волнующим

Трубачи Первой Конной армии
Художник М.Б. Греков, 1934 г.

художественным произведением высокого уровня.

Какие же события развернулись на главном полотне панорамы? По открытому степному плацдарму, как волны, стекаются к Турецкому валу части Красной армии. Преодолевая проволочные заграждения, они штурмуют вал под губительным огнём противника. Вдали видны серо-зелёные воды Сиваша. По его топкому дну переправляются красноармейцы. Они двигаются к Литовскому полуострову. Врангель встревожен обходом и снимает часть своих войск с укреплений, бросая их к Караджанаю. Огонь орудий и пулемётов, дым, яркие полотнища развевающихся знамён, столбы огня и земли от разрывов снарядов, огромная масса стремительно движущихся людей, штыковые атаки — всё это ещё больше усиливает динамику боя.

Одна панорама не могла отразить все важнейшие эпизоды борьбы, поэтому её дополняли четыре диорамы, отображавшие узловые моменты боёв: «Переход через Сиваш» (авторы Б.В. Йогансон (бригадир), В.В. Крайнев, А.А. Пластов); «Бой у Чонгарского моста» (Г.Н. Горелов (бригадир), А.Е. Куликов); «Разгром Врангеля у Юшуньских позиций» (А.В. Моравов (бригадир), А.А. Пржецлавский); «Первая Конная в тылу у Врангеля» (П.П. Соколов-Скаля (бригадир), М.М. Соловьёв).

Масштабы огромной подготовительной работы даёт возможность представить коллекция многочисленных этюдов авторов панорамы и диорам, хранящихся сегодня в фондах Севастопольского военно-исторического музея-заповедника. В составе коллекции 16 этюдов К.И. Финогенова, 8 этюдов Б.В. Йогансона, 23 этюда В.В. Крайнева, 13 этюдов А.А. Пржецлавского, 4 этюда Л.З. Танклевского, 28 этюдов П.П. Соколова-Скаля, 23 этюда М.М. Соловьёва, 17 этюдов Н.П. Христенко и др. работы. Выделяются группы работ портретной живописи, пейзажные зарисовки, прорисовки движущихся фигур.

Внимание привлекают этюды М.М. Соловьёва «Мельница в Отраде», «В обозе», «Офицер»; Н.П.Христенко «Стреляющий офицер», «Вид на Сиваш»; Б.В. Йогансона «Обувающийся»; К.И. Финогенова «Закат на Турецком валу»; Л.З. Танклевского «Девушка на возу»; А.А. Пржецлавского «Нападение на тачанку», «Удар пикой»; П.П. Соколова-Скаля «Фигура группы штаба», «Этюд для фигуры Будённого», «Двор».

П.П. Соколов-Скаля вспоминал: «Здесь-то и началась настоящая академия батальной живописи. Каждый персонаж, каждый всадник, любая деталь — всё прорабатывалось с натуры в этюдах»[7].

Работы по созданию панорамы и диорам проводились в тесном сотрудничестве художников с работниками Наркомата обороны и под постоянным наблюдением консультантов — работников Научного военно-исторического отдела Генерального штаба РККА. Авторы панорамы расспрашивали их обо всех подробностях происходивших событий — о расположении войск, о характере укреплений, численности вооружённых сил, родах оружия, интересовались состоянием погоды, цветом неба в момент штурма.

Важным этапом подготовительных работ стало создание макетов панорамы и диорам в 1/5 будущей величины. Размеры макета панорамы были 4 м в высоту и 30 м в длину (по кругу), диорам — 3,5 м в высоту и 12 м в длину. Создание макетов относится к концу 1937 года. Необходимо отметить, что их появлению предшествовало написание многочисленных, разных по размеру (по возрастающей) эскизов, которые обсуждались военными консультантами и по ходу дорабатывались художниками. Последние подготовительные (плоские) эскизы были созданы в цвете на холсте маслом в размерах 4 м длины и 1 м высоты. Именно эти пять эскизов сегодня хранятся в фондах музея-заповедника. Они были переданы по акту из Севастопольского художественного музея в Музей героической обороны и освобождения Севастополя 7 февраля 1973 года в составе 157 единиц в соответствии

Всадник
Художник П.П. Соколов-Скаля, 1940 г.

с указом Министерства культуры УССР от 27 июля 1972 года. А в Севастопольскую картинную галерею (позже Севастопольский художественный музей) эти эскизы поступили от дирекции выставок и панорам по приказу Комитета по делам искусств при Совете министров СССР от 27 октября 1951 года. Эскизы дают общее представление о сюжете, композиции, силе цвета диорам, однако из-за малых размеров снижалось их эмоциональное воздействие на зрителя. Масштаб фигур не давал возмож-

Этюд
Художник П.П. Соколов-Скаля

ности показать участников боёв за Перекоп, их психологический настрой, сохранить сходство. Тем не менее сами по себе эскизы явились значительным вкладом в советское батальное искусство.

21 февраля 1938 года макеты в $^1/_5$ величины были выставлены для широкого обозрения в Москве, в Государственном музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, одновременно с большой выставкой, приуроченной к 20-летию РККА. Через год они были представлены для посетителей в залах Государственного Русского музея в Ленинграде, а в 1940 году отправились для показа в Симферополь, где вызвали огромный интерес у зрителей. А в это время уже был объявлен всесоюзный открытый конкурс на проект здания для панорамы. По решению Совнаркома СССР к концу 1941 года такое здание должно было быть построено на Новоспасской набережной. В жюри конкурса поступило 177 проектов из 30 городов страны. Первая премия была присуждена молодым московским архитекторам А.И. Диденко и А.А. Генералову. Здание должно было представлять собой два цилиндра, поставленных один в другой[8].

В 1940 году состоялась очередная поездка художников на Перекоп для написания новых этюдов и уточнения прежних работ. За эту поездку было создано более 100 этюдов. В этой группе этюдов выделяются 22 работы художника Г.К. Савицкого. Среди них «Бегущий красноармеец», «Фигура красноармейца, атакующего дроздовца», «Белогвардеец», «Обозная повозка», «Серая лошадь» т.д. В них автор внимательно изучает и прорисовывает фигуры сражающихся в движении, а также детали обмундирования, вооружения. Перед зрителем предстают яркие, запоминающиеся образы и красноармейцев, и дроздовцев. Выделяется и комплекс работ 1940 года П.П. Соколова-Скаля. Среди них «Всадник», «Полковник», «Гусар» и др.

В 1941 году подготовительная работа была закончена, и художники могли уже приступить непосредственно к написанию панорамы и диорам. Но для этого необходимо было здание. Однако с началом войны его постройка была приостановлена. Сами макеты-эскизы, находившиеся в Симферополе, по одной из версий, погибли при бомбардировке Керченского порта, куда были привезены для эвакуации, по другой — были разграблены немцами. Сегодня крымские музейщики пытаются прояснить дальнейшую судьбу полотен, выставленных в Симферополе в 1941 году.

Несмотря на утрату выставочных макетов-эскизов, весь подготовительный материал был по-прежнему сосредоточен в Москве. Это позволило 23 февраля 1942 года в зале Московского товарищества художников открыть очередную выставку эскизов панорамы «Штурм Перекопа». На ней присутствовали 11 художников — авторов эскизов к будущему батальному полотну. Среди них были Г.Н. Горелов, Б.В. Йогансон, Н.Г. Котов, В.В. Крайнев, Г.К. Савицкий и др.

Труд художников не пропал даром, он обогатил их опытом и принёс большую пользу живописцам, которые в дальнейшем работали над панорамами и диорамами на темы Великой Отечественной войны и русской истории. Данный опыт был учтён и при восстановлении панорамы Ф.А. Рубо «Оборона Севастополя».

Коллекция эскизов панорамы и диорам, этюды художников по-прежнему бережно хранятся в фондах Севастопольского военно-исторического музея-заповедника (до 2019 г. Музей героической обороны и освобождения Севастополя). Они являются неотъемлемой частью фондовой коллекции современного музея по данному периоду истории, которая сегодня насчитывает около 1200 музейных предметов. Это фотографии и документы, открытки и плакаты, личные вещи и награды, оружие и произведения живописи. Коллекция начала формироваться в 1960-х годах, когда ещё были живы участники событий.

Однако востребованность данного комплекса живописи в экспозиционно-выставочной работе музея была весьма ограниченной. Впервые единственный этюд Г.К. Савицкого «Красноармеец» был выставлен в рамках выставки «Легендарная и непобедимая» в 1980 году. А в 2015 году на выставке к 85-летию окончания Гражданской войны на Юге России помимо вышеуказанного зрителю были представлены этюды М.М. Соловьёва «Подпоручик», «На рубке. Красноармеец», Б.В. Йогансона «Кавалерист», Н.П. Христенко «Офицер, раненный в голову».

Благодаря расширению выставочных площадей, новым техническим средствам в музейном экспонировании в настоящий момент появляется надежда на то, что многочисленный комплекс этюдов и эскизов «первой советской» увидит свет, выйдя из многолетнего забвения. Панорама «Штурм Перекопа» — художественный памятник эпохи, который достоин внимания современников.

100-летие окончания Гражданской войны на Юге России даёт нам повод ещё раз вспомнить, а возможно, и поразмышлять о тех далёких и трагических, но судьбоносных событиях в жизни Отечества и о художественных памятниках, их запечатлевших.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Фрунзе М.В.* Памяти Перекопа и Чонгара (страничка воспоминаний) // Сборник статей и материалов / Под общ. ред. А.А. Голубева. М.: Государственное военное издательство, 1933. С. 5.

[2] *Андреева Л.Ю.* К истории создания панорамы «Штурм Перекопа» // Учёные записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. 2012. Т. 25(64). № 2. С. 39.

[3] *Андросов С.А.* Охрана памятников истории и культуры Крыма в 20—30-е годы XX века // Культура народов Причерноморья. 2005. № 66. С. 9.

[4] *Савицкий Г.К.* Панорама «Штурм Перекопа» // Красная звезда. 1938. 5 февраля. С. 3.

[5] *Котов П., Савицкий Г., Авилов М.* Панорама Перекопа. М.: Советское искусство, 1935. С. 35.

[6] Советская панорамная живопись: сборник статей. Л.: Художник РСФСР, 1965. С. 84.

[7] *Суздалев П.* Павел Петрович Соколов-Скаля. М.: Искусство, 1950. С. 28.

[8] Советская панорамная живопись. С. 91. ■

М.А. ОРЕШИНА

M.A. ORESHINA

В ПОИСКАХ ВАКЦИНЫ ОТ НАЦИЗМА

К 75-летию окончания Нюрнбергского процесса*

IN SEARCH OF A VACCINE AGAINST NAZISM

To the 75th anniversary of the end of the Nuremberg trials

Сведения об авторе. *Орешина Мария Алексеевна — первый секретарь Департамента общеевропейского сотрудничества МИД России, кандидат исторических наук (Москва. E-mail: oreshinamao@gmail.com).*

Аннотация. *В статье рассматриваются некоторые исторические и политические аспекты создания и деятельности Нюрнбергского трибунала.*

Ключевые слова: *Международный военный трибунал над главными нацистскими преступниками в Нюрнберге; дискуссионные вопросы истории Второй мировой войны в советской и российской историографии; историко-документальные интернет-проекты по истории Второй мировой войны; Федеральное архивное агентство; Центр имени Роберта Джексона; библиотека Гарвардской школы права; Швейцарский национальный архив фонодокументов; Музей Нюрнбергского процесса в Нюрнберге; выставка Российского военно-исторического общества «Советский Нюрнберг»; выставка «Нюрнбергский набат. Без срока давности».*

Information about author. *Maria Oreshina — First Secretary of the General European Cooperation Department, the RF Ministry of Foreign Affairs, Cand. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: oreshinamao@gmail.com).*

Summary. *The paper looks at some historical and political aspects of setting up the Nuremberg Tribunal and its activity.*

Keywords: *International military tribunal of chief Nazi criminals in Nuremberg; debatable issues of WWII history in Soviet and Russian historiography; historical-documentary internet projects on the history of World War Two; Federal Archive Agency; Robert Jackson Center; Harvard School of Law Library; Swiss National Sound Archives; Nuremberg Trials Museum in Nuremberg; exhibition Soviet Nuremberg by the Russian Military History Society; exhibition The Alarm Bell of Nuremberg. Without Lapse of Action.*

НЮРНБЕРГСКИЙ международный военный трибунал (МВТ) над главными немецкими военными преступниками, ставший событием мирового масштаба, остаётся незыблемым историческим гигантским валуном, метрономом современной геополитики, идеологическим и культурным разломом западного и российского миров после Второй мировой войны, почвой для мучительных раздумий о непреодолимой развилке будущего политического обустройства мира, в котором по иронии судьбы нашлось место для проявлений неофашизма, расизма, ксенофобии.

Отголоски Второй мировой войны и Суда народов по прошествии 75 лет порождают шторм критических выпадов, намеренно лживое оболванивание целых поколений разных стран мира, политические контексты, которыми так ловко жонглируют «свободолюбивая» журналистская братия и псевдоисторики-графоманы.

Вроде бы тогда, в Нюрнберге — городе автора загадочной «Меланхолии» Альбрехта Дюрера и германского национал-социализма, свершилось правосудие над абсолютным Злом, ранее невиданным в мире. А сегодня мы являемся свидетелями подтачивания и размывания нюрнбергских принципов и современного международного права.

Едва ли можно поспеть за приращением знания об истории подготовки Нюрнбергского трибунала, о правовых аспектах и тонкостях работы во Дворце правосудия делегаций стран — победительниц во Второй мировой войне. Советская историография Нюрнбергского процесса, равно как и огромный пласт мемуарной литературы, выходившей из-под пера непосредственных участников беспрецедентного Суда в истории человечества, поистине безбрежна. Вместе с тем необходимо делать поправку на политический и исторический контекст послевоенного периода и на сопутствовавшие ему цензуру и идеологические ограничения, а также на объективную нехватку источников, которые тогда ещё не были и не могли стать достоянием не только исторической науки, но и широкой общественности.

На сегодняшний день в распоряжении российских исследователей имеются сборники материалов Нюрнбергского процесса на русском языке, изданных в семи томах ещё в 1957—1961 гг. под редакцией Р.А. Руденко и в восьми томах — в 1987—1999 гг. В то время как на Западе сразу же после окончания Второй мировой войны, в 1947—1949 гг., секретариат МВТ издал 42 тома материалов на английском и французском языках[1], а в 1946—1951 гг. канцелярия британского монарха выпустила 22 тома. Эти издания по объёму считаются самыми полными в мире[2]. Разумеется, для российских исследователей эти издания уже давно стали, с одной стороны, библиографической редкостью, неким раритетом, а с другой — настольной книгой, своевременным подспорьем и «компасом» по изучению МВТ. А не так давно витавшая в научных кругах идея о простом переводе этих многотомников на русский

* Статья готовилась летом 2020 г. и поступила в редакцию в ноябре 2020 г. до проведения форума «Уроки Нюрнберга» с участием Президента Российской Федерации В.В. Путина (20—21 ноября 2020 г.) в Музее Победы на Поклонной горе и до запуска мультимедийного проекта РИА Новости «Нюрнберг. Начало мира» (https://ria.ru/20201119/multimediaproekt-1585231470.html).

язык в случае её реализации восполнила бы пробел в наших знаниях о событиях тех лет лишь частично и ненамного бы сократила до сих пор существующий значительный разрыв между западноевропейской и российской историографией по этой теме.

Попытки систематизации накопленных исследований предпринимались неоднократно[3]. И результат периодически фиксировался в многостраничной библиографии научных работ[4].

Несмотря на наметившийся за последние тридцать лет количественный прирост публикаций на эту тему, претендующих на известную степень научности, их качество вызывает недоумение и сомнение одновременно. Приходится констатировать нехватку источниковедческой базы из-за остающихся засекреченными архивных документов, нацеленность журналистов и дебютантов на исторической ниве на воспроизводство гуляющего из статьи в статью избитого «пропагандистского сквозняка» и на самоплагиат. Это ставшая устойчивой безрадостная тенденция притупляет внимание, охлаждает интерес к изучению темы и вызывает эффект «топтания на месте».

За «кадром» исследований подобного рода по-прежнему остаются самые острые и болезненные вопросы, которые по идеологическим и политическим соображениям долгое время были скрыты от общественности. Перечислим лишь некоторые из них. По каким критериям составлялся список нацистских преступников и нацистских организаций; как проходила агентурная работа с рядовым составом в лагерях военнопленных, среди которых выявлялись нацистские преступники; как выстраивалась система поиска, подбора адвокатов и определения их гонорара; какова была роль американской разведки в стратегии защиты по дискредитации советской делегации («всплытие» секретных протоколов к советско-германскому соглашению о ненападении 1939 г.) и т.д.

Исследователи также задаются вопросами: как вырабатывались решения об особых мнениях применительно к оправдательным приговорам, породившим недовольство и разочарование итогами Нюрнбергского процесса; кто стоял за заговором по захвату в заложники судей МВТ и освобождению главных нацистских преступников и как удалось его предотвратить; каковы были непреодолимые противоречия между советской делегацией и союзниками по антигитлеровской коалиции в Нюрнберге, приведшие к истокам «холодной войны»; как был оценён итог работы советской делегации в МВТ И.В. Сталиным?

С подачи российской либеральной общественности ставятся и такие вопросы: мог ли Суд народов состояться в «нейтральных» странах — Швеции или Швейцарии; имели ли А.Я. Вышинский, Р.А. Руденко, И.Т. Никитченко, причастные к вынесению смертных приговоров во время сталинских чисток, моральное право представлять советскую делегацию на Нюрнбергском процессе; каковы мотивы самоубийства/физического устранения(?) помощника главного обвинителя на Нюрнбергском трибунале Р.А. Руденко генерал-майора юстиции СССР Н.Д. Зори[5]; были ли решения Нюрнбергского трибунала справедливы с точки зрения соблюдения всех судебных процедур; каковы были расхождения в позициях стран-победительниц по правовым и процессуальным аспектам проведения Международного военного трибунала над нацистами с учётом особенностей континентальной и англо-саксонской системы права?[6]

Кроме того, не стихают дискуссии о так называемых «закрытых» темах в ходе Нюрнбергского процесса, которые страны-победительницы договорились не предавать огласке: отношения СССР с Германией после Версальского мира; поддержка западными странами усилий Германии по её перевооружению; Мюнхенский сговор 1938 года; полёт Р. Гесса в Великобританию; секретный протокол к советско-германскому договору о ненападении 1939 года; неоднократные посещения Риббентропом Москвы; визит В.М. Молотова в Берлин в 1940 году; катынский расстрел польских офицеров; советско-германское соглашение об обмене немецкого населения Литвы, Латвии и Эстонии с Германией; вопрос о Проливах; раздел Балкан на сферы влияния между великими державами.

Остаются неизученными документы по Нюрнбергскому суду, хранящиеся в Институте современной истории в Мюнхене, а также оперативная переписка по ряду сюжетов, которая по-прежнему недоступна для исследователей.

Даже скромные усилия Федерального архивного агентства и профильных архивных учреждений, в т.ч. ведомственных (Архива Президента Российской Федерации, Архива Службы внешней разведки Российской Федерации, Архива внешней политики Российской Федерации[7], Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военного архива, Российского архива новейшей истории, Российского государственного архива экономики, Российского государственного архива кино- и фотодокументов, Российского государственного архива литературы и искусства) в реализации онлайн-проектов по истории Второй мировой войны не могут избавить ни исследователей, ни читателей от чувства «документального голода».

Приведу красноречивый пример. По информации портала Федерального архивного агентства «Архивы России», наиболее значимыми интернет-проектами последних лет, связанными с историей Второй мировой войны, были: «Накануне и после Мюнхена. Архивные документы рассказывают. К 80-летию “Мюнхенского сговора”»[8], «1939 год. От “умиротворения” к войне»[9], «Нюрнбергский процесс в документах российских архивов»[10]. Число представленных архивами документов по каждому из этих проектов говорит само за себя.

К тому же в Центральном музее Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — Музее Победы нет постоянно действующей экспозиции об участии СССР в Нюрнбергском трибунале, отсутствует полноценный интернет-портал о Суде народов в Нюрнберге, где были бы размещены внушительная база оцифрованных документов и аудиовизуальный архив.

Для сравнения можно присмотреться к деятельности Центра имени Роберта Джексона, главы делегации США на Лондонской конференции и главного обвинителя от США в Нюрнберге[11]. На сайте Центра представлены стенограммы судебных заседаний трибунала, внушительная подборка кадров

кинохроники с выступлениями представителей СССР, США, Великобритании и Франции в «Зале 600», а также неопровержимые доказательства преступлений нацистского режима.

Кроме того, библиотека Гарвардской школы права[12] с конца 1990-х годов ведёт работу по оцифровке хранящихся в ней материалов о деятельности Международного военного трибунала и 12 последующих малых Нюрнбергских процессов над нацистами, совершённых военным командованием США в 1945—1949 гг. А это ни много ни мало один миллион страниц на бумажной основе. Стенограммы всех мероприятий, проводившихся в Суде, в том числе выступлений главных обвинителей от СССР, США, Великобритании и Франции, представителей защиты, допросы военных преступников, устные и записанные на киноплёнку показания свидетелей преступлений нацистов на оккупированных территориях, фотокопии вещественных доказательств, рабочие документы, подготовленные, но так и не использованные в ходе судебных слушаний, а также свыше 200 фотографий.

Швейцарский национальный архив фонодокументов в Лугано[13] совместно с Инженерно-техническим колледжем во Фрайбурге с 2006 года запустил проект по переводу звукозаписей заседаний Нюрнбергского трибунала в цифровой формат[14]. Работа ведётся медленно из-за недостатка финансирования.

Особое внимание стоило бы обратить на концептуальное наполнение постоянно действующей с 2010 года и единственной в своём роде в Западной Европе выставки во Дворце правосудия в Нюрнберге «Нюрнбергские процессы», претендующей на объективное сохранение памяти о МВТ[15]. Надо признать, что Россия, к сожалению, значительно проигрывает в условиях состоявшейся «приватизации» итогов Нюрнбергского процесса. Достаточно пристально присмотреться к её концептуальному оформлению, чтобы увидеть разницу в удельном весе документов, предоставленных в подавляющем большинстве архивными и исследовательскими учреждениями США и Британии. Складывается ощущение «случайного», если не «сиротливого», присутствия советской делегации на её стендах как в фотоматериалах,

Таблица

Историко-документальные интернет-проекты по истории Второй мировой войны (по состоянию на июль 2020 г.)

№ п/п	Участники интернет-проектов по истории Второй мировой войны	Количество документов, представленных участником к каждому интернет-проекту по истории Второй мировой войны		
		«Накануне и после Мюнхена. Архивные документы рассказывают. К 80-летию “Мюнхенского сговора”»	«1939 год. От “умиротворения” к войне»	«Нюрнбергский процесс в документах российских архивов»
1	Архив Президента Российской Федерации	24	37	-
2	Архив Службы внешней разведки Российской Федерации	5	-	-
3	Архив внешней политики Российской Федерации	144	168	23
4	Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации	-	7	-
5	Российский государственный архив социально-политической истории	20	75	17
6	Государственный архив Российской Федерации	17	23	62
7	Российский государственный военный архив	190	185	-
8	Российский архив новейшей истории	-	8	-
9	Российский государственный архив экономики	4	-	-
10	Российский государственный архив кино- и фотодокументов	82	66	49
11	Российский государственный архив литературы и искусства	-	-	18
Общее число архивных документов		486	569	169*

Составлена по данным архивных онлайн-проектов Портала Федерального архивного агентства «Архивы России» // См.: http://www.rusarchives.ru/arhivnye-online-proekty.

* Пять архивов, участвовавших в этом проекте, предоставили всего 169 документов, из которых 85 — фотодокументы, 74 документа на бумажной основе, 8 фонодокументов и 2 кинодокумента.

так и в копиях архивных документов. Очевиден перекос в сторону роли Р. Джексона и американского правосудия, «единолично» заложившего основы современной системы международного права и ООН. Роль СССР, как во Второй мировой войне, так и в подготовке МВТ заслуживает в этом мемориальном музее особого внимания и большего освещения. Тем более что сама идея провести международный суд над главными военными преступниками Третьего рейха принадлежала именно СССР, а не союзникам, как это зачастую ложно им приписывают.

Информационный стенд «Количество жертв режима СССР — России после окончания Второй мировой войны» с данными НПО «Мемориал» (в России внесена в реестр «иностранных агентов») по числу погибших в войне в Афганистане, Чечне — в 1994—1996 и 1999—2000 гг. и в ГУЛАГе выглядит здесь просто нелепо и неуместно, если только не преследовалась цель по продвижению пресловутого тезиса об уравнивании нацистской Германии и «тоталитарной» России[16]. Если кураторы выставки в этом эпохальном проекте предложили маргинальному НПО «Мемориал» сотрудничать на ниве сохранения исторической памяти, предоставив ему право именно таким образом продемонстрировать своё экстравагантное видение событий тех лет, то почему же такое предложение не поступило в адрес Федерального архивного агентства, которое могло бы достойно сформировать российский сегмент этого мемориала? Правда, в преддверии визита в Нюрнберг главу российского МИД[17] удалось снабдить папкой архивных документов, которая и была передана руководству Музея в ходе официальной церемонии его открытия осенью 2010 года[18].

Передвижная выставка «Советский Нюрнберг»[19], проведённая с ноября 2015 года по инициативе Российского военно-исторического общества, Государственного центрального музея современной истории России, РГАСПИ, Центрального архива ФСБ России и РГАКФД в ряде российских городов, где в годы войны состоялись публичные суды над нацистскими преступниками[20], — удачный пример воскрешения памяти о тех событиях, которые заслуженно стали прологом к глобальному суду над Третьим рейхом.

Очередная выставка музея современной истории «Нюрнбергский набат. Без срока давности»[21], распахнувшая свои двери с 10 июля прошлого года, является одной из знаковых, неординарных и долгожданных работ архивного и музейного сообщества нашей страны. В ней оживает грандиозная эпоха непревзойдённого подвига ушедшего в небытие поколения победителей и жертв нацизма, словно затопленного в океане отчаянных мук, горячих слёз и невиданных страданий корабля с беспрецедентно сопротивлявшимися на его борту. Их громкое молчание врывается в нашу повседневную жизнь и наполняет её особым священным смыслом.

Подобные усилия в перспективе могли бы послужить серьёзным заделом и стартом для реализации более масштабного национально значимого проекта по истории Международного военного трибунала в Нюрнберге. Это глобальное в истории международных отношений событие уже давно требует достойного и постоянного пристанища в музейно-выставочном пространстве России.

Подготовка и проведение судебного разбирательства над немецкими преступниками, а также результаты Нюрнбергского процесса являются историко-культурным кодом и фундаментом правового мышления всей послевоенной истории человечества, которые не могут быть приватизированы какой-либо одной из стран-победительниц в условиях беспрецедентной фальсификации итогов Второй мировой войны и размывания основ послевоенной архитектуры безопасности — решений Нюрнбергского трибунала.

Защитить живую память о миллионах павших за нашу Великую обескровленную Родину — значит сберечь нашу совесть и сердце!

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945 — 1 October 1946. Vol. I — XLII. Nuremberg, 1947—1949. С этим изданием можно ознакомиться в электронном виде на официальном сайте Библиотеки Конгресса США: https://www.loc.gov/rr/frd/Military_Law/NT_major-war-criminals.html; Procès des grands criminels de guerre devant le Tribunal militaire international: Nüremberg 14 novembre 1945 — 1er octobre 1946. Vol. I — XLII. Nuremberg, 1947—1949; The Trial of German Major War Criminals: Proceedings of the International Military Tribunal sitting at Nuremberg Germany. Vol. I — XXII. London: Majesty's stationery office, 1946—1951.

[2] *Камкин А.* Тайны Нюрнбергского трибунала: что скрывают неопубликованные в России документы. Полную версию материалов Суда над главными нацистскими преступниками у нас издать не решились // Московский комсомолец. 31.01.2019 // https://www.mk.ru/social/2019/01/31/taynynyurnbergskogo-processa-chto-skryvayut-neopublikovannye-v-rossii-dokumenty.html.

[3] Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками. Сб. мат. в 7 т. / Под ред. Р.А. Руденко. М., 1957—1961; Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сб. мат. в 3 тт. / Под общ. ред. Р.А. Руденко. М., 1965—1966; *Полторак А.И.* Нюрнбергский процесс. Основные правовые проблемы. Автореф. дисс... д-ра ю.н. М., 1965. *Лебедева Н.С.* Предыстория Нюрнбергского процесса (1941—1945 гг.). Дисс. ... к.и.н. М., 1971; *она же.* Подготовка Нюрнбергского процесса. М., 1975; *она же.* Суд над фашизмом и агрессией. М., 1985; Уроки Нюрнберга: Мат. к международ. конф. Москва, 11—13 ноября 1986 г. Доклады советских участников конференции. М.: Институт государства и права АН СССР, 1986; Нюрнбергский процесс. Сб. мат. в 8 тт. М., 1987—1999; *Лебедева Н.С.* Как готовился Нюрнбергский процесс. Международная жизнь. 1996. № 8. С. 99—108; *она же.* СССР и Нюрнбергский процесс. Международная жизнь. 1996. № 9. С. 100—109; *Звягинцев А.Г.* Нюрнбергский набат. Репортаж из прошлого, обращение к будущему. М., 2006; *Лебедева Н.С., Коршунов Ю.М.* Нюрнбергский процесс: уроки истории // Новая и новейшая история. 2007. № 2. С. 90—95; Нюрнбергский процесс: уроки истории: Мат. международ. науч. конф. Москва, 20—21 ноября 2006 г. / Под ред. Н.С. Лебедевой, В.В. Ищенко. Сост. Ю.М. Коршунов. М., 2007; Нюрнбергский процесс: защитительные речи адвокатов. Сб. док. в 2 тт. / Сост. И.С. Яртых. М., 2008; *Звягинцев А.Г.* Нюрнбергский процесс. Без грифа «Совершенно секретно»: неизвестные документы, исследования и воспоминания. М., 2010; *Кравченко И.И.* Символ справедливости и надежды: К 65-летию Нюрнбергского процесса над главными нацистскими военными преступниками // История без купюр: от прошлого к настоящему. Международная жизнь. Спецвыпуск. М., 2010. С. 45—61; *Шарапова-Антонова К.Ю.* «Свидетельства очевидца Нюрнбергского процесса». Записные книжки корреспондента ТАСС Г.Ф. Хромушиной. 28 июня — 31 августа 1946 г. // Исторический архив. 2010. № 3. С. 56—111; Уроки Нюрнберга и актуальные проблемы международного права. Мат. круглого стола 18 ноября 2010 года. М., 2011; 65-летие Нюрнбергского процесса и оценки его итогов в странах СНГ: Мат. засед. эксперт. совета Комитета Совета Федерации по делам Содружества Независимых Государств, 23 ноября 2010 г. М., 2011; СССР и Нюрнбергский процесс. Неизвестные и малоизвестные страницы истории: Сб. док. / Науч. ред. и сост. Н.С. Лебедева. М., 2012; *Звягинцев А.Г.* Без

срока давности: к 70-летию Нюрнбергского международного военного трибунала. М., 2016; *он же.* Роман Руденко. Главный обвинитель Нюрнбергского трибунала. М., 2016; Итоги Нюрнбергского процесса и вызовы современности: Мат. международ. научно-практ. конф. (Москва, 24 ноября 2016 г.) / Под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2016; Уроки Нюрнберга и новые вызовы и угрозы: Мат. международ. конф.: «70 лет Нюрнбергскому процессу и уроки истории», Дом приёмов МИД России, 31 мая 2016 г. Международная жизнь. Спецвыпуск. М., 2016. (*Ю. Саямов.* Глобальное значение Нюрнбергского трибунала и его уроки. С. 5—12; *В. Васильев.* Общая победа — совместная ответственность. С. 13—28; *А. Моисеев.* Современное звучание нюрнбергских принципов международного права. С. 29—36; *В. Штоль, Т. Бушуева, Л. Колодникова.* Международный военный трибунал признал агрессию в государственном масштабе тягчайшим преступлением. С. 37—54; *Ю. Рубцов.* Ревизия Нюрнбергского приговора чревата новыми Освенцимами и Бухенвальдами. С. 55—68; *Н. Платошкин.* Отношение в ФРГ к Нюрнбергскому трибуналу, или Коричневые тени прошлого. С. 69—82; *И. Кравченко.* Забытый Нюрнберг и проблемы исторической амнезии. С. 83—94; *Э. Бертолази.* События на Украине и их последствия для всего мира: ответ западным СМИ итальянского журналиста-очевидца и учёного антрополога. С. 95—98; *А. Манойло.* Опыт Нюрнберга в преломлении к ситуации в Сирии и на Украине. С. 99—100); *Звягинцев А.Г.* Именем человечества. Нюрнбергский международный военный трибунал: неизвестное об известном. М., 2019.

[4] Библиография работ о Нюрнбергском процессе над главными военными преступниками. М., 1986; *Шумиленко А.П., Пастухова Л.В.* Нюрнбергский процесс и его влияние на развитие международного права: избранная библиография (часть I) // Уч. зап. Таврического национального ун-та им. В.И. Вернадского. Юрид. науки. 2015. № 1. С. 272—291; Нюрнбергский процесс и его влияние на развитие международного права: избранная библиография (часть II) // Уч. зап. Крымского федерального ун-та им. В.И. Вернадского. Юрид. науки. 2015. Т. 1 (67). № 2. С. 171—195.

[5] *Абаринов В.* Смерть в Нюрнберге. Белое пятно в главном судебном процессе. Радио Свобода. 29 июня 2019 г. // https://www.svoboda.org/a/30021699.html; Нюрнбергский процесс. Загадка смерти помощника главного обвинителя СССР Николая Зори. Интервью внучки Н.Д. Зори О.Ю. Зори на передаче «Дилетанты» радиостанции «Эхо Москвы». 23 апреля 2020 г. // https://echo.msk.ru/programs/diletanti/2625602-echo/.

[6] В двух выпусках авторской передачи В.Н. Дымарского «Цена Победы» на радиостанции «Эхо Москвы» 12 и 19 июля 2010 г. состоялось интервью с профессором, доктором исторических наук, руководителем Центра публикации документов по истории XX века Института всеобщей истории РАН, ведущим специалистом в России по тематике Нюрнбергского процесса над главными нацистскими преступниками Н.С. Лебедевой. Именно эти вопросы были заданы гостю программы // https://echo.msk.ru/programs/victory/695678-echo/; https://echo.msk.ru/programs/victory/694240-echo/. См. также: Тайны Нюрнбергского процесса. Часть 1 и 2. Интервью А. Лукичёва. Выпуски передачи «Цена Победы» от 14 и 21 ноября 2015 г. // https://echo.msk.ru/programs/victory/1656562-echo/; https://echo.msk.ru/programs/victory/1662262-echo/.

[7] К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне Архив внешней политики Российской Федерации на официальном сайте МИД России создал портал «СССР и союзники. Документы Архива МИД России о внешней политике и дипломатии ведущих держав антигитлеровской коалиции». Оцифровано 3900 архивных дел общим объёмом более 370 тыс. листов. Однако среди этого внушительного пласта документальных материалов по теме Нюрнбергского трибунала представлено лишь три документа из фонда секретариата наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова — об учреждении МВТ; списки обвиняемых, находившихся в 1945 году на территории СССР под стражей для предания Суду; о назначении советского представителя для участия в подготовительной работе МВТ с целью привлечения военных преступников к Суду. http://agk.mid.ru/search/?arrFilter_ff%5BNAME%5D=суд+на+военными+преступниками&arrFilter_pf%5BEND_DATE%5D=&arrFilter_pf%5BBEGIN_DATE%5D=&set_filter=Фильтр&set_filter=Y.

[8] http://munich.rusarchives.ru/index.

[9] http://1939.rusarchives.ru/index.

[10] http://nurnberg.rusarchives.ru/index.

[11] www.roberthjackson.org.

[12] The Harvard Law School Library's Nuremberg Trials Project // https://nuremberg.law.harvard.edu; *Judith A.* Haran The Nuremberg Trials Project at Harvard Law School: Making History Accessible to All // Journal of Contemporary Archival Studies. Vol. 5 [2018], Art. 9 // https://elischolar.library.yale.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1057&context=jcas.

[13] *Chris Harland-Dunaway.* This scientist is using imaging techniques to rescue sound from the Nazi Nuremberg trials. Feb 6, 2019 // https://www.businessinsider.com/restoring-nuremberg-trials-sound-with-science-2019-2; *Chris Harland-Dunaway.* The Sound of Justice. The original records of Nazi atrocities were at risk of being lost — this is how they were saved. Apr 25, 2019 // https://www.theverge.com/2019/4/25/18514298/nazi-germany-holocaust-records-audio-lost-saved-hitler-nuremberg-trials; *Claire Parker.* Public to get access to Nuremberg trials digital recordings. Oct.10, 2019 // https://apnews.com/70c5de034323496183affc6354b68778.

[14] Технические службы МВТ в Нюрнберге отсняли заседания Суда на киноплёнку длительностью в 50 часов и сделали 1942 граммофонные записи, которые после завершения его работы были перевезены в библиотеку Международного Суда ООН в Гаагу.

[15] 70 лет назад начался знаменитый Нюрнбергский процесс. Репортаж собственного корреспондента Первого канала И. Благого. // https://www.ltv.ru/news/2015-11-20/6978-70_let_nazad_nachalsya_znamenityy_nyurnbergskiy_protsess.

[16] *Орешина М.А.* Апгрейд истории. О запуске есовского проекта по спасению европейской идентичности // Международная жизнь. 2017. № 8. С. 153—167. НПО «Мемориал» сотрудничал с кураторами Дома европейской истории в Брюсселе при разработке музейной экспозиции. Российские архивы не были приглашены к участию.

[17] На торжественной церемонии открытия Музея Нюрнбергского процесса С.В. Лавров заявил: «Хотел бы воспользоваться случаем и передать в дар Музею копии относящихся к Нюрнбергскому процессу документов и фотографий из архива Министерства иностранных дел и других российских архивов. Они наглядно раскрывают предысторию создания Трибунала, процесс формирования опорных элементов его международно-правового инструментария и организационного оформления. Многие из них никогда не публиковались и имеют уникальный характер. Надеюсь, что эти материалы станут весомым дополнением музейной экспозиции и будут интересны и полезны посетителям и исследователям». Вот только «весомым дополнением» эти материалы, увы, не стали. Я убедилась в этом лично, специально посетив Нюрнберг в 2018 году.

[18] Выступление министра иностранных дел России С.В. Лаврова на церемонии открытия Музея Нюрнбергского процесса, Нюрнберг, 21 ноября 2010 года. Сообщения для СМИ. 22.11.2010. 12:06 // https://www.mid.ru/web/guest/maps/de/-/asset_publisher/Ho2VLi5PHLYX/content/id/228290.

[19] Советский Нюрнберг // https://rvio.histrf.ru/activities/muzei_vystavki/item-2143; https://histrf.ru/biblioteka/Soviet-Nuremberg.

[20] В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников» с 1943 по 1949 гг. в Бобруйске, Брянске, Великих Луках, Витебске, Гомеле, Киеве, Кишинёве, Краснодаре, Краснодоне, Ленинграде, Минске, Николаеве, Новгороде, Полтаве, Риге, Севастополе, Смоленске, Сталино (Донецке), Хабаровске, Харькове, Чернигове прошли открытые судебные процессы над нацистами из Германии, Австрии, Венгрии, Румынии, Японии и их пособниками из СССР, совершившими в этих городах наиболее жестокие и массовые преступления.

[21] Эта выставка является первым в России масштабным проектом по истории Международного военного трибунала в Нюрнберге, который был реализован при поддержке Фонда президентских грантов на развитие гражданского общества и при участии Российского исторического общества, Российского военно-исторического общества, Историко-документального департамента МИД России, Архива внешней политики Российской Федерации, РГАСПИ, Международного комитета Красного Креста, Галереи Мамонтовых. При его формировании использованы документы и материалы из личного архива заместителя Генерального прокурора Российской Федерации (2003—2016 гг.) А.Г. Звягинцева. Интернет-ресурс: https://www.culture.ru/live/9838/nyurnbergskii-nabat-bez-sroka-davnosti. ■

И.М. ЗАХАРОВА

I.M. ZAKHAROVA

СЕМЬЯ ЛЕФОРТОВ ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

THE LEFORT FAMILY AFTER THE STATE HERMITAGE MATERIALS

Сведения об авторе. *Захарова Ирина Михайловна — ведущий научный сотрудник, главный хранитель Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург. E-mail: zakharovairina@mail.ru).*

Аннотация. *В статье идёт речь о хранящейся в Отделе истории русской культуры Государственного Эрмитажа коллекции рукописных материалов первой трети XVIII века, касающихся событий Северной войны, внешнеполитической деятельности Петра I и его знаменитых сподвижников — Франца Яковлевича и Петра Богдановича Лефортов. В состав коллекции входят прошения вдовы Ф.Я. Лефорта — Елизаветы Францевны, инструкция, паспорт, свидетельство и патенты на чины П.Б. Лефорту, указы Военной коллегии, список с реляции на имя Петра I из Берлина. Помимо освещения внешнеполитических проблем России 1710-х годов эрмитажные источники позволяют пролить свет на имущественные отношения между наследниками Ф.Я. Лефорта и уточнить сведения о биографии, военной и дипломатической службе П.Б. Лефорта. Документы содержат автографы Петра I, Анны Иоанновны, А.Д. Меншикова, Г.И. Головкина, П.П. Шафирова, Х.А. Миниха. Некоторые из материалов вводятся в научный оборот впервые.*

Ключевые слова: *Ф.Я. Лефорт; П.Б. Лефорт; Е.Ф. Лефорт; Пётр I; Северная война; внешняя политика и дипломатия России первой четверти XVIII века.*

Information about author. *Irina Zakharova — Leading Researcher, Chief Curator of the Russian Culture History Section at the State Hermitage Museum, Cand. Sc. (Hist.) (St. Petersburg. E-mail: zakharovairina@mail.ru).*

Summary. *The paper focuses on the collection of early 18th-century manuscripts in the Russian Culture History Section of the State Hermitage Museum; the materials are to do with the events of the Northern War, foreign policy activity of Peter the Great and his famous associates, Franz and Peter Lefort. The collection includes a petition of Franz Lefort's widow, Yelizaveta, an instruction, passport, certificate and patents for ranks issued to Peter Lefort, edicts by the Military Collegium, a copy of a report addressed to Peter I from Berlin. Apart from covering Russia's foreign-policy problems in the 1710s, the Hermitage sources help shed some light on property relations between the heirs of Franz Lefort and specify information about the biography and military and diplomatic service of Peter Lefort. The documents contain autographs by Peter the Great, Anna Ioannovna, Aleksandr Menshikov, Gavriil Golovkin, Pyotr Shafirov, Burkhard Christoph von Minnich. Some of the materials are being put into academic circulation for the first time.*

Keywords: *F.Ya. Lefort; P.B. Lefort; Ye.F. Lefort; Peter the Great; Northern War; foreign policy and diplomacy of Russia in the first quarter of the 18th century.*

В ФОНДЕ рукописей и документов Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа хранится небольшая, но чрезвычайно ценная коллекция рукописных материалов первой трети XVIII века, касающихся событий Северной войны, внешнеполитической деятельности Петра I и его прославленных сподвижников Франца Яковлевича (1655—1699) и Петра Богдановича (1676—1754) Лефортов. Несмотря на то что жизнь и деятельность обоих знаменитых швейцарцев, особенно старшего, довольно подробно изучена историками[1], эти источники из фондов Отдела истории русской культуры (ОИРК) до настоящего времени исследователями не рассматривались. Данная коллекция была приобретена Государственным Эрмитажем в 1946 году у коллекционера М.Н. Лицкаловой. Материалы, входящие в её состав, не однородны по своей информативной значимости и широте освещаемых проблем. Среди них можно выделить десять документов, представляющих собою прошения вдовы Ф.Я. Лефорта на имя царя, инструкцию, паспорт, свидетельство и патенты на чины П.Б. Лефорту, указы Военной коллегии, список с реляции А.Г. Головкина из Берлина. Два прошения Е.Ф. Лефорт не только характеризуют прежде всего внутрисемейные отношения Лефортов, но и показывают жизнь помещика Петровской эпохи, как участвовавшего согласно рекрутской повинности в общегосударственном деле — Северной войне, так и занимавшегося торгово-экономической деятельностью. Остальные материалы помимо освещения внешнеполитических проблем России 1710-х годов касаются дипломатической и военной службы П.Б. Лефорта. Документы написаны на бумаге либо пергаменте скорописью[2] и содержат автографы Петра I, Анны Иоанновны и государственных деятелей той эпохи — А.Д. Меншикова, Г.И. Головкина, П.П. Шафирова, Х.А. Миниха. Некоторые из рукописей экспонировались на выставках и опубликованы в каталогах[3], часть материалов в научный оборот не была введена.

К числу интереснейших документов, позволяющих охарактеризовать недвижимое имущество, пожалованное Ф.Я. Лефорту, а также положение вдовы знаменитого дипломата и её отношение к племяннику мужа — П.Б. Лефорту, относятся два прошения на имя Петра I вдовы фаворита царя — Елизаветы (Елены) Францевны Лефорт. Известно, что после смерти мужа она вступила в управление пожалованными ему в 1697 году за «скорый приход от Воронежа к Азову, за славное ратное дело под Азовым, за взятие этого города...»[4], а также «за взятие турецкаго города Лютина, что близ Азова»[5] селом Богоявленским с деревнями

в Епифанском уезде и деревней Красной в Рязанском уезде[6]. Из письма самого Лефорта своему брату Ами, отцу П.Б. Лефорта, от 22 января 1697 года известно, что деревни располагались в полутора днях пути от Москвы и в них проживали около 200 крестьян[7]. Этим недвижимым имуществом мужа Е.Ф. Лефорт должна была распоряжаться до совершеннолетия сына Андрея либо до вступления его в самостоятельное управление вотчинами[8]. Однако в 1703 году Андрей Лефорт скончался, и наследование имений перешло к племяннику Ф.Я. Лефорта — Петру Богдановичу Лефорту, но с правом получения доходов с них вдовой. Е.Ф. Лефорт не жаловала племянника своего мужа, и их имущественные взаимоотношения складывались хотя внешне и корректно, но довольно напряжённо, пока в 1724 году не вылились в откровенную тяжбу из-за поместий[9].

Наличие имущественных проблем и сложных отношений между тётей и племянником подтверждается хранящимся в Эрмитаже документом — прошением Е.Ф. Лефорт об освобождении её от уплаты штрафных и пошлинных денег за рекрута Семёна Ильина, поданным Петру I в марте 1720 года[10]. В прошении, написанном на гербовой бумаге третьего разбора с малым орлом, вдова царского друга жаловалась на неправомерные действия подъячего рекрутного стола Андрея Добрынина, приезжавшего к ней «на двор» с требованием уплатить пошлину и штраф по причине того, что сданный в рекруты крестьянами деревни Красной Семён Ильин оказался крепостным помещика П.И. Хрущова[11]. Таким образом, рекрутская повинность наследниками Ф.Я. Лефорта выполнена не была. Однако, ссылаясь на присланный ей именной указ царя, датированный 1714 годом, в котором владельцем вотчин числился бригадир П.Б. Лефорт, вдова адмирала и генерала просила Петра I обращаться с вопросом о рекруте к племяннику мужа, сообщая при этом: «…А ко мне на двор мой подъячих и солдат по тому делу невели Государь впредь посылать и меня людишек моих таскать и убытчить напрасно потому что те вышеписанные вотчины за вышеписанным бригадиром Лефортом а не за мною»[12]. Необходимо отметить, что данное прошение является таковым лишь по форме, но не по сути, т.к. в нём Е.Ф. Лефорт фактически ставила царя и племянника мужа в известность о своём обоснованном нежелании исполнять чужие повинности. Стремление оградить свои интересы, прежде всего экономические, всегда было свойственно вдове сподвижника Петра I. Впрочем, по свидетельству исследователя А. Бабкина, изучившего хранящиеся в женевских архивах письма семьи Лефортов, все они, кроме генерала и адмирала, включая его племянника Петра, «были склонны к наживе»[13].

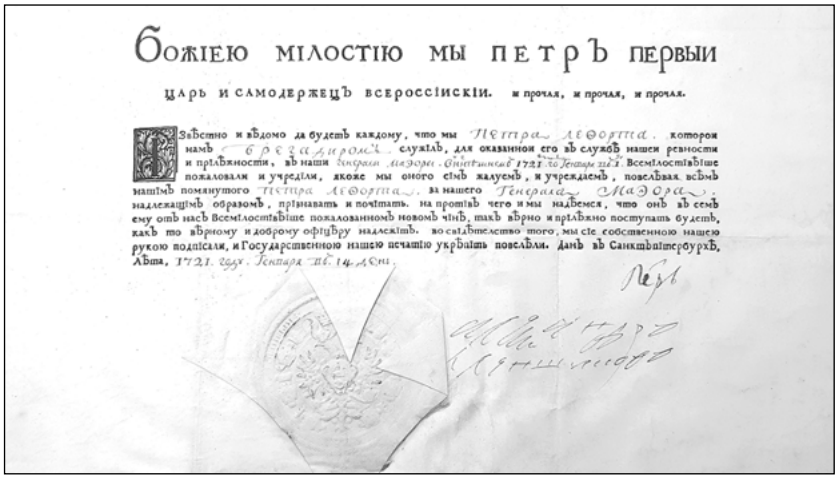
Так, в 1719 году Е.Ф. Лефорт подала на имя Петра I «челобитье», из которого известно, что в 1718 году ею были приобретены семь каменных полулавок в «нижнем щепетином ряду» в Китай-городе[14], являвшемся центром московской торговли. Несмотря на приличное состояние, оставленное ей матерью, и пенсию за заслуги мужа в размере более тысячи рублей в год[15], вдова царского фаворита занималась коммерческой деятельностью. В щепетильных рядах, находившихся впереди средних торговых рядов Китай-города и примыкавших к Кремлю, продавались галантерейные товары[16]. Можно предположить, что много лет управлявшая большим домом супруга, вдова Ф.Я. Лефорта прекрасно разбиралась в основах коммерции[17]. Хозяйственной жилкой и хорошим знанием дамских рукоделий, возможно, и обусловлена

Портрет Ф.Я. Лефорта
Гравёр Схенк Петер Старший, 1698 г.
Государственный Эрмитаж. ЭРГ-14292

покупка лавок, где продавались товары для шитья, вышивания, починки одежды и прочие женские мелочи. Сам факт занятия торговлей вдовой человека, фактически способствовавшего становлению Петра I как европейского государя, не может накладывать тень на репутацию её покойного мужа, так как в описываемый период «…в России все важные лица без изъятия… занимаются торговлей»[18]. Тон задавал, конечно, Санкт-Петербургский губернатор А.Д. Меншиков. По свидетельству Н.И. Павленко, «всё, что в те времена могло принести барыши, не ускользало от жадного взора светлейшего»[19].

Патент Петра I на пожалование Петру Лефорту чина генерал-лейтенанта. С автографами Петра I, А.Д. Меншикова
14 января 1721 г.
Государственный Эрмитаж. ЭРДр-1109

Божіею мілостію мы петръ первыи
царь и самодержецъ всероссіискіи. и прочая, и прочая, и прочая.

Извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что мы Петра Лефорта. которой намъ с бригадиромъ. служилъ, для оказанной его въ службѣ нашей ревности и прилѣжности, въ наши генерал маіорм. Бригадиромъ 1721. до генерал лей. Всемилостивѣйше пожаловали и учредили, якоже мы оного симъ жалуемъ, и учреждаемъ, повелѣвая всѣмъ нашимъ помянутого Петра Лефорта. въ нашего Генерала Маіора. надлежащимъ образомъ, признавать и почитать. на противъ чего и мы надѣемся, что онъ въ семъ ему отъ насъ всемилостивѣйше пожалованномъ новомъ чинѣ, такъ вѣрно и прилѣжно поступать будетъ, какъ то вѣрному и доброму офицеру надлежитъ. во свидѣтелство того, мы сіе собственною нашею рукою подписали, и Государственною нашею печатію укрѣпить повелѣли. Дань въ Санктпитербурхѣ, лѣта, 1721. генуар. генваря 14. дня.

Портрет императрицы Анны Иоанновны
Гравёр Иоганн Штенглин, первая половина XVIII в. Государственный Эрмитаж. ЭРГ-25

Однако успешная предпринимательская деятельность вдовы царского друга была омрачена неправомерными действиями приказа Большого дворца, требовавшего от «наёмщиков» Е.Ф. Лефорт уплаты мостовых денег за тот период времени, когда лавки ещё находились в собственности Тимофея Лысенко[20]. Всегда неуклонно соблюдавшая свои интересы, вдова Ф.Я. Лефорта обратилась в 1719 году к Петру I с челобитной, в которой сообщала о своевременной уплате мостовых денег прежним владельцем лавок и просила избавить её от несправедливого взимания с неё несуществующих недоимок. В подтверждение своей правоты Е.Ф. Лефорт к челобитной приложила три «списка с отписей» сборщиков налогов щепетильного ряда Андрея Лунина, Якима Васильева, Кузьмы Иванова и Афанасия Никонова[21]. Челобитная вдовы петровского сподвижника не только отражает попытку защиты её коммерческих интересов от незаконных поборов, но и является маленьким срезом освящённой стариною торговой жизни Москвы, постепенно сдававшей позиции набиравшему мощь северному соседу — Санкт-Петербургу.

С новой столицей России связан ещё один интересный факт из истории взаимоотношений между наследниками Ф.Я. Лефорта. Так, известно, что в 1724 году Е.Ф. Лефорт обратилась в Правительствующий сенат с жалобой на притеснения со стороны племянника мужа П.Б. Лефорта[22]. Согласно прошению вдовы генерал-майор П.Б. Лефорт, унаследовавший недвижимое имущество её покойного мужа, несмотря на имевшееся у неё право пользования доходами с имений, не только «присвоил себе большую часть этих доходов и хочет завладеть и прочим ея имением…», но и «незаконно принуждает» строить в Санкт-Петербурге дом[23]. В соответствии с указом Петра I от 12 февраля 1719 года на дворян, имевших в собственности свыше 40 крестьянских дворов, возлагалась обязанность строительства домов на Васильевском острове в Санкт-Петербурге[24]. Ссылаясь на преклонный возраст, Е.Ф. Лефорт просила избавить её от исполнения данного указа, делегируя обязанность по строительству дома в Санкт-Петербурге генерал-майору П.Б. Лефорту, поскольку после её смерти именно он будет владельцем этого дома[25]. Результаты рассмотрения данной челобитной неизвестны[26]. В 1728 году вдова генерала и адмирала скончалась, завещав большую часть своего имущества племяннику мужа Жану Лефорту[27], вотчины же покойного Ф.Я. Лефорта в 1730 году были проданы П.Б. Лефортом[28], вскоре навсегда покинувшим Россию.

Не менее интересны эрмитажные материалы, позволяющие уточнить сведения о биографии и службе сына женевского синдика Петра Богдановича Лефорта, находившегося на военной и дипломатической службе. Ему было суждено стать довольно заметным деятелем Петровской эпохи. Приехав в Россию в 1694 году по приглашению своего дяди, П.Б. Лефорт изначально не планировал реализовывать себя на военном поприще и в надежде быстро обогатиться намеревался заняться торговлей с Китаем[29]. Тем не менее находившийся под покровительством своего знаменитого родственника и состоявший при нём молодой швейцарец вынужден был разделять с дядей все тяготы его служебной деятельности вплоть до его кончины в 1699 году. Так, племянник царского друга участвовал в 1695 году в первом Азовском походе, затем в Великом посольстве, являясь сначала волонтёром, затем секретарём[30]. В августе 1697 года Пётр Лефорт писал своему отцу из Голландии: «Газеты говорят обо мне, что я секретарь посольства; это верно… Конечно, этот пост для меня довольно большой, да кроме того, я являюсь, так сказать, директором всего двора моего дяди»[31].

С началом Северной войны П.Б. Лефорт, в 1699 году за заслуги дяди произведённый в чин полковника, принимал участие в осаде Нарвы, где был пленён[32] и пробыл в шведской неволе шесть лет. После освобождения вернулся на театр военных действий, участвуя в осаде Риги в 1709—1710 гг. Однако наивысшим триумфом военной деятельности П.Б. Лефорта, произведённого к тому времени в чин бригадира, стало участие в 1714 году в Гангутском сражении, где он вместе с Я.А. Дежимоном и М. Грисом командовал отрядом галер[33]. За прекрасно проведённую кампанию Лефорт 30 ноября 1714 года в числе первых был награждён золотой медалью, получив её из рук самого Петра I[34]. После первой грандиозной победы русского флота Лефорт, окончательно не порывая с военной службой, на некоторое время посвятил себя дипломатической и управленческой деятельности.

Первой самостоятельной дипломатической акцией в карьере П.Б. Лефорта[35] стала поездка весной 1718 года ко двору прусского короля Фридриха-Вильгельма I — единственного на тот момент верного союзника России, получившего часть бывших шведских владений в Померании. Возможно, назначение курьером в Пруссию с целью доставки важных документов королю было связано как с дипломатическим опытом участия в Великом посольстве, так и с хорошим знанием Лефортом немецкого языка.

В отношениях между Россией и Пруссией в Петровскую эпоху можно выделить два периода: до и после Полтавской баталии, во многом изменившей расстановку сил на европейской арене. После демонстрации возросшей военной мощи России Пруссия стала рассматривать Петра I как потенциального союзника[36]. Усиление союзнических намерений Пруссии

произошло после передачи ей в 1713 году отвоёванных у Швеции Штеттина и земель в Померании[37]. Вскоре последовало заключение между двумя государствами нескольких соглашений, призванных косвенно служить единственной цели России на данном этапе — завершению войны со Швецией. Так, в июне 1714 года был подписан союзный договор[38], подтверждённый Гавельсбергской декларацией от 16 ноября 1716 года[39]. Важным шагом в русско-прусских отношениях стало подписание в 1717 году договора в Амстердаме между Россией, Пруссией и Францией, которая, несмотря на проосманскую направленность своей политики, согласилась выступить гарантом будущих мирных переговоров России со Швецией[40], а также прекратила военную и финансовую помощь Карлу XII[41].

Фридриха-Вильгельма I с русским царём также связывала внешняя дружба. Так, «солдатский король» уважал своего северного соседа за создание практически с нуля победоносной армии и флота. Пётр I, в свою очередь, потакал маленьким слабостям прусского короля, вербовавшего по всей Европе для прусской армии солдат огромного роста. В 1714—1724 гг. российским царём были отправлены в Пруссию около 100 «больших мужиков» для службы в «Великанской гвардии»[42]. В качестве ответного дара во время встречи двух монархов в Гавельсберге в ноябре 1716 года Фридрих-Вильгельм I преподнёс в дар Петру I знаменитую янтарную комнату и парадную яхту[43]. Таким образом, во второй половине 1710-х годов отношения между Россией и Пруссией складывались довольно удачно.

В.О. Ключевский считал ошибкой Петра I увязание в немецких делах, иронично называя это «спортом», который привёл к смене внешнеполитического курса России, сделав «его друзей врагами, не сделав врагов друзьями»[44]. Однако, как показало время, русский царь выбрал правильную тактику в обращении с союзниками. Получившие земли из бывших шведских владений в Европе союзники России были заняты прежде всего стремлением удержать приобретения[45]. Пруссия не являлась исключением. В то время как Дания, Англия, Ганновер, обвиняя Россию в экспансионистских устремлениях, требовали вывода российских войск из Мекленбурга, Пруссия ратовала не только за их дальнейшее там пребывание, но и за увеличение численности воинских контингентов, справедливо полагая, что в случае возникновения шведской военной угрозы просить защиты будет не у кого, кроме как у России[46].

Так были расставлены акценты в отношениях России и Пруссии накануне Аландского конгресса, когда весной 1718 года с дипломатическим поручением от Петра I в Берлин был отправлен бригадир П.Б. Лефорт. Об этой стороне его деятельности известно довольно мало. На основании эрмитажных материалов можно судить о том, что Лефорт отправился в Пруссию не ранее конца апреля 1718 года, о чём свидетельствует паспорт для беспрепятственного проезда в Берлин и обратно с собственноручной подписью Петра I, выданный ему в Санкт-Петербурге 21 апреля 1718 года[47]. Вероятно, Лефорт выехал из Санкт-Петербурга вскоре после получения этого документа, так как прибыл в Берлин 12 мая 1718 года. О пребывании в Пруссии и сути его дипломатической миссии свидетельствует «Список с реляции к Его Царскому Величеству, отправленной из Берлина в 17-е мая 1718»[48], также хранящийся в Эрмитаже.

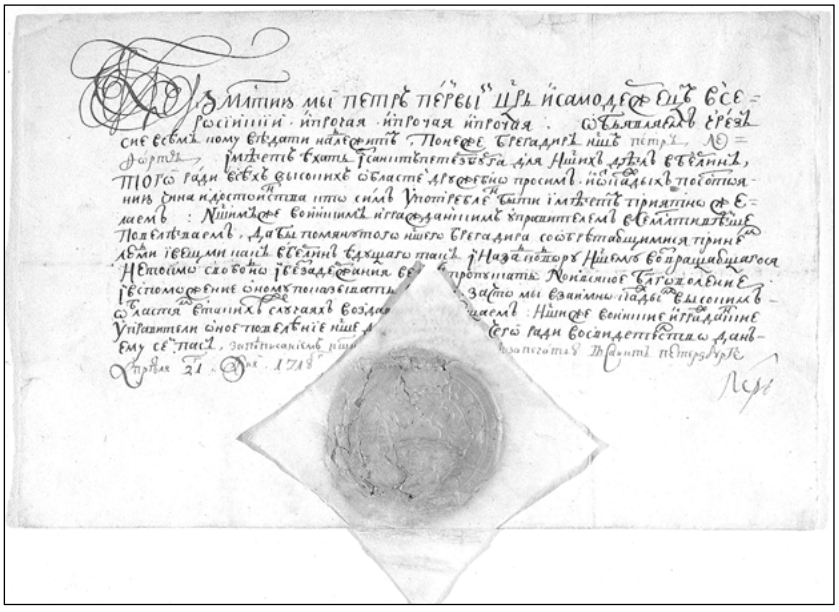
Предположительно, реляция Петру I была составлена русским послом при прусском дворе А.Г. Головкиным, встречавшим в Берлине прибывшего царского курьера. Из неё известно, что прусский монарх пригласил Головкина и Лефорта в Потсдам, куда они прибыли 14 мая и были в тот же день удостоены аудиенции, в ходе которой посланец царя представил грамоту Петра I Фридриху-Вильгельму I. На встрече также состоялся общий доклад обоих русских дипломатов «о силе инструкции», данной Петром I Лефорту[49]. Несмотря на то что «Список с реляции…» не содержит текста самой инструкции, её содержание вырисовывается из постатейного обсуждения этого документа. Прежде всего инструкция, согласно которой должны были осуществляться предстоявшие русско-прусские переговоры, описывала узловые моменты в отношениях обеих стран и по указу Фридриха-Вильгельма I обсуждалась прусским кабинетом министров в «конференции» совместно с российскими дипломатами. Рассмотрение инструкции началось со второй статьи, которая была посвящена силе существовавших союзных договоров между Россией и Пруссией. Головкин совместно с Лефортом выступил в «конференции», «уверяя короля прусского честным паролем…» Петра I в незыблемости союзных договоров с Пруссией, которая в лице своих министров от имени короля благодарила Петра I за «имеющую к нему конфиденцию»[50] и подтверждала совместную русско-прусскую направленность предстоявших действий по отношению к Швеции[51].

Третья статья инструкции была посвящена прояснению внешнеполитической позиции Англии в вопросе мира со Швецией. Пруссия сообщила российским дипломатам об обмене грамотами с Англией на правительственном уровне, что, однако, не привело к выявлению намерений английского короля, которого подозревали в подготовке «негоциации» с Карлом XII, возможно, даже с привлечением Дании. Сообщалось также, что «оная негоциация с Швецией неуспевает». Прусские министры также заявили о ходивших в дипломатических кулуарах слухах о наличии некоего проекта англо-шведского оборонительного союза, в подлинности которого они не уверены[52].

В рамках обсуждения четвёртого пункта инструкции о нахождении русских войск в немецких землях

Портрет Петра I
Гравёр Сценк Петер Старший с оригинала Годфри Неллера, первая четверть XVIII в. Государственный Эрмитаж. ЭРГ-59

Свидетельство, выданное Петром I бригадиру Петру Лефорту, о командировании его по государственным делам в Берлин
1718 г.
Государственный Эрмитаж.
ЭРДр-1099

прусские дипломаты «…имянем королевским зело за Благо приняли…», с одной стороны, желая продемонстрировать готовность в случае начала военных действий, но, с другой стороны, опасаясь озлобить «цесаря в имперских делах». Несмотря на то что Священная Римская империя германской нации к тому моменту стала исторической реликвией[53], она была всё ещё в состоянии осложнить жизнь пока только набиравшей военную силу и международный авторитет Пруссии. Прусские министры полагали, что российские войска, включая те «регименты», которые были расквартированы в Мекленбурге, целесообразно будет держать в Великой Польше и польской Пруссии. В случае если Англия и Дания заключат мир со Швецией, имевшей поддержку в Австрии, Россия и Пруссия на основании Гавельсбергской конвенции сумеют дать отпор всем неприятелям[54]. Четвёртая статья инструкции вызвала наибольшее воодушевление у прусской дипломатии, так как нахождение русских войск в Померании было выгодно в первую очередь Пруссии, стремившейся защитить полученные ею в этом регионе бывшие шведские владения. Русскую пехоту и кавалерию на немецких территориях предполагалось содержать на основании трактата, заключённого в Штральзунде[55]. Также планировалось, чтобы командующий русскими войсками в Пруссии обладал достаточной дипломатической самостоятельностью и принимал решения, «не описываясь ко дворам в делах, которые они сами определить могут»[56].

Результаты совместного русско-прусского рассмотрения инструкции царя предполагалось изложить в грамоте от имени Фридриха-Вильгельма I Петру I, содержавшей проект дальнейшего сотрудничества между двумя государствами и инструкции прусскому послу в России барону Г. Мардефельду. Указанные дипломатические документы должен был отвезти в Россию бригадир П.Б. Лефорт после ещё одной аудиенции у прусского монарха, состоявшейся 17 мая 1718 года. Фридрих-Вильгельм I на встрече с автором реляции и Лефортом сообщил, что «завтра или послезавтра Его господина брегадира прикажет отправить»[57].

Интересным добавлением к «Списку с реляции…» является «Прибавка о Грозных материях», повествующая о мекленбургских делах, которые «наискорее любительно примирять надобно», чтобы Англия и заканчивавшая войну с турками и Испанией Австрия не смогли «в главнейшем деле нынешнего согласия Его Царского Величества с королем Прусским великие чинить препоны»[58]. Здесь же упоминается аудиенция российских дипломатов у прусского короля, на которой монарх выражал удовлетворение русско-прусскими переговорами, достигнутыми договорённостями, а также надежду на заключение мира со Швецией. Фридрих-Вильгельм I сообщил: «… Мне де кажется, что лутче того поступить нельзя. Естли Бог даст мир, то изрядно. Естли же оной не состоится, то ненадобно себя давать в обиду»[59].

Такова основная суть хранящегося в Эрмитаже «Списка с реляции…», по содержащимся сведениям органично вписывающегося в общеевропейский исторический контекст последних лет Северной войны, проливающего свет на взаимоотношения России с её наиболее верным союзником того периода — Пруссией и дающего представление о дипломатической карьере П.Б. Лефорта. Несмотря на то что в документе не содержится оценка деятельности Лефорта, можно предположить, что он справился с возложенным на него поручением, так как уже в следующем, 1719 году он вновь выступил на дипломатическом поприще.

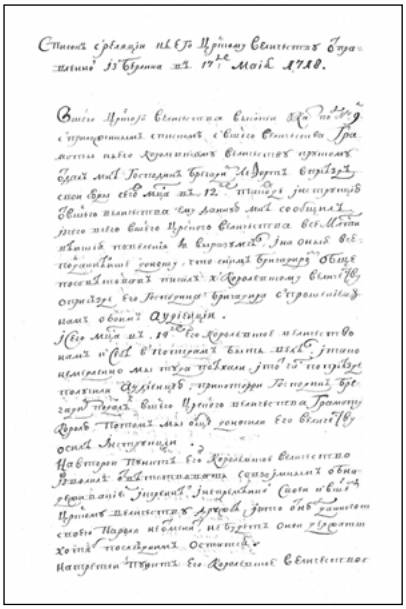
В апреле П.Б. Лефорт был отправлен с грамотой Петра I к шведской королеве Ульрике-Элеоноре[60] и инструкцией для ведения мирных переговоров на Аландском конгрессе. В Государственном Эрмитаже хранится «Инструкция брегадиру господину Лефорту», датированная 10 апреля 1719 года и подписанная российским канцлером графом Г.И. Головкиным и вице-канцлером бароном П.П. Шафировым[61].

Двухсторонние переговоры России со Швецией на Аландских островах начались весной 1718 и были прерваны в декабре 1718 года в связи с неожиданной кончиной шведского короля Карла XII[62]. Взошедшая после смерти брата на престол Ульрика-Элеонора согласилась продолжить работу шведской стороны на конгрессе, однако под влиянием своего супруга принца Фридриха Гессенского, ориентировавшегося на Англию, заняла реваншистскую позицию. С разъяснением выгод Швеции от заключения мира с Россией и в будущем возможного союзного договора на Аланды был направлен

П.Б. Лефорт. Необходимо отметить, что главной целью миссии Лефорта являлось прощупывание намерений шведского королевского двора[63]. Бригадиру предписывалось с Аландских островов сразу направиться в Швецию для получения у королевы личной аудиенции, на которой следовало «вначале учинить оной от Его Царского Величества комплемент сожалительной в пристойных терминах о смерти брата Её Его Королевского Величества свейского»[64], затем поздравить с восшествием на престол и выразить надежду на скорейшее окончание начатых по инициативе её брата мирных переговоров. В завершение преамбулы Лефорт должен был вручить Ульрике-Элеоноре грамоту Петра I[65]. Далее по «Инструкции» Лефорт был обязан приватно довести до сведения кого-либо из шведских министров, возможно Лилиенштедта, назначенного представлять Швецию на Аландском конгрессе, желание России в интересах подданных обеих стран как можно скорее заключить мир[66]. Однако в случае затягивания переговоров или отказа Швеции от заключения мира следовало сообщить шведской стороне, что Россия готова продолжать войну и «Его Царское Величество наисильнейший и опаснейший неприятель есть короне шведцкой»[67]. Зная о проанглийских настроениях Фридриха Гессенского, желавшего заключить союз с Англией и Пруссией против России, Пётр I через Лефорта обращал внимание шведской дипломатии на то обстоятельство, что английский король будет действовать прежде всего сквозь призму интересов Ганновера, претендовавшего на бывшие шведские провинции в Европе. После присоединения же к Ганноверу Вердена и Бремена Англия утратит интерес к Швеции[68], что впоследствии и произошло. Имея сведения о несамостоятельности Ульрики-Элеоноры как правительницы, Пётр I предписал Лефорту вступить в переговоры с её супругом Фридрихом Гессенским и его отцом ландграфом Гессен-Кассельским, обещая царскую благодарность за их способствование заключению мира[69]. Помимо бесед с первыми лицами шведского государства, а также представителями дворянства и купечества Лефорт обязан был собирать сведения как о действиях и намерениях европейских государств по отношению к России и Швеции, так и о возможных военных приготовлениях Швеции на суше и на море. «Ему бригадиру в бытность в Швеции розведывать елико возможно и секретно о состоянии тамошнем, а особливо коликое ныне число войск готовых и в которых местех обретаются, и не назначено ль оным куды в марш готовитца… такожде сколько кораблей и других военных судов вооруженных, или вооружать велено… и прочая, чего всего ему бригадиру по известному своему искусству и по знаемости в тамошних краях присматривать и розведывать надлежит»[70]. О результатах своей деятельности и добытой информации Лефорт должен был отчитываться перед царём посредством тайной корреспонденции, для чего «дана ему в запас цыфирь»[71].

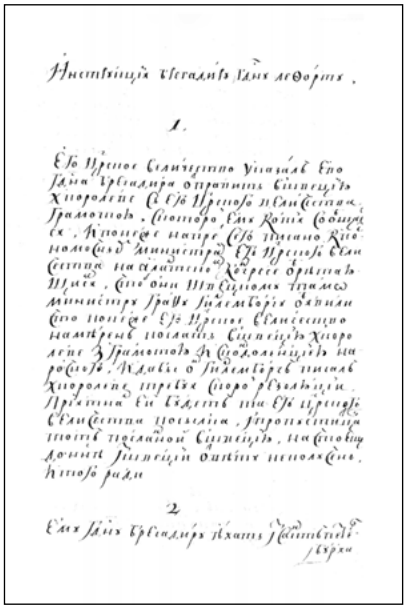
Известны маршрут и программа визита П.Б. Лефорта в апреле—июне 1719 года в Швецию[72]. Так, 11 апреля он выехал из Санкт-Петербурга, прибыв в Або через Выборг и Тавастгус 22 апреля. Из Або «из-за льдов» он выехал 3 мая, приехав на Аландские острова 6 мая. Там ему снова пришлось ожидать сначала разрешения отправиться в Стокгольм и необходимого транспорта, затем соответствующих погодных условий. В результате в столице Швеции Лефорт оказался лишь 27 мая 1719 года, где сразу после размещения в специально нанятом для него доме его навестили шведские военачальники — фельдмаршал граф Реншильд и генерал Гамильтон, у которого в тот день Лефорт ужинал[73]. 28 мая Лефорт посетил канцлера графа Кронгельма, которому сообщил об официальной цели своего визита и попросил об аудиенции у королевы. На следующий день Ульрика-Элеонора приняла русского дипломата в своём дворце, где выразила благодарность за письмо царя, удостоила краткой беседы и разрешила поцеловать руку. Затем состоялась встреча с супругом королевы — принцем Гессенским, который не сообщил ничего определённого о шведских условиях мира, однако пытался разузнать у Лефорта о русских мирных предложениях, о чём бригадир не был уполномочен говорить. Из бесед с правящей четой Лефорт вынес убеждение о нежелании Швеции в данный момент заключать мирный договор с Россией и намерении затягивать переговоры[74]. Этой же стратегии проволочек придерживались и видные шведские сановники — канцлер Кронгельм, генерал-лейтенант Делагарди, статс-секретарь фон Хёпкен, с которыми Лефорт встречался в государственной канцелярии 5 июня 1719 года[75]. После встречи с супругом королевы 10 июня 1719 года российский дипломат пришёл к окончательному выводу о том, что его дальнейшее пребывание в Швеции бессмысленно. Не произвёл большого впечатления на шведов и отправленный Лефорту в дополнение к «Инструкции» указ Петра I от 15 апреля 1719 года о возможных военных действиях российского флота у берегов Швеции, если последняя продолжила бы затягивать мирные переговоры на Аландском конгрессе. На бесплодность дальнейшего нахождения в Швеции Лефорта указывала также невозможность выполнить некоторые пункты «Инструкции». Так, например, он постоянно находился под наблюдением, не имея возможности свободного перемещения и, соответственно, общения с представителями дворянства и купечества. Тем более Лефорт не мог заниматься сбором све-

Список с реляции на имя Петра I из Берлина
17 мая 1718 года
Государственный Эрмитаж. ЭРДр-1100

дений о военных приготовлениях Швеции на суше и на море и о её возможных сепаратных переговорах с другими державами. Но самое главное заключалось в том, что Лефорту перекрыли каналы связи с Россией, в силу чего он был лишён возможности отправлять корреспонденцию о результатах своих переговоров с первыми лицами Шведского государства и получать указания от царя и дипломатического корпуса[76]. Всё это привело к тому, что Лефорт начал готовиться к отъезду из Швеции, накануне которого, несмотря на усиленное наблюдение, ему удалось узнать о происках английской и голландской дипломатии, стремившейся к посредничеству в деле заключения мира с тем, чтобы действовать против России. На прощальной аудиенции у королевы Лефорт получил её грамоту Петру I, а также уверения её и её супруга в желании скорее заключить мир с Россией. Через несколько дней ему был прислан через камергера королевский подарок — 10 золотых медалей, которые бригадир не хотел принимать, однако во избежание дипломатического скандала всё же взял, одарив камергера практически на ту же сумму. 24 июня 1719 года Лефорт отправился в Грисельгам, чтобы отплыть на Аланды, куда прибыл 30 июня. 1 июля дипломат отправился с письмами от шведской правящей четы и отчётом к царю, находившемуся с флотом у Гангута[77]. Пётр I, не желавший продолжения войны, тем не менее был готов к действиям Балтийского флота у шведских берегов с целью заключения мирного договора и возврата от шведов исконно русских земель[78].

Инструкция бригадиру господину Лефорту, едущему на Аландские острова с дипломатическим поручением для переговоров со шведами
Государственный Эрмитаж. ЭРДр-1101

К сожалению, несмотря на усилия российской дипломатии, включая и деятельность Лефорта, стороны не пришли к соглашению о мире и осенью 1719 года Аландский конгресс был закрыт[79]. Тем не менее дипломатическая деятельность Лефорта была, вероятно, положительно оценена Петром I, о чём свидетельствует продвижение бригадира по служебной лестнице.

Так, в 1721 году П.Б. Лефорт был произведён в генерал-майоры, о чём свидетельствует хранящийся в Эрмитаже патент на чин, подписанный Петром I и президентом Военной коллегии А.Д. Меншиковым[80]. В 1722 году генерал-майор Лефорт, по сообщению своего двоюродного брата, польского посланника в России Жана Лефорта, временно руководил Военной коллегией[81] и был ответственным за экипировку русской армии во время подготовки к Персидскому походу[82], проявив незаурядные организаторские способности. Помимо интендантской деятельности генерал-майор принимал непосредственное участие в походе, командуя одной из армейских колонн[83].

По свидетельству современников, к началу 1720-х годов Лефорт входил в российскую военную и дипломатическую элиту и играл важную роль в государственной жизни страны. Так, известно, что он был принят и часто бывал в доме родственника царя адмирала Ф.М. Апраксина, присутствовал на свадьбе единственного сына вице-канцлера барона П.П. Шафирова, регулярно поддерживал отношения с иностранными послами в России бароном Г. Мардефельдом и Штамке, был знаком с зятем Петра I герцогом Карлом-Фридрихом Гольштейн-Готторпским[84], наряду с другими дипломатами принимал участие в маскараде в честь заключения Ништадтского мира[85].

После кончины Петра I Лефорт продолжил службу в России, получая новые чины и высокие награды. 24 февраля 1728 года в связи с коронацией Петра II он был пожалован чином генерал-лейтенанта, а в следующем году награждён орденом Св. Александра Невского[86]. Патент на чин генерал-лейтенанта, однако, был выдан ему 1 декабря 1730 года по распоряжению Анны Иоанновны и заверен её личной подписью[87]. Императрица ценила Лефорта за его полководческие таланты и назначала на важные военные посты, о чём свидетельствуют два указа Военной коллегии, хранящиеся в Эрмитаже. Так, в начале царствования Анны Иоанновны Лефорт являлся командующим войсками, стоявшими в Москве, а в 1731 году был направлен в Лифляндию для управления войсками вместо Густава Бирона, брата знаменитого фаворита императрицы[88].

В условиях обострения отношений с Османской империей Анна Иоанновна указом от 22 июля 1732 года назначила Лефорта командовать Низовым корпусом, расквартированным на Каспийском побережье и в завоёванных у Персии провинциях. Согласно указу Военной коллегии от 25 июля 1732 года, подписанному её президентом Х.А. Минихом, Лефорту предписывалось немедленно отправиться из Лифляндии в Низовой корпус без заезда в Санкт-Петербург[89]. Однако уже на следующий день императрица приказала Лефорту ехать из Лифляндии в Санкт-Петербург. Указ Военной коллегии о явке генерал-лейтенанта Лефорта в столицу был дан 29 июля 1732 года[90]. Можно предположить, что в Санкт-Петербурге Лефорт впал в опалу, т.к. 21 августа 1732 года указ о его назначении командующим Низовым корпусом был отменён, а вскоре он был отправлен в отставку. В августе 1733 года П.Б. Лефорт, «получа свой абшит…», уехал в Мекленбург, навсегда покинув Россию. 2 августа 1733 года Иностранной коллегией ему был выдан паспорт на проезд в Германию, подписанный канцлером Г.И. Головкиным[91]. Так завершилась почти сорокалетняя служба в России П.Б. Лефорта, чей путь начался с волонтёра Великого посольства в тени знаменитого дяди и завершился вхождением в военную и дипломатическую элиту Российской империи.

Таковы документы Государственного Эрмитажа, отразившие

деятельность представителей семейства Лефортов в годы царствования Петра I и его преемников и достаточно выразительно демонстрирующие статус эрмитажного собрания в обширном корпусе источников для изучения русской истории первой трети XVIII века.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См., например: *Виноградов И.И.* Житие Франца Яковлевича Лефорта, Российского генерала и Описание жизни Нижегородского купца Козьмы Минина. СПб., 1799; *Голиков И.И.* Историческое изображение жизни Лефорта и Гордона. М., 1800; *Бантыш-Каменский Д.Н.* Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование Государя Императора Петра Великого. Ч. 1. М., 1812; *Поссельт М.Ф.* Генерал и адмирал Франц Яковлевич Лефорт. Его жизнь и время // Военный сборник. Т. 74. Кн. 8. Отд. 1. СПб., 1870. С. 5—34, 221—251; Т. 75. Кн. 9—10. Отд. 1. С. 5—32, 203—236; Т. 76. Кн. 11—12. Отд. 1. С. 5—32, 243—278; Т. 77. Кн. 1—2. Отд. 1. 1871. С. 5—37, 153—187; Т. 78. Кн. 3. Отд. 1. С. 5—40; Франц Лефорт: страницы истории. М., 1999; Лефорт: сборник документов и материалов. М., 2006; *Рыженков М.Р.* Франц Лефорт — друг и наставник Петра Великого // Воен.-истор. журнал. 2007. № 3. С. 58—62; *Павленко Н.И.* Лефорт. М., 2009; *Керзум А.П.* Франц Лефорт // Протестанты на службе России: биографические очерки. СПб., 2012. С. 40—54; *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* О Лефортах в России // Известия Русского Географического общества. Вып. 32: В честь И.В. Сахарова по случаю его 85-летия. СПб., 2017. С. 121—140.

[2] Некоторые документы содержат печатный текст.

[3] Памятники русской культуры первой четверти XVIII века в собрании Государственного ордена Ленина Эрмитажа: каталог. Л., 1966. № 21, 27, 28, 31, 32. С. 33, 34; От войны к миру. Россия — Швеция. XVIII век: каталог выставки. 28 апреля — 12 сентября 1999 г. Вып. 3. Дипломатические отношения. СПб., 1999. № 53. С. 62; Основателю Петербурга: каталог выставки. СПб., 2003. № 2243, 2244.

[4] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 51. Д. 1832. Л. 3, 3 об.

[5] Там же. Л. 3 об.

[6] Там же.

[7] *Бабкин А.* Письма Франца и Петра Лефортов о «Великом посольстве» // Вопросы истории. 1976. № 4. С. 124.

[8] *Корсакова В.* Лефорт // Русский биографический словарь. Т. Х. Лабзина — Ляшенко. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1914. С. 361.

[9] Франц Лефорт // Страницы истории. С. 91.

[10] Отдел истории русской культуры Государственного Эрмитажа (ОИРК ГЭ). Инв. № ЭРДр-1104.

[11] Там же. Л. 1.

[12] Там же. Л. 1, 1 об.

[13] *Бабкин А.* Указ. соч. С. 123.

[14] ОИРК ГЭ. Инв. № ЭРДр-1103.

[15] *Поссельт М.Ф.* Генерал и адмирал Франц Яковлевич Лефорт: его жизнь и время // Военный сборник. СПб., 1871. Т. 78. Кн. 3. Отд. 1. С. 29.

[16] *Богоявленский С.К.* Топография торговых рядов на Красной площади // Научное наследие о Москве XVII века. М., 1980. С. 179.

[17] *Павленко Н.И.* Указ. соч. С. 29.

[18] *Костомаров Н.И.* Очерк торговли московского государства в XVI и XVII столетиях. Кн. 8. Т. XX. СПб., 1905. С. 317.

[19] *Павленко Н.И.* Меншиков. М., 1981. С. 105.

[20] ОИРК ГЭ. Инв. № ЭРДр-1103. Л. 1.

[21] Там же. Л. 1, 1 об.

[22] РГИА. Ф. 1405. Оп. 51. Д. 1832. Л. 8, 8 об.

[23] Там же. Л. 8.

[24] Полное собрание законов (ПСЗ-I) Российской империи. СПб., 1830. Т. 5. № 3305. С. 665, 666.

[25] РГИА. Ф. 1405. Оп. 51. Д. 1832. Л. 8, 8 об.

[26] Там же. Л. 4.

[27] *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д., Николаева М.В., Ржеуцкий В.С.* Лефорт Элизабет // Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого: биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойи, 1682—1727. М., 2019. С. 431.

[28] *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д., Аваков П.А., Ржеуцкий В.С.* Лефорт Пётр Богданович // Там же. С. 437.

[29] *Бабкин А.* Указ. соч. С 121.

[30] *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Великое посольство. СПб., 2008. С. 63.

[31] *Бабкин А.* Указ. соч. С 126.

[32] *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Ч. 4 (Пруссия, Франция и Швеция). М., 1902. С. 208.

[33] *Кротов П.А.* Гангут. 300 лет первой победе Российского флота. М., 2014. С. 40.

[34] Там же. С. 79.

[35] Первая дипломатическая акция П.Б. Лефорта — участие в Великом посольстве. Однако там он не играл самостоятельной роли, во многом находясь в тени знаменитого дяди.

[36] *Возгрин В.Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны. Л., 1986. С. 281.

[37] *Ростунов И.И.* История Северной войны. 1700—1721 гг. М., 1987. С. 123.

[38] *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россиею с иностранными державами. Т. V. Трактаты с Германиею. 1656—1762. СПб., 1880. С. 112—118. № 190.

[39] Там же. С. 151, 154—156. № 196.

[40] Там же. С. 151, 156—168. № 198.

[41] *Фейгина С.А.* Аландский конгресс: внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. С. 200.

[42] *Егоров В.* Русские великаны прусского короля // Военная иллюстрация. 1998. № 1. С. 8.

[43] Письма русских государей и других особ царского семейства. Переписка Петра I с Екатериною Алексеевною. М., 1861. С. 50.

[44] *Ключевский В.О.* Сочинения в 9 т. Курс русской истории. Ч. 4. М., 1989. С. 53, 54.

[45] *Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра I. М., 1984. С. 331.

[46] История внешней политики России. XVIII век. М., 1998. С. 42.

[47] ОИРК ГЭ. Инв. № ЭРДр-1099.

[48] Там же. Инв. № ЭРДр-1100.

[49] Там же. Л. 1.

[50] Там же. Л. 1 об.

[51] Там же. Л. 2.

[52] Там же. Л. 2, 2 об.

[53] *Молчанов Н.Н.* Указ. соч. С. 359.

[54] ОИРК ГЭ. Инв. № ЭРДр-1100. Л. 2 об.—3.

[55] *Мартенс Ф.* Указ. соч. С. 119—129. № 191.

[56] ОИРК ГЭ. Инв. № ЭРДр-1100. Л. 3 об.

[57] Там же. Л. 5.

[58] Там же. Л. 6, 6 об.

[59] Там же. Л. 6 об.

[60] *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России... С. 216.

[61] ОИРК ГЭ. Инв. № ЭРДр-1101.

[62] *Тельпуховский Б.С.* Северная война 1700—1721. М., 1946. С. 161, 162.

[63] *Фейгина С.А.* Указ. соч. С. 419.

[64] ОИРК ГЭ. Инв. № ЭРДр-1101. Л. 1 об.—2.

[65] Там же. Л. 2 об.

[66] Там же. Л. 2 об.—5 об.

[67] Там же. Л. 5 об.

[68] Там же. Л. 9 об.

[69] Там же. Л. 7—8.

[70] Там же. Л. 11 об.—12.

[71] Там же. Л. 12 об.

[72] Российский государственный архив древних актов. Ф. 96. Оп. 1. 1719 г. Д. 13.

[73] *Фейгина С.А.* Указ. соч. С. 424.

[74] Там же. С. 425, 426.

[75] Там же. С. 427.

[76] Там же. С. 428.

[77] Там же. С. 429, 430.

[78] *Гребенщикова Г.А.* Российский флот и дипломатия Екатерины II. Т. 1. Наследие Петра Великого. СПб., 2019. С. 121.

[79] *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России... С. 216.

[80] ОИРК ГЭ. Инв. № ЭРДр-1109.

[81] Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии // Сборник Русского Исторического общества. Т. 3. СПб., 1868. С. 347, 348.

[82] *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д., Аваков П.А., Ржеуцкий В.С.* Лефорт Пётр Богданович... С. 436.

[83] *Франц Лефорт.* Страницы истории. С. 89.

[84] Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольца. 1721—1725. Ч. 1. М., 1902. С. 55, 58, 133.

[85] Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии... Т. 3. С. 336.

[86] *Бантыш-Каменский Д.Н.* Историческое собрание списков кавалерам четырёх российских императорских орденов: св. апостола Андрея Первозваннаго, св. великомученицы Екатерины, св. благовернаго великаго князя Александра Невскаго и св. Анны, с самаго учреждения оных, до установления в 1797 году орденскаго капитула; с приложением старых статутов первых двух орденов и ордена св. Анны; с означением кончины некоторых кавалеров и с присовокуплением, для удобнейшаго приискания, алфавита фамилиям упоминаемых здесь кавалеров. М., 1814. С. 181.

[87] ОИРК ГЭ. Инв. № ЭРДр-1108.

[88] *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д., Аваков П.А., Ржеуцкий В.С.* Лефорт Пётр Богданович... С. 437.

[89] ОИРК ГЭ. Инв. № ЭРДр-1105.

[90] Там же. Инв. № ЭРДр-1106. Л. 1 об.

[91] Там же. Инв. № ЭРДр-1107. ■

© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

МАРТ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

1 марта 1996 года, 25 лет назад, в районе г. Свободный Амурской обл. на базе Главного центра испытаний и применения космической техники создан второй Государственный испытательный космодром «Свободный» Министерства обороны РФ. 4 марта 1997 года с него на солнечно-синхронную орбиту с помощью ракеты-носителя «Старт-1» с подвижного старта выведен ИСЗ «Зея».

10 марта 1941 года, 80 лет назад, на Воронежском авиазаводе выпущен первый серийный штурмовик Ил-2. К началу войны изготовлено 249 машин. Немцы называли его «летающая смерть» или «летающий танк». В августе завод награждён орденом Ленина.

11 марта 1726 года, 295 лет назад, родился В.Я. Чичагов, адмирал (1782), исследователь Севера, победитель в морских сражениях при Эланде, Ревеле, Выборге, единственный из моряков кавалер ордена Св. Георгия 1-й степени (1790).

11 марта 1981 года, 40 лет назад, на вооружение войсковой ПВО принят ПЗРК «Игла-1».

12 марта 1921 года, 100 лет назад, началась Батумская наступательная операция 11-й армии Кавказского фронта. Группа советских войск под командованием Д.П. Жлобы, совершив переход через труднодоступный Годердзский перевал, ударила в тыл войскам Грузинской буржуазной республики и захватила г. Батум. Грузинское меньшевистское правительство бежало в Турцию. Операция завершилась 19 марта.

16 марта 1976 года, 45 лет назад, на вооружение войсковой ПВО принят самоходный зенитный ракетный комплекс ближнего действия «Стрела-10СВ».

18 марта 1921 года, 100 лет назад, в Риге между РСФСР, УССР и Польшей подписан мирный договор о прекращении войны и нормализации отношений.

19 марта – День моряка-подводника. В этот день в 1906 году императорским указом в установленную 11 января 1892 года классификацию судов военного флота включены разряды: а) посыльных судов, б) подводных лодок.

19 марта 1986 года, 35 лет назад, на вооружение войск ПВО Сухопутных войск принят всепогодный зенитный ракетный комплекс малой дальности «Тор».

21 марта 1891 года, 130 лет назад, родился А.В. Горбатов, Герой Советского Союза (1945), генерал армии (1955). Участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн. В 1937 году был репрессирован. С июня 1945 года командовал 5-й ударной армией и был комендантом Берлина. В 1946–1950 гг. командовал армиями. В 1950–1954 гг. был командующим Воздушно-десантными войсками, а в 1954–1958 гг. – войсками ПрибВО.

23 марта 1781 года, 240 лет назад, указом Сената в Холмогорах основана первая в России мореходная школа для обучения судоводителей (позже – Архангельское мореходное училище им. В.И. Воронина).

24 марта 1951 года, 70 лет назад, образовано ОКБ № 23 В.М. Мясищева для разработки межконтинентального реактивного бомбардировщика. Уникальный М-4 впервые поднял в воздух 20 января 1953 года лётчик Ф.Ф. Опадчий. 4 мая 1954 года начались госиспытания машины. 27 марта 1956 года начались лётные испытания высотного дальнего бомбардировщика 3М. Всего построено М-4 и 3М всех модификаций 93 единицы. 3М состоял на вооружении до 1985 года. ОКБ-23 в 1960 году расформировано. В 1967 году вновь воссоздано, впоследствии входило в состав НПО «Молния», а ныне приобретено «ОАК».

27 марта – День войск национальной гвардии РФ.

28 марта 1991 года, 30 лет назад, основана Академия космонавтики им. К.Э. Циолковского.

29 марта 1836 года, 185 лет назад, создана Юридическая служба ВС РФ.

29 марта 1836 года, 185 лет назад, создано Управление делами МО РФ.

30 марта 1856 года, 165 лет назад, заключён Парижский мирный договор между Россией с одной стороны, Англией, Францией, Турцией, Австрией, Сардинией, Пруссией – с другой, завершивший Крымскую войну 1853–1856 гг.

Публикация А.Л. БОЧАРОВОЙ

Сведения об авторе. *Бочарова Анастасия Леонидовна — научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва. E-mail: mil_hist_magazin@mail.ru)*

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция принимает к рассмотрению рукописи (распечатанный экземпляр и на электронном носителе) объёмом не более одного авторского листа, набранного в Word через два интервала с концевыми ссылками на использованные источники. В обязательном порядке вместе с рукописью представляются иллюстрации. Ответственность за достоверность информации, точность цифр и цитат, а также за то, что в материалах нет данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. Материалы, опубликованные в периодической печати, а также в Интернете, редакцией не рассматриваются.

Авторы могут присылать свои рукописи на электронный адрес издания.

Материалы, присланные в редакцию, рецензируются членами редакционной коллегии журнала.

В соответствии с действующим законодательством редакция имеет право не вступать с авторами в переписку. Присланные в редакцию материалы и электронные носители не возвращаются.

Авторы должны представить на русском и английском языках свои личные данные: фамилию, имя, отчество, должность, для военнослужащих – воинское звание, учёную степень, учёное звание, контактную информацию для переписки, которая будет помещена в бумажной и электронной версиях издания, а также краткую аннотацию на свой материал и ключевые слова. Кроме этого необходимо сообщить в редакцию почтовый адрес с индексом, номера телефонов для связи, а также адрес электронной почты, если эти данные не были указаны ранее.

Редакция доводит до сведения потенциальных авторов, что нами выявлены случаи представления авторами рукописей одних и тех же статей, в том числе ранее опубликованных, одновременно в несколько научных изданий. Редакция «Военно-исторического журнала» предупреждает, что при выявлении подобных фактов всякое сотрудничество с авторами этих рукописей будет прекращено.

Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения авторов. При перепечатке материалов ссылка на «Военно-исторический журнал» обязательна.

Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается.

Адрес редакции для переписки: 119160, Москва, Хорошёвское шоссе, д. 38Д, редакция «Военно-исторического журнала». Тел.: (495) 941-26-50, (495) 941-26-12
E-mail: ric_vig_1@mil.ru

Индекс журнала для подписчиков по каталогу «Объединённый каталог Пресса России» ОАО «АРЗИ» – 39887
Онлайн-подписка по интернет-каталогам:
- https://www.pressa-rf.ru/
- https://www.akc.ru/

Сдано в набор 18.01.2021
Подписано к печати 18.02.2021
Формат 60x84/8.

Тираж экз. 2145 Зак. № 0311-2021"
Регистрац. № 01978 от 30.03.1992

Журнал издаётся ФГБУ «РИЦ «Красная звезда» Минобороны России
125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38
Тел.: (495)941-23-80
E-mail: ricmorf@yandex.ru
Отдел рекламы (495)941-28-46
E-mail: reklama@korrnet.ru

Отпечатано в АО «Красная Звезда»
125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38
Тел. маркетинг: (495) 941-32-09,
(495) 941-34-72, (495) 941-39-52,
http://redstarprint.ru/
E-mail: kr_zvezda@mail.ru redstar_print

Цена свободная

© «Военно-исторический журнал», 2021

Здание Главного Адмиралтейства в Санкт-Петербурге, где в 1930-е гг. размещалась Газодинамическая лаборатория

РОЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ РАКЕТНОЙ ТЕХНИКИ

К 100-летию создания Газодинамической лаборатории

По инициативе Николая Ивановича Тихомирова (1859—1930), химика, изобретателя и специалиста по ракетной технике, 1 марта 1921 года для разработки ракетных снарядов на бездымном порохе в военном ведомстве была создана первая советская ракетная научно-исследовательская и опытно-конструкторская организация — Газодинамическая лаборатория (ГДЛ). В 1927 году её из Москвы перебазировали в Ленинград.

В уникальной лаборатории был создан бездымный порох на нелетучем растворителе (тротилпироксилиновый) с большой толщиной свода шашек. В 1927—1933 гг. здесь были разработаны пороховой старт лёгких и тяжёлых самолётов У-1, ТБ-1 и других моделей, ракетные снаряды нескольких калибров различного назначения для стрельбы с земли и с самолётов.

В 1929 году в ГДЛ было организовано подразделение, в котором под руководством советского инженера и учёного в области ракетно-космической техники, основоположника советского жидкостного ракетного двигателестроения Валентина Петровича Глушко (1908—1989), разрабатывались первый в мире электрический ракетный двигатель (ЭРД) и первые советские жидкостные ракетные двигатели (ЖРД).

В 1930 году специалистами лаборатории впервые предложены в качестве окислителей для ракетного топлива азотная кислота, её растворы с четырёхокисью азота, хлорная кислота, тетранитрометан, перекись водорода. Созданы керамическая теплоизоляция камер сгорания и профилированное сопло. В 1931 году разработали самовоспламеняющееся горючее и химическое зажигание, карданную подвеску двигателя. Было проведено около 50 стендовых огневых испытаний ЖРД.

В конце 1933 года ГДЛ вошла в состав Реактивного научно-исследовательского института (РНИИ) и успешно продолжила свою работу. Снаряды, созданные в ГДЛ, с некоторой доработкой были использованы во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. в гвардейских реактивных миномётах «катюша».

В связи с 40-летием ГДЛ на зданиях Главного Адмиралтейства и Иоанновского равелина Петропавловской крепости, там, где в 1930-х годах размещалась ГДЛ, были установлены мемориальные доски. Учитывая основополагающий вклад ГДЛ в успешное развитие ракетной техники, комиссия АН СССР присвоила кратерной цепочке протяжённостью 1100 км на обратной стороне Луны наименование ГДЛ, а десяти лунным кратерам — имена сотрудников легендарной лаборатории.

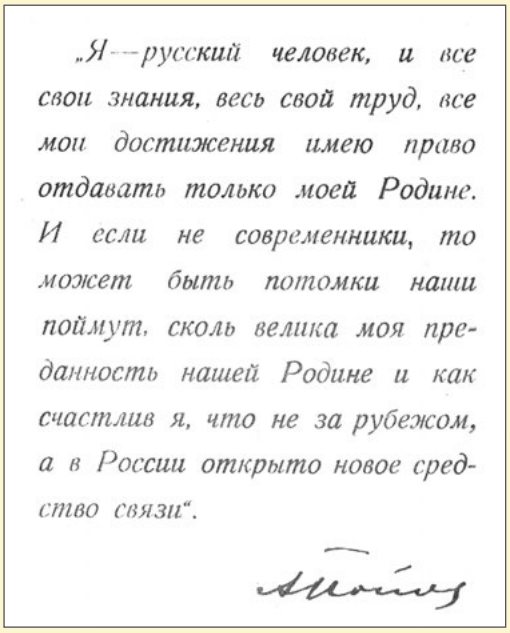

Мемориальная доска на Иоанновском равелине Петропавловской крепости, Санкт-Петербург

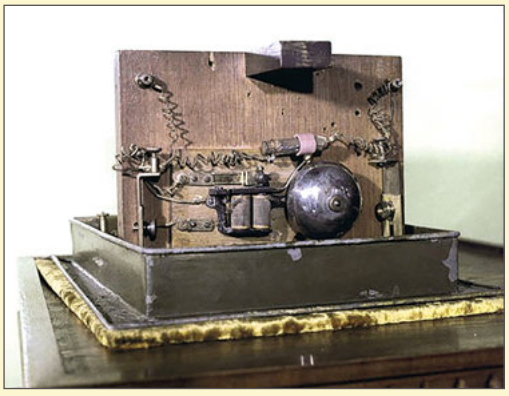
Н.И. Тихомиров
Фото 1920-х гг.

ПЕРВАЯ В МИРЕ РАДИОГРАММА

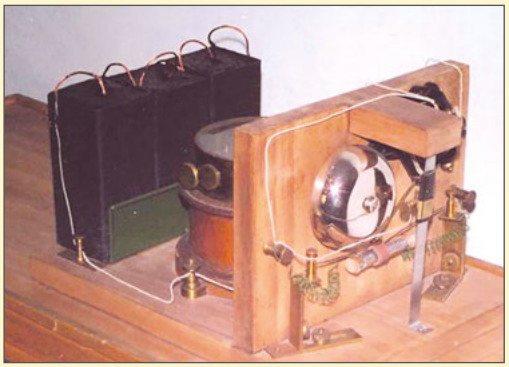

„Я — русский человек, и все свои знания, весь свой труд, все мои достижения имею право отдавать только моей Родине. И если не современники, то может быть потомки наши поймут, сколь велика моя преданность нашей Родине и как счастлив я, что не за рубежом, а в России открыто новое средство связи".

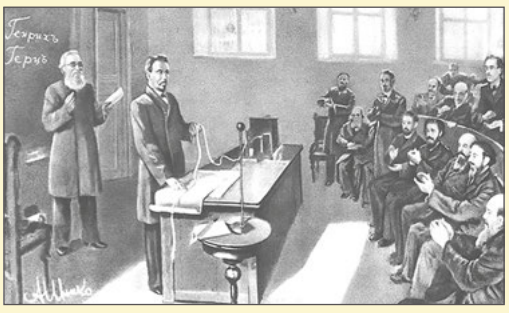
Первый в мире радиоприёмник

Первый радиоприемник А.С. Попова

А.С. Попов демонстрирует приём первой в мире радиограммы

ЗНАМЕНИТЫЙ русский учёный-изобретатель Александр Степанович Попов родился 16 (4 по ст. ст.) марта 1859 года в посёлке Туринские рудники Богословского горного округа Верхотурского уезда Пермской губернии (ныне город Краснотурьинск) в семье священника.

А.С. Попова интересовали научные открытия во всех областях применения электричества. Он занимался исследованиями только что открытых рентгеновских лучей и изготовил один из первых в России рентгеновских аппаратов. В 1897 году в Кронштадтском военно-морском госпитале был оборудован рентгеновский кабинет. Впоследствии некоторые боевые корабли были оснащены этими аппаратами. Известно, что после сражения в Цусимском проливе на крейсере «Аврора», имевшем такую установку, была оказана помощь 40 раненым морякам.

24 (12) марта 1896 года в Петербурге в помещении университета на заседании русского физико-химического общества А.С. Попов с помощью изобретённого им прибора передал первую в мире радиограмму на расстояние 250 м. Летом следующего года дальность беспроволочной связи была увеличена до 5 км.

Прибор Попова возник из установки для учебной демонстрации опытов Г. Герца, построенной Поповым с учебными целями ещё в 1889 году. Вибратор Герца служил Попову передатчиком.

В начале 1895 года Попов заинтересовался опытами О.Д. Лоджа, усовершенствовавшего когерер и построившего на его основе радиоприёмник, с помощью которого в августе 1894 года он сумел получать радиосигналы с расстояния 40 м. А.С. Попов попытался воспроизвести их, построив собственную модификацию приёмника Лоджа. В своих опытах Попов использовал заземлённую мачтовую антенну, изобретённую в 1893 году Н. Теслой, и ввёл в схему автоматическую обратную связь.

Впервые он представил своё изобретение 7 мая (25 апреля) 1895 года на заседании Русского физико-химического общества в Петербургском университете в докладе «Об отношении металлических порошков к электрическим колебаниям».

С усовершенствованной системой телеграфии без проводов А.С. Попов выступил там же 24 (12) марта 1896 года, осуществив передачу и приём радиограммы с текстом «Генрих Герц». Телеграфная лента с этим текстом долго хранилась у участника этого заседания профессора В.К. Лебединского, пока во время Первой мировой войны не погибла с его библиотекой в Риге.

Во многих странах Запада первым изобретателем радио считается итальянский радиотехник и предприниматель Г. Маркони, хотя тот продемонстрировал передачу радиограмм лишь 2 сентября 1896 года. Заявку на свой аппарат Маркони подал 2 июня 1896 года, в то время как А.С. Попов продемонстрировал своё изобретение раньше — 7 мая (25 апреля) 1895 года.

Памятник А.С. Попову в Краснотурьинске

Памятник изобретателю радио А.С. Попову в Екатеринбурге

